Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шокотько Лариса Евгеньевна

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА (ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нучный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Калинкин Валерий Михайлович

Донецк – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ 2
ВВЕДЕНИЕ 5
ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЧАСТИЦ КАК РАЗНОВИДНОСТИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ 12
1.1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА 12
1.2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТИЦ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 17
ГЛАВА 2. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ 57
2.1. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XVII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТИЦ 57
2.2. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА. 66
2.3. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В СЛОВЕСНОСТИ XVII ВЕКА. МОРФОЛОГИЯ 74
2.3.1. Частица *бо* 74
2.3.1.1. Узуальные функции 74
2.3.1.2. Синонимическая парадигма 76
2.3.1.3. Смешанные функции (частица+союз) 77
2.3.1.4. Союзные функции 78
2.3.2. Частица *вѣть (ведь)* 79
2.3.2.1. Узуальные функции 79
2.3.2.2. Синонимическая парадигма 82
2.3.2.3. Смешанные функции (частица+союз) 83

2.3.2.4. Союзные функции 84
2.3.3. Частица *вотъ* 89
2.3.4. Частица *да* 93
2.3.4.1. Узуальные функции 93
2.3.4.2. Синонимическая парадигма 96
2.3.4.3. Смешанные функции (частица+союз) 96
2.3.4.4. Союзные функции 97
2.3.5. Частица *даже* 99
2.3.5.1. Узуальные функции 99
2.3.5.2. Союзные функции 100
2.3.6. Частица *же (жо, ж)* 102
2.3.6.1. Узуальные функции 102
2.3.6.2. Синонимическая парадигма 108
2.3.6.3. Смешанные функции (частица+союз) 109
2.3.6.4. Союзные функции 110
2.3.7. Частица *и* 119
2.3.7.1. Узуальные функции 120
2.3.7.2. Синонимическая парадигма 124
2.3.7.3. Смешанные функции (частица+союз) 125
2.3.7.4. Союзные функции 127
ГЛАВА 3. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА С выделительно-ограничительным ЗНАЧЕНИЕМ 130
3.1. ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА 135
3.1.1. Лексема *только* 141
3.1.1.1. Узуальные функции 141
3.1.1.2 Синонимическая парадигма 152
3.1.1.3. Смешанные функции (частица+союз) 154

3.1.1.4. Союзные функции 156
3.1.2. Лексема *лишь* 163
3.1.2.1. Узуальные функции 163
3.1.2.2. Синонимическая парадигма 164
3.1.2.3. Смешанные функции (частица+союз) 165
3.1.2.4. Союзные функции 165
3.1.3. Лексема *разве* 170
3.1.3.1. Узуальные функции 170
3.1.3.2. Синонимическая парадигма 176
3.1.3.3. Смешанные функции (частица+союз) 178
3.1.3.4.Союзные функции 178
3.2. ДРУГИЕ “МАНИФЕСТАЦИИ” ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА 180
ВЫВОДЫ 184
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 187
ЛИТЕРАТУРА 190

ВВЕДЕНИЕ

“Большая жизнь” многих частиц (за исключением формообразующих и отрицательных) начинается в XVII веке. Это объясняется спецификой их семантики: в большинстве своём они служат для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения”, “характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления” [111].

«Житие протопопа Аввакума», ставшее одним из основных текстов, привлечённых к исследованию частиц в русском языке XVII века, было написано живым “природным языком” и представляло собой скорее развёрнутую автобиографию, чем традиционный для древнерусской литературы жанр жития. Не ограничиваясь сухим, “протокольным” перечислением фактов, “неистовый протопоп” вносил в свои сочинения экспрессию, которая определила стиль его произведений: события, люди, их поведение, речь, собственная личность описаны ярко, эмоционально, не сторонним наблюдателем, а активным участником происходящего. Бунтарский дух, полемическая заострённость, которыми проникнуто творчество Аввакума, требовали новых средств выражения: его речь изобилует вульгаризмами, особенно когда он говорит о своих противниках, он вводит в повествование “диалектические особенности своего родного григоровского говора” [45], активно использует частицы, вносящие множество дополнительных значений.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью частиц, особенно в историческом аспекте, а во-вторых, необходимостью по возможности разграничить частицы и другие

служебные слова (союзы и предлоги), дать более полное и чёткое описание значений, вносимых ими в контекст.

Степень разработанности. Хотя за последние два-три десятилетия появилось некоторое количество специальных исследований частиц, в том числе посвящённых какой-либо одной из них [8, 17, 25, 37, 60, 62, 63, 72, 77, 104, 107, 113, 124–126, 139, 155], этот класс слов остаётся недостаточно изученным. И если вопрос об отнесённости других служебных слов (предлогов, союзов и междометий) к той или иной части речи можно считать в основном решённым, то “частицы как особая часть речи представляют собой самую неопределённую по составу группу слов. Ни одно из существующих определений не только не очерчивает достаточно чётко их границ, но, наоборот, открывает эти границы: полунаречия, полусоюзы, модальные слова, даже морфемы попадают в круг частиц” [129, с. 12]. Нет единства и в определениях частиц. В. В. Виноградов квалифицировал частицы как “классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений” [31, с. 520]. По определению Е. М. Галкиной-Федорук, “частицами называются незнаменательные слова, которые 1) служат для выражения дополнительных смысловых оттенков отдельного слова, словосочетания или целого предложения; 2) служат средством выражения эмоций; 3) выполняют роль аффиксов при словообразовании” [39, с. 229]. Существуют расхождения во мнениях и по вопросу дифференциации частиц, союзов и междометий. Т. М. Николаева считает, что “даже в современном русском языке мы не можем четко отличить союз от частицы, частицу от наречия, частицу от междометия, частицу от местоимения (всегда находятся „гибридные классы”

(со сноской), “переходные классы”), частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-вводные слова (со сноской), „гибридный союз” (со сноской), „союзные частицы” (со сноской) и т. д.” [92, с. 4]. А. Н. Гвоздев, напротив, полагал, что синтаксические функции частиц “резко отграничены от функций предлогов и союзов, именно: в противоположность им частицы не выражают связей и отношений между словами, благодаря чему они нередко противопоставлялись союзам и предлогам как несинтаксические служебные слова синтаксическим” [40, с. 422].

Бесспорно лишь то, что

1) языковая единица, соединяющая части сложного предложения или “равноправные части” [93], является союзом;

2) частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет самостоятельного значения. Она не имеет и того общего значения “усиления”, “выделения”, “ограничения”, “отождествления” и т. д., “которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц” [129, с. 12]. В толковании значений частиц также нет единства. В словарных статьях, посвящённых частицам, с одной стороны, даётся слишком общая характеристика, которая не отражает всего многообразия выражаемых ими значений, с другой, часто отсутствует общее значение слова.

Целью работы является изучение семантических и функциональных особенностей усилительных и выделительно-ограничительных частиц с учётом их “союзных функций” и морфологических трансформаций в русском языке XVII века.

Намеченная цель предполагает решение следующих **задач:**

1. Извлечение полного корпуса контекстов с усилительными и выделительно-ограничительными частицами из отобранного для исследования материала.

2. Многофакторный анализ минимальных контекстов, достаточных для функционально-синтаксической квалификации частиц и определения их семантики.

3. Описание основных функций частиц и условий их употребления.

4. Выявление и описание дополнительных значений, вносимых частицами в высказывание.

5. Описание функционально-грамматических и семантических свойств слов, относящихся к так называемым “переходным классам”.

Объект исследования – служебные слова (частицы и союзы) русского языка XVII века.

Предмет исследования – функционально-семантические особенности усилительных и выделительно-ограничительных частиц и их морфологических трансформаций как представителей категории служебных слов русского языка XVII века.

Материалом исследования являются произведения древнерусской литературы XVII века: житийная литература («Житие протопопа Аввакума»; «Житие Епифания»), поучения («Поучение аввы Дорофея о любви и обращение Аввакума к “питомникам церковным”»; «О трех исповедницах слово плачевное»; «Книга толкований и нравоучений»; «Книга бесѣдъ») богословские сочинения («Книга обличений или Евангеліе Вѣчное»; «Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»), частная и деловая переписка («Челобитные, письма, послания»; «Переписка Ф. П. Морозовой с Аввакумом и его семьей»; «Письма Е. П. Урусовой»), памятники письменности («Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край»; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия»; «Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.)», литературные произведения и “журналистика” («Повесть об Азовском осадном сидении

донских казаков»; «Сочинения царя Алексея Михайловича»; «Вести-куранты 1642 – 1644 гг.»).

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в привлечении к анализу произведений древнерусской литературы XVII века (сочинений протопопа Аввакума, поучений, памятников деловой письменности и т. д.) на этапе бурного развития и демократизации русского литературного языка, а во-вторых, – в попытке найти функционально-грамматические и семантические параметры собственно частиц в так называемых “переходных классах”: частицах-союзах, частицах-наречиях, частицах-вводных словах.

Теоретическое значение работы заключается в целостной разноаспектной характеристике функционально-семантических свойств группы служебных слов, преимущественно проявляющихся в роли частиц в русском языке XVII века, т. е. в период завершения формирования национальных вариантов восточнославянских языков.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности применения результатов исследования в лексикографии при толковании служебных лексем с учётом взаимовлияния контекста и дискурсивных слов, а также в возможности использования основных положений и результатов исследования в преподавании курсов истории языка, лексикологии и лексикографии.

Методы исследования обусловлены его целями, задачами и анализируемым материалом. В работе используются описательный, компонентный и структурный методы. Анализ функционально-грамматических и семантических свойств частиц проводился на материале произведений древнерусской литературы различных жанров. Кроме традиционных методов, в исследовании использовалась электронная база данных (MS Access), в которой собирались и обрабатывались примеры употребления частиц с привлечением контекстов различного уровня

сложности и протяжённости. В структуре базы данных была предусмотрена возможность для анализа основных и дополнительных значений частиц, а также их позиционных характеристик.

Положения, выносимые на защиту: 1) трудности, связанные с отнесением анализируемых слов к той или иной части речи, обусловлены не столько их реальными свойствами, сколько особенностями предложенных разными учёными классификаций; 2) нормальным состоянием слов с семантикой частиц речи является постоянный лексигенез – непрерывное движение в пространстве вспомогательных средств выражения различных семантико-синтаксических отношений между компонентами высказывания; 3) для отражения в словарных статьях реальной динамики семантико-синтаксических свойств вспомогательных средств с семантикой частиц речи необходима разработка специальной теории лексикографии.

Достоверность исследования обеспечивается применением методологически оправданных методов, приёмов и способов описания лексических единиц, а также надёжностью источников привлечённого к исследованию материала: анализ осуществлялся на текстах, подготовленных и изданных Академией наук СССР.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, общих выводов, списка литературы и использованных источников иллюстративного материала, а также приложения, представляющего собой образцы словарных статей.

Апробация результатов исследования осуществлена на 10 конференциях, из них – на 8 международных.

1. V Некрасовские чтения. Современное прочтение Н. А. Некрасова. – Ярославль, 1990.

2. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований». – Днепропетровск, 2005.

3. Міжнародна науково-практична конференція “Розвиток наукових досліджень – 2005”. – Полтава, 2005.

4. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Альянс наук: ученый – ученому». – Днепропетровск, 2005.

5. ІІ Міжнародна науково-практична конференція «Дні науки – 2006». – Дніпропетровськ, 2006.

6. ІІ Міжнародна науково-практична конференція «Сучасні наукові дослідження – 2006». – Дніпропетровськ, 2006.|

7. XV Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (19–23.06.2016). – Киев, 2006.

8. Международная научно-практическая конференция «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2010». – Одесса, 2010.

9. Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (24–27.06.2013). – Киев, 2013.

10. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 23 августа 2013 г. – Краснодар, 2013.

ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЧАСТИЦ КАК РАЗНОВИДНОСТИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

1.1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Хотя основателем науки о русском языке принято считать М. В. Ломоносова, как филолог он имел в славянском мире серьёзных предшественников и современников, среди которых значительную роль сыграли Лаврентий Зизаний [61], Памва Берында [101], Мелетий Смотрицкий [118] – автор единственного (с 1619 г. до, примерно, середины XVIII века) руководства по употреблению русского языка, А. А. Барсов [10] и др. Известно, что первый русский академик В. Е. Адодуров, участвуя в подготовке немецко-русского лексикона Э. Вейсмана (1731 г.), составил к нему краткий очерк русской грамматики на немецком языке, которым, между прочим, пользовался М. В. Ломоносов при работе над «Российской грамматикой». В 1730 году Адодуров тесно общался с В. К. Тредиаковским, и существует предположение, что грамматика представляет собой результат сотрудничества этих авторов.

Одной из первых широко известных в России грамматик была «Грамматика словенска совершенного искусства осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием (1596 г.). Лаврентий Иванович Зизаний-Тустановский – выдающийся украинский лингвист, переводчик, писатель, педагог и церковный деятель XVI – XVII вв. – родился в 50-е – 60-е годы XVI века (по свидетельству современников, в Галичине), умер после 1634 г. Почитаем не только в России, но и на Украине и в Белоруссии.

Лаврентий Зизаний выделял восемь “частей слова” (частей речи): пять “склонѧємы” (различїє [артикль], имѧ, мѣстоимѧ, глаголъ, причастїє) и три “нє склонѧємы” (прєдлогъ, нарєчїє, съюзъ). Частицы *да* и *бы* упоминались в разделе «Глаголъ» и рассматривались лишь как “средство” образования различных форм глагола: действительного залога настоящего и будущего времени (*да ꙗвлѧю*), условного наклонения прошедшего времени (*да ꙗвилъ бы*), формы “протяженного” времени (*да бы ꙗвлѧ(х), ꙗвлѧ(л) бы єси*), формы “присовершенного” времени (*да бы ꙗвлѧа(х)*, при соединении частицы *бы* с формами аориста [*да бы гласихо(м)*] и т. д.

Некоторые другие частицы относились к наречиям и союзам. По определению Лаврентия Зизания, “нарєчіє єсть часть слова нє склонѧєма, прє глаголє или по глаголє глаголєма”. Зизаний выделял 22 вида наречий по значению (или по “знамєнованію”): врємєнє, мѣста, качєства, количєства, отрицанїѧ, оувѣщанїѧ, молитвєнаго, оуподоблєнїѧ, оудивлєнїѧ, риданїѧ, нєивѣства, чина (порядка), събранїѧ, радѣлєнїѧ, расуждєнїѧ, въпрошєнїѧ, вєличанїѧ, клинєнїѧ (утвердительные), отклинєнїѧ, ꙗвлєнїѧ, таєнїѧ, нєудобства, а также семь видов союзов: сълѣплѧющїѧ, радѣлѧющїѧ, прикасающїѧсѧ, виновныѧ, въпросныѧ, оутвєждающїѧ, оувѣщавающїѧ. Некоторые лексемы, ныне квалифицируемые как частицы, Зизаний относил к наречиям (отрицанїѧ – *ни*, молитвєнаго – *да*, *аминь,* оудивлєнїѧ – *о*, *а*, *га*, *ꙗко*, радѣлєнїѧ – *равъ*, *токмо;* клинєнїѧ – *єй*, отклинєнїѧ – *ни*, оуказанїѧ – *сє*, нєоудобства – *нєгли*, *єдва*). Классификация союзов в общем совпадает с современной, так же, как и отнесённость союзов к тому или иному разряду [61].

В 1619 году вышла в свет «Грамматики славенския правилное синтагма», составленная Мелетием Смотрицким. Работа несколько раз переиздавалась. Наиболее полное издание, вызывающее большой интерес лингвистов и историков, вышло в 1648 году. Существенных расхождений

между грамматиками Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого нет. Так же, как и Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий относил частицы в основном к наречиям. Частица *да* рассматривалась в разделе «Глаголъ» как средство образования настоящего и будущего времени, наклонєнїѧ Повєлитєлнаго (*да чтєта, да прочтутъ*), наклонєнїѧ Молитєлнаго (*да чтутъ*), наклонєнїѧ Сослагатєлнаго (*аще бы*).

Так же, как и Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий выделял восемь “частей слова”. Правда, в классификации их наблюдались определённые изменения: Смотрицкий не упоминает “различіє”, но вводит мєждомєтїє. Итак, система “частей слова” Смотрицкого выглядит следующим образом: четыре “склонѧємаѧ” части слова (имя, местоимение, глагол, причастїє) и четыре “нєсклонѧємаѧ” (наречие, предлог, соуз, мєждомєтїє). Двенадцати разрядов наречий и девяти разрядов союзов (и даже менее того) оказалось достаточным, чтобы разместить в них те слова, которые мы сейчас называем частицами: в наречия *чина* (порядка) включались частицы *даже, паки, прежде даже, прежде даже не,* отрицанїѧ – *ни, нє,* ослаблєнїѧ – *ели, яко, едва*, нѣдоумѣнїѧ – *нєгли,* отдєлєнїѧ – *токмо, точїю, бє, кромє, равє*, оуказанїѧ – *сє, оно* и пр., в союзы сослагательнїѧ (условия) – *ащє ли, ащєбы, ащєжє*, винословнїѧ (причины) – *бо, ибо,* подчинительнїѧ (цели) – *да,* наносительнїѧ (следствия) – *оубо*, исполнительнїѧ (вывода) – *ждо, ждє*, нєдоумѣтелнаго (вопросительные) – *єда, чи, чили, ли* [118].Вплоть до второй половины XVIII века, до выхода в свет в 1755 году «Российской грамматики» Михаила Ломоносова, эти две грамматики оставались главными (и наиболее полными) руководствами по русскому языку. Свою грамматику М. В. Ломоносов разделил на шесть разделов, которые назвал “наставлениями”: «О человеческом слове вообще», «О чтении и правописании российском», «О имени», «О глаголе», «О вспомогательных или служебных частях слова», «О сочинении частей слова».

Всего он насчитывал восемь частей речи: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междуметие, причем к “имени” относил и существительные, и прилагательные, и числительные. Пятое “наставление” посвящено характеристике служебных частей речи. По мнению А. Н. Чудинова, пятое наставление “представляетъ повтореніе, съ незначительными измѣненіями, того, что говорится об этом у Смотрицкого и Ададурова”. Ададуровские же “основания” представляют собой “обстоятельное извлеченіе из Смотрицкаго, съ переложеніемъ лишь формъ Церковно-Славянскаго языка на Рускій; несамостоятельный характеръ прямо указанъ и составителемъ” [146, с. 215].

Принято считать, что Ломоносов разграничивал знаменательные и служебные слова, однако в категорию служебных, или “вспомогательных” слов, кроме предлогов, союзов и междометий, он включал местоимения, причастия и наречия. Частицы не выделялись в отдельную категорию, а относились частично к наречиям, частично к союзам: *и, же, также* – к “сопрягательным” (соединительным) союзам (правда, и в современном языкознании нет единства в описании слова *также*: его квалифицируют как наречие [94, 116, 117] и как союз [94, 116, 117], не предлагая при этом никаких критериев оценки); *ли* – к разделительным; *лишь, токмо лишь* – к условным; *хотя* – к противительным. Ломоносов классифицировал союзы не только по значению, но и по составу: выделял простые, “сложенные” (к которым и отнёс *также*) и двуречные; по местоположению – “предыдущие” (*хотя, не*) и “последующие” (*то, однако, но*). Некоторые частицы, которые в настоящее время рассматриваются только как частицы, включены в разряд “удивительных междуметий” (*тото, тото на, вотъ тото*).

В статье об инфинитивных конструкциях, говоря об инфинитиве или о “наклонении неокончательном”, Ломоносов писал:

“§ 462. Сомнительные неокончательные наклонения, с приложением частицы *ли*, изображают неизвестное следствие: *бывать ли мне в отечестве; видать ли своих родителей*.

§ 463. Но ежели сочинится с частицею *не*; отчаяние о желаемом значит: *не бывать мне в отечестве; не видать своих родителей*” [79, с. 552].

Два параграфа в «Кратком руководстве к риторике» свидетельствуют о том, что Ломоносов всё же не выделял частицы в отдельную категорию:

“§ 101. Указание есть, когда на предлагаемую вещь указуем междометиями *се, вот*.

§ 106. Восклицание есть возвышение речи через наречия: *о, толь, толико* и сим подобные” [78, с. 59, 61].

Все последующие грамматики в той или иной степени составлялись под влиянием грамматики М. В. Ломоносова.

В работе Н. Курганова «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей» (1769 г., Во граде Святого Петра) упоминается частица *де*: “Сия частица *де* обыкновенно употребляется в разговорах и на писме в таких случаях, когда один другому слова третьего лица пересказывает <...> Ещё употребляется *де* в крепостных выписях, в допросах и в прочих сим подобных приказных делах третьим лицем <...>” [75; 28, с. 81].

В «Кратких правилах российской грамматики» А. А. Барсова (с 1771 года книга издавалась 8 раз), а также в рукописной «Российской грамматике» (составлялась с 1783 по 1788 гг.) даётся следующая классификация частей речи: «Россійскій языкъ имѣетъ восемь частей рѣчи, а именно: имя, мѣстоименіе (для наименованія вещей), глаголъ, причастіе (для показанія дѣйствія или страданія), предлогъ, нарѣчіе, союзъ, междомѣтіе (для показанія

различныхъ обстоятельствъ) Практически все частицы квалифицируются Барсовым как союзы: “сопрягательные (*же* и сокращённое *жъ*, *также, такожде; не, ни; не, ниже; ни, ниже*), противительные (*же* и сокращённое *жъ, лишь, лише, токмо, только, только лишь, только что*), условные (*бы* и сокращённое к нему *бъ,* слитно пишущееся съ предыдущимъ словомъ), позволительные (*хотя, ни,* напр. *какъ ни, когда ни, кто ни* и проч.), винословные (*бо, да*)” [10, с. 151]. Указательные частицы *вотъ, вонъ* и *се* относятся к указательным междометиям.

Барсов упоминает отрицательную частицу *не*, но со следующей оговоркой: “Отрицательное предложение собственно означается частицею *не*, только притом наблюдать должно, чтоб сия частица точно принадлежала к связке, явной или сокрытой и пропущенной, а не к подлежащему или собственному сказуемому”.

На этом, пожалуй, можно завершить обзор исследований русских частиц в период, предшествующий сравнительно-историческому языкознанию.

1.2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТИЦ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Сравнительно-историческое языкознание возникло в начале XIX века. Основоположники – Ф. Бопп, Р. Раск, А. Х. Востоков, Я. Гримм.

А. Х. Востоков относится к основоположникам сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале (Ф. Бопп – на основе сближений между санскритом и языками Европы, Р. Раск предложил сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков, Я. Гримм – германской группы).

В «Русской грамматике» (1831 г.) А. Х. Востоков ещё не употреблял термин “частица”: так, *ли* в высказываниях типа “*Был ли он там?*” исследователь рассматривал как союз; отрицательную частицу *нет* в диалогических высказываниях – как безличный глагол (*Ваша ли это книга? – Нет*, *не моя*); частицы *да!, так!, конечно!* в утвердительных ответах – как междометия. Исключением являлась частица *бы*, которую Востоков квалифицировал как модальную частицу. К наречиям он относил собственно наречия, модальные слова и частицы и различал пять групп “наречий” с модальными оттенками:

1) вопросительные: *разве, неужели, ужели*;

2) утвердительные: *подлинно, истинно, в самом деле, действительно и пр.*;

3) предположительные: *авось, может быть, никак, едва ли, чуть ли, вряд ли* и пр.;

4) отрицательные: *не, ни*;

5) ограничительные: *токмо, только, единственно, лишь*. [38, Гл. 5–7].

К. С. Аксаков в «Опыте русской грамматики» анализировал части речи так: “Русская объективная грамматика, или аналитика (морфология) делится очевидно на две части:

Имя и определяющие его прилагательное и предлог.

Глагол и потом определяющие его наречие и союз.

Вот все шесть частей речи” [4].

В работе А. Н. Чудинова сказано: “Самыя индійскія рѣченія записаны имъ [Никитиным] довольно вѣрно, рядомъ съ русским ихъ переводомъ, при чем Никитинъ въ самыхъ индійскихъ словахъ удерживаетъ русскія мѣстоименія и частицы” [146, с. 161].

Обращает на себя внимание противоречие, отмеченное даже в учебнике русского языка для филологических факультетов университетов. Авторы резюмируют, что М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, А. Х. Востоков,

В. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев включали в категорию частиц предлоги, союзы, связки, иногда даже наречия [120]. В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева (1881 г.) наблюдается некоторая непоследовательность в терминологии. Описывая образование глаголов повелительного наклонения, автор пишет: “Повелительное наклонение обозначается:

– союзами: *да, пусть, пускай;*

– повелительным наклонением глагола дать: *дай взглянуть* и т. д.”

К союзам предположительным и желательным относил *бы, да, дабы*, *чтобы* [23, с. 370]. В то же время *бы* как “предположительное” и “условное” квалифицировалось и как частица, и как союз: “<...> частица *бы*, слагаясь с союзами *если, да, что*, придаёт им смысл предположения” [23, с. 533]. Упоминая “условное наклонение с частицею *бы*” [23, с. 369], Буслаев пишет: “Везде, где бы ни встретился союз *бы*, он относится к глаголу и составляет вместе с ним наклонение условное” [23, с. 371].

“Сверх того, к союзам относятся некоторые речения, и по образованию, и по употреблению составляющие как бы целое предложение вводное, каковы: *мол, де, дескать, бишь* (= *баешь*, т. е. *говоришь*), *ведь*. К союзам же принадлежат частицы: *-то, кое-, -ста*; напр., *он-то, знаем-ста, дай-ка* и пр.” [23, с. 327]. Кроме того, к союзам относятся *только, даже* [23, с. 162–163].

Характеризуя придаточное “винословное” (в совр. рус языке – причины, цели и следствия) предложение, Буслаев одни и те же лексические единицы называет то частицами, то союзами: “Винословное сочетание предложений может выражаться двояко: или 1) подчинением предложений, помощию указательных и вопросительных, т. е. относительных частиц: *потому что, от того что, за тем что, для того что*; или 2) сочинением предложений помощию союзов: *бо, ибо*. К последнему же разряду принадлежат заключительные частицы: *убо, так, и так, потому, оттого, следственно*. По внутреннему же смыслу винословное предложение в обоих

случаях подчиняется тому, при котором выражает причину или цель; а заключительному подчиняется то, из которого заключение выводится. Напр., “*науки полезны потому, что просвещают разум” = “ибо просвещают разум”; “науки просвещают разум: потому они полезны*”. Переход от подчинения к сочинению предложений принадлежит здесь собственно грамматическому сочетанию слов, зависящему от свойства самых союзов: *бо, ибо, убо, так* и др.

Винословные предложения с этими последними частицами употребляются в виде главных и полагаются в начале речи; потому и после точки могут стоять союзы: *ибо, потому, и так* и проч.” [23, с. 547].

Правда, в главе «Союз» автор предлагает своё объяснение: “частицы *потому что, для того что, за тем что* бывают союзами, когда тот не указывает ни на какой предмет” [23, с. 325]; “*что* – частица, которая может быть союзом, местоимением, наречием, выполняя союзную функцию, утрачивает способность изменяться по падежам и числам” [23, с. 325]. К наречиям относил *почти, чуть, лишь* [23, с. 151], к указательным наречи ям – *вотъ, вось, ото, осе*.

Только в самом конце XIX века А. В. Добиаш выделил частицы в отдельную группу слов [58].

Все отмеченные выше разногласия нашли отражение и в словарях. Так, В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» описал более 120 лексических единиц, которые сейчас принято рассматривать как частицы, но только 19 лексем он считал собственно частицами, однако не всегда в привычной для нас интерпретации): *а, атъ, бишъ, вице-, вичъ, все-, де, досто-, ка, ко, не*; в статье о союзе *нетокмо* (в знач. *не одно это, не болѣе этого, этого мало, даже*, соответствует современным союзам *не только ..., но и ..., не только ..., а (и) ...)* – частицы *и, а, но*, которые следуют за рассматриваемым словом; *ста, ся, те, то, фонъ*. Некоторую часть их он

рассматривал как частицы, которые слились со словами и стали частью слов. Кроме частицы *ся*, которая и в современном русском языке зафиксирована как возвратная частица и которую Даль определял как “частицу, принимаемую за сокращенное себя, но выражающую иногда, при глаголахъ, совсѣмъ иное, трудно объяснимое понятіе”, в эту категорию он включал *а-, вице-, все-, досто-*, являющиеся префиксами (апатія, абстракція, апеляція, ажуръ; вицерой, вицекороль, вицегубернатор, вицедиректоръ, вицеадмиралъ; всеавгустѣйшій, всеблагой, всеблаженство, всеблагочестивый, всеблаженный, всевеликій, всевеличіе; достоблаженный, достовѣрный, достодивный, достодолжный, достожеланный, достопочтеніе, достославный, достохвальный и пр.); *вичъ* квалифицировалась как “придаточная частица къ именамъ собств. муж., означающимъ отчество”; *те* - “понудительная частица мн. ч. (нуте, давайте, станемте, пойдемте)”. Примечательно, что даже *не* он считал частицей только в тех случаях, когда она “соединенно и съ переносомъ на нее ударенья, замѣняетъ *нѣтъ* или *не есть*: неукого спросить; нечего дать; некуда уйти; некогда сходить; непочто горевать; нехристь; несыть; некошный.” В остальных случаях, а именно, когда *не* “идетъ по себѣ за *нѣтъ*”, рассматривал лексему как наречие, обозначающее отрицание. Значительную часть слов (около 40) он традиционно включал в разряд наречий: *только, точію, авось, да, лишь, неужели, одва, се, токмо* и др. *Развѣ* считал наречием и, что не совсем обычно, предлогом; *нѣтъ* – “наречием отрицания или отказа” и безличным глаголом. Принадлежность некоторых лексических единиц к какой-либо категории он вообще не определял: *барте, вишь, дескать, ей, кое-, нѣ, су, таки* и пр. [53]

А. И. Соболевский [119], А. М. Пешковский [102] полагали, что частицы не имеют самостоятельного значения. Они вносят дополнительный смысл, оттенок в предложение, их семантическое проявление возможно только в предложении. А. М. Пешковский определял “частичные или

служебные слова” (к которым относил также предлоги, союзы и некоторые наречия) как “слова, не имеющие самостоятельного значения, а только вносящие какой-либо оттенок в значение других слов или словосочетаний. <...> частичные слова потому бесформенны, что представляют собой чистую форму, одну сплошную форму без содержания. Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот, сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам)” [102, с. 326]. Соглашаясь с термином “частица”, А. М. Пешковский, тем не менее, не включал их в отдельный разряд. Всего он выделял восемь видов частичных бесформенных слов. Частицы распределялись им по этим разрядам. Это:

– предлоги (*ключ от двери, вошел в дом*);

– союзы (*хлеба и зрелищ; пошел, чтобы посмотреть*);

– глаголы-связки (*он был болен, он стал непослушен, надо быть внимательным* и т. д.);

– усилительные, или выделительные слова: в эту группу включены усилительные частицы *даже, -то, же, да, и, ни, это, ведь, так и, вот*;

– вводные слова (*он, конечно, придет; нет, он не придет*);

– повелительные слова (*пусть он знает, да умирится же с тобой и побежденная стихия*);

– отрицательные слова (*не, ни*);

– вопросительные слова (*ли, разве, ужели, неужели*).

В главе XVIII «Отрицательные предложения» упоминал об отрицательных частицах: “<...> в русском письменном языке отрицательных частиц две: *не* и *ни*, причем последнее всегда равняется по значению *не+и* или *и+не*” [102, с. 353]. В главе XIX “Вопросительные, восклицательные и повелительные предложения” – о вопросительных частицах: в вопросительных предложениях “могут быть особые частичные слова, так

называемые вопросительные частицы, служащие только для внесения в предложение вопросительного смысла: *ли, разве, ужели, неужели*" [102, с. 356]. Однако частицы -*ка, пусть, пускай* и др. он называл частичными словами: повелительные предложения "могут иметь особые повелительные частичные слова, служащие для внесения побудительного смысла в предложение: -*ка* (*поди-ка сюда, возьми-ка это!*), *ну-ка* (*ну-ка посторонись!*), *нутка* (*вы, нынешние, нутка!* – Гриб.); *пусть, пускай* (*квартальный поручик, он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту!* – Гог.); *пусть помнят все, что ряд столетий России ведать суждено …* – Брюс.); *да* (устаревшее; *да умирится же с тобой и побежденная стихия …* – Пушк.); *давай, давайте* (*давай играть в костяшки, – сказал ему Хорь*. – Помял.); *и отлично – давайте поедем!* – Чех.) и т. д." [102, с. 356].

Согласно Д. Н. Овсянико-Куликовскому [93], в основу изложения положившему "систему Потебни", части речи, которые мы сейчас называем служебными (предлоги, союзы), а также относительные местоимения, относительные наречия и связка *это* названы частицами предложений. Он не выделял частицы в отдельную группу слов, а рассматривал некоторые из них в главе, посвящённой союзам и союзным (относительным) словам, а также в главах «Слова, находящіяся внѣ предложенія, но при немъ, и отдѣльныя выраженія, не примыкающія къ нему» и «Виды предложений». Автор не подвергал сомнению тот факт, что "союзы, собственно те, которые соединяют части предложения, служат связками равноправных частей, и притом – всех без изъятия: подлежащего с подлежащим (*я и онъ*), дополнения с дополнением (*вижу отсюда домъ и садъ*), сказуемого со сказуемым (*он идетъ и поетъ*; *он не сидитъ, а лежитъ*). Союз не может соединять части неравноправные, напр., подлежащее с дополнением, сказуемое с подлежащим и т. д.". Всё же на примере частицы *и* он делает попытку объяснить её "союзность" в предложениях, в которых она, вероятнее всего,

выполняет функцию присоединительной частицы с оттенком усиления, и механизм “превращения” союза в частицу. В предложении “*Ты и этого не знаешь*” слово *и* может иметь три значения: «1) одно – значение союза, и тогда оно соединяет вовсе не подлежащее *ты* с дополнением *этого* или со сказуемым *не знаешь*, а – дополнение *этого* с другим дополнением, либо раньше выраженным, либо подразумеваемым; напр., было сказано раньше или выяснено, что ты не знаешь того-то и того-то”, – а вот теперь оказывается, что “ты – кроме того – и этого также не знаешь”; следовательно, здесь *и* соединяет два дополнения, две равноправные части предложения; 2) другое значение – не союза, а усилительной частицы, возникшей из союза после пропуска и забвения одной из соединявшихся им частей. Это видно яснее на следующем примере: “*И славно: втроем и покатим!*” (Гог., “Мертв. Души”, гл. IV). Здесь второе *и* вовсе не соединяет *втроем* с *покатим* и вообще не является союзом: оно – усилительная частица, образовавшаяся так: сперва говорили: *сядем* (в экипаж) *и покатим*, потом – ради краткости, в скороговорке, пропускали *сядем*, наконец забыли об этом *сядем*; пока его не забывали, *и* оставалось союзом; когда забыли – оно превратилось в усилительную частицу и след. перестало быть союзом; оно уже ничего не соединяет, а только усиливает смысл того слова, к которому оно приставлено, – придает больше энергии выражению. <...> 3) третье значение – не союза и усилительной частицы, а наречия (!) *даже*: “*ты и этого не знаешь*” равносильно выражению “*ты даже этого не знаешь*”» [93, с. 269–270].

Здесь же предлагается объяснение образования союза *или* – из первообразного *и* и вопросительной частицы *ли*. “Эта частица превращается в союз, служа, подобно другим вопросительным, для подчинения одного предложения другому, напр., *не знаю, сказать ли вам это* (без прямого вопроса, но с оттенком недоумения, нерешительности – вопроса самому

себе)” [93, с. 274]. *Либо* заменило собой старинное *любо*. Переход *ю* в *и* был, вероятно, вызван влиянием частицы *ли*, а второй слог совпадал с другим союзом – *бо*. Правда, отмечается некоторая непоследовательность в терминологии: объясняя происхождение союза *ибо*, Овсянико-Куликовский называет *бо* частицей: *ибо* – “из союза-частицы *и* и старинной частицы *бо*” [93, с. 276]. Имеется в виду одна и та же лексема, т. к. “второй слог *бо* совпадал с другим союзом – *бо*” [93, с. 275].

Слова *да* и *нет* квалифицировались как “наречия утверждения и отрицания” в высказываниях, в которых они явно функционировали как утвердительная и отрицательная частицы: *Да, я согласен с вами*. *Нет, вы не правы*. Отмечены случаи, когда *да* и *нет*, а также некоторые междометия “не примыкают к предложению, а стоят совершенно отдельно, нередко образуя сами род предложения” [93, с. 295].

Довольно подробно проанализированы “особые синтаксические формы и соответственные части и частицы речи, помощью которых выражаются отрицание, вопрос, восклицание, повеление, приказание, просьба и пр.”. “Предложения, в которых даны эти формы, определяются как 1) отрицательные, 2) вопросительные, 3) восклицательные и 4) повелительные” [93, с. 302].

“Отрицательные предложения заключают в себе отрицательную частицу *не*, *ни*, а также есть обороты с двойным отрицанием, именно с местоимениями *никто, ничто, ничего* или наречиями *нигде, никак* и др. и отрицательной частицею *не*, а равно и обороты с двумя частицами: *не* при сказуемом и *ни* при тех частях предложения, к которым ближайшим образом относится отрицание. Примеры: *я не знаю этого, – мы не можем взять на себя ответственности* ... и т. д. – *Ни стать, ни сесть* (в современном русском языке *ни ..., ни ...* в подобных случаях квалифицируется как союз [94, 116, 117]). *Никто не знает ... Ничто не ново под луною. – Он ничего не*

понимает. – *Нигде не видно ... Нигде нет ... Никак нельзя ...* (Прим. – Отрицательная частица *не* заключена в словах *нет* и *нельзя*, образующих сказуемые). – *Ни я, ни ты не можем сделать этого. Он не был ни в Париже, ни в Лондоне. Я не читал ни этой книги, ни той*" [93, с. 302].

"Из числа отрицательных оборотов нужно исключить те, в которых частица *не*, примыкая к сказуемому или другой части предложения более тесно, чем в настоящих отрицательных предложениях, не столько отрицает, сколько изменяет в известном направлении лексическое значение того слова, к которому она относится. Напр., *неправда, поневоле, невольно, нечаянно* и т. п." [93, с. 303].

"Предложения вопросительные <...> могут заключать в себе: 1) особые – вопросительные – частицы, каковы *ли, или, разве, ужели*, с отрицанием: *не–ли, разве не, неужели*, 2) вопросительные местоимения и наречия – *кто? что? который? какой? как? когда? куда? где? почему?* и др." [93, с. 303].

«Предложения восклицательные характеризуются участием чувств, что выражается междометиями, примыкающими к предложению, восклицательными местоимениями и наречиями (*какой! как! что за!* и др.).

Какой свѣтильникъ разума погасъ!

Какое сердце биться перестало!

(Некрасов)

Предложения повелительные – это обороты с повелительным наклонением, нередко заключающие в себе особые частицы, придающие известные оттенки фразе. Это именно частицы – *-ка* (*скажи-ка*), *ну-ка*, *пусть, пускай* (*пусть он сам сделает это! – Пускай не ходят сюда*), *да* со 2-м лицом глагола (*да перестань!*), *же* (*возьмите же!*).

Красуйся, градъ Петровъ, и стой

Неколебимо, какъ Россія!

Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія ...

(Пушкин, “Мѣд. Вс.”).

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

(Лерм., “Бородино”).

Вражду и пленъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ ...

(Пушк., “Мѣд. Вс.”).

... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей –
Пускай она поплачетъ ...

(Лерм., “Завѣщаніе”)» – [93, с. 305–306].

Д. Н. Овсянико-Куликовский приводит также примеры отрицательных, вопросительных и повелительных предложений в “старомъ русскомъ” языке, добавляя к уже известным частицам частицу *ать* в смысле *да, пусть*: *Новагорода не березѣша, ать седять сами о своей силѣ* <...> (Ипат. л. 1140 г.); <...> *но ать Изяслав пойдетъ* <...> (Ипат. л. 1149) [93, с. 306].

В «Учебнике русского языка для IV класса средних учебных заведений», составленном С. М. Кульбакиным в 1913 г. и посвящённом фонетике и морфологии церковно-славянского языка, термин “частицы” отсутствует. Описывая образование условного наклонения, автор называет *бы* аористом, хотя по функции и по форме слово ничем не отличается от современной частицы *бы*: “условное наклонение выражалось сочетанием причастия на *-лъ* данного глагола и аориста от глагола *быти*: видѣлъ (-а, -о) быхъ, видѣлъ бы (2-3 л.), видѣли быхомъ (1 л. мн. ч) и т.д.” [74, с. 71].

Некоторые частицы и служебные слова (главным образом, союзы), выполняющие в определённых условиях функции частиц, относились к наречиям, предлогам или союзам, которые объединялись в группу неизменяемых частей речи: *тъчи(ю) (только), тъкъма, кое* – к наречиям, *а, и, бо* – к пояснительным союзам, *ли* – к вопросительным; *развѣ* квалифицировалось как наречие, которое употреблялось в функции предлога (*развѣ мене*).

В том же 1913 году вышел «Общий курс русской грамматики» профессора Казанского университета В. А. Богородицкого. Слова, которые в настоящее время определяются как частицы, описывались в главе XII «О нарѣчіи и частицахъ», причём в разряд частиц включались предлоги и союзы. “Наречия глагольного происхождения могут отражать собою следующие формы:

1) прошедшее время: *было* (вводное словечко, напр.: *он, было, пошел*), *стало* (*Вы, стало, из тех, что опроститься хотят* – Новь Тургенева);

2) повелительное наклонение: *пускай*, *пусть*, *почти*, народн. *почитай*, *пожалуй*, *пожалуйста*, *небось*, *кажись*, *глядь*, *спасибо*;

3) неопределенное наклонение: *знать*” [13, с. 276].

В. В. Виноградов, поднимая вопрос о модальных словах в грамматической традиции, писал: «Модальные слова долго не выделялись как самостоятельная категория. Они смешивались с наречиями. Это естественно. Недаром в славяно-русских грамматиках до конца XVII в. даже междометия включались в класс наречий. Категория наречий исстари являлась свалочным местом для всех так называемых “неизменяемых” слов. <...> Так, Востоков называет модальные слова наречиями, “определяющими подлинность действия и состояния”. Смешивая их с наречиями и частицами, он различает пять групп “наречий” с модальными

оттенками» [31, с. 553]. Приведём интересующую нас часть классификации, предложенной А. Х. Востоковым, в изложении В. В. Виноградова:

I. Вопросительные: *разве*, *неужели*, *ужели*.

II. Утвердительные: *подлинно*, *истинно*, *в самом деле*, *действительно* и пр.

III. Предположительные: *авось*, *может быть*, *никак*, *едва ли*, *чуть ли*, *вряд* и пр.

IV. Отрицательные: *не, ни*.

V. Ограничительные: *токмо*, *только*, *единственно*, *лишь*.

В примечании к этой классификации В. В. Виноградов отметил наличие, наряду с модальными словами, большого количества модальных частиц: «Граница между модальными словами и частицами оказывается очень подвижной. Многие модальные частицы являются результатом семантического “усыхания”, или опустошения, слов. Модальные частицы отличаются от других разрядов частиц тем, что они относятся не к какому-нибудь отдельному слову предложения, а к предложению в целом. Ср., например, частицы *мол, де, дескать* и т. п.» [31, с. 555].

Н. И. Греч также выделил в особый разряд и отнёс в него некоторые частицы: “нарѣчия, опредѣляющія свойство и образъ бытія, существованія предмета, и именно:

а) Съ утвержденіемъ: *подлинно*, *истинно*, *неоспоримо*, *точно*, *непремѣнно*.

б) Съ показаніемъ возможности: *можетъ быть*, *авось*, *вѣроятно*, *чуть ли*, *едва ли*, *врядъ* и пр.

в) Съ отрицаніемъ: *не*, *отнюдь не*, *никакъ*, *нимало*.

г) Съ выраженіемъ вопроса: *развѣ*, *неужели*” [44, с. 223–224].

Особенно много нового внёс в понимание частиц А. А. Шахматов, который определил частицы как “слова, усиливающие или оттеняющие в том

или ином отношении грамматические формы или предикат” [148, с. 72]. Выделял 4 вида частиц. В то же время в своих набросках о союзе он включил в систему союзов все модальные частицы. “Союзы – это такие слова, как: *ведь*, означающее причину; *же* – противоположение; *мол* – передачу собственных слов говорящего, сказанных им раньше; *гыт* – передачу слов третьего лица; *с* означает почтительность и вежливость; *бишь* – оговорку при припоминании” [148, с. 96]. Характерны также намечаемые Шахматовым группы союзов: “Союзы, обнаруживающие волю, настроения говорящего в пределах предложения (*ли, же, ведь*). Союзы, обнаруживающие ту или иную цель говорящего (*гыт, мол, с*). Союз *бы* при глагольных формах” [148, с. 99]. Процитируем несколько выдержек из ряда параграфов его «Синтаксиса русского языка».

§ 490. “В русском языке синтаксически различаются следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие (знаменательные части речи); местоимение, числительное, местоименное наречие (незнаменательные части речи); предлог, союз, префикс, частица (служебные части речи); междометие (как эквивалент слова) <...>.

Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ними предикативы” [148, с. 31–32].

§ 491. “Наречием становятся как личные, так и неличные формы глагола, когда не ассоциируются с категориями лица и времени (*он де болен*; *она ведь ушла*; *ее, чай, уже след простыл*; также на месте деепричастий: *разиня рот, спустя рукава, сломя голову, положа руку на сердце*; также на месте инфинитива: *он знать нездоров*, областное *он чать придет*)” [148, с. 35].

§ 493. “Что касается служебных частей речи – предлога, союза, префикса, частицы, то они не находят соответствия в психологических наших

представлениях и являются только средствами для обнаружения наших представлений в других словах” [148, с. 37].

§ 551. “<...> аффектированное изъявление может найти себе словесное выражение в различных союзах: *да придут же, да был же*” [148, с. 100].

Говоря о сослагательном наклонении, Шахматов пишет: § 553. “Морфологическому сослагательному наклонению, образующемуся из сочетания прошедшего на *-л* с *бы*, соответствуют следующие синтаксические наклонения: желательное и условное” [148, с. 102].

В том же разделе в § 562 (Отдел VI. Глагольное междометие. 4. Категория времени) Шахматов квалифицирует частицы *и, ну, давай, дай* как глагольные наречия: “Морфологически прошедшее совершенное в современном языке выражается <...> сложным сочетанием, состоящим из глагольных наречий, как *и, ну, давай, дай*, в соединении с инфинитивом от глагольной основы несовершенного вида (глагольный признак изображается при этом в его начале): они *ну* стучать, они *давай* его уговаривать, он *и* плясать; значение таких глагольных наречий близко к значению *начал* или *стал*, но выражают его интенсивнее” [148, с. 109].

Частицы *глядь, будто, мол* Шахматов относил к категории наречий: “адвербиализируется повелительное наклонение при отсутствии субъекта: *глядь, будто, мол*” [148, с. 130].

Некоторые частицы относились к союзам: *ли, же, ведь* – к союзам, обнаруживающим волю, настроение говорящего в пределах предложения; *гыт, мол, с* – к союзам, обнаруживающим ту или иную мысль, ту или иную цель говорящего. И даже частица *бы* квалифицируется как союз, употребляющийся при глагольных формах [148, с. 135].

Частицы описываются следующим образом: “Это та часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они

имеют формальное, служебное значение; такое значение имеет и союз *бы*, но он является самостоятельным выразителем наклонения, между тем как частицы только развивают значение формы. Различаются два класса: постпозитивные и препозитивные.

Постпозитивною является, например, *-ка* (*-тка*), присоединяемая, во-первых, к будущему совершенного вида, во-вторых, к повелительному для того, чтобы выразить побуждение, в первом случае обращённое к самому говорящему: *пойду-ка, посмотрю-ка, скажу-ка*, во втором – к собеседнику: *иди-ка, посмотри-ка, скажи-ка, скажите-ка, дайте-ка*; под влиянием повелительного наклонения также и при местоимениях: *ну-ка, на-ка, нате-ка* (*на-тка, ну-тка*). Далее такою частицей является *же*, усиливающее утверждение или требование при формах сказуемого: повелительное *иди же*, *дай же, брось же, несите же скорее; да придет же; да он же*; также при междометиях *айда же, ну же*.

Препозитивными частицами являются: *ну* при инфинитиве и повелительном наклонении: например: *он ну бросать, ну плясать; ну скачи, ну скажите*. Далее формы повелительного: *дай, давай*: во-первых, при 1-м лице единств. будущего соверш. *дай пойду, дай скажу*; в 1-м лице множ. для выражения повелительного давай *сходим, давай убежим, давай спросим его*; при инфинитиве: *он давай плакать, давай спорить*. Надо заметить, что в сочетании с инфинитивом эти частицы вносят и темпоральное значение, а именно прошедшего совершенного: *он давай скакать* означает: он начал скакать. Частица *и*: *он и плясать, и плясать*”[148, с. 135–136].

Возвратная частица *-ся* рассматривается в составе возвратных глаголов. Её описание совпадает с современными характеристиками [148, с. 216–217].

В «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова частицы отграничиваются от других служебных слов (предлогов, союзов, связки) на основании функциональных различий. Авторы

книги делят частицы на пять групп: 1) отрицательные, 2) усилительные, 3) выделительные, 4) вопросительные, 5) восклицательные [1, с. 231]. “В зависимости от того, какого рода формальные значения – синтаксические или несинтаксические – выражаются несамостоятельными словами, они делятся на два разряда – служебные слова и частицы” [1, с. 233].“В отличие от служебных слов частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различные дополнительные смысловые оттенки *(он-то придет; только он и придет; он же придет* и пр.). Следовательно, по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами – приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов” [1, с. 224]. На определённую непоследовательность этой классификации обратил внимание В. В. Виноградов: «Но здесь разграничение синтаксических и несинтаксических значений лишено принципиальной глубины и определенности: оно внутренне противоречиво. Эта внутренняя противоречивость и нерасчлененность понятия – “синтаксическое значение” в грамматике В. Н. Сидорова – сразу же сказывается на определении частиц и их классификации. Частицами называются “несамостоятельные слова, выражающие обычно различные оттенки в отношении говорящего к высказываемому в предложении”» [1, с. 231]. Далее отмечается употребление вопросительных (*разве, неужели, ли*), восклицательных (*как, что за*), усилительных (*то, даже, вот, ведь, же*), выделительных (*только, лишь, лишь только*) и отрицательных частиц. Таким образом, тут все способы выражения модальных отношений в строе предложения выводятся за пределы синтаксиса. Поверхностный формализм и непродуманность этой точки зрения очень ярко выступает даже в тех иллюстративных примерах, которыми поясняются функции частиц: *не друг, а враг*; *ведь вы это знаете*;

разве вы это знаете?; *не далеко, но и не близко*; *что за странный случай!* и т. п. Синтаксический характер функций всех этих частиц не подлежит сомнению. Между ними и словообразовательными аффиксами нет ни сходства, ни аналогии, ни параллелизма. “Частицы (как ни расплывчат этот термин) приходится рассматривать как особый тип слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки” [31, с. 521–522].

В. В. Виноградов ввёл понятие “частицы речи”, которым обозначил частицы в широком смысле слова и к которым отнёс также предлоги и союзы. «Это общее понятие “частиц” обнимает все классы так называемых “служебных”, “формальных” или “частичных” слов» [31, с. 520]. Термину “частицы” в широком смысле соответствует понятие “связочные слова” (“слова-синтаксемы”, по определению И. И. Мещанинова).

Завершая обзор источников, в которых так или иначе отразился процесс научного осмысления проблемы частиц в руском языке, позволим себе пространное цитирование (в некоторых случаях заменённое пересказом с отдельными замечаниями) фундаментального труда В. В. Виноградова, в котором обобщены и проанализированы мнения предшественников и личные наблюдения учёного над функционированием “связочных слов”.

«Среди связочных слов, среди частиц речи наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категории – предлоги и союзы; а кроме того, остается еще несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридного – полуграмматического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны. Вот за этими-то группами “частичных” слов и сохраняется обычно звание “частиц” в собственном смысле. <...> Преобладающее большинство частиц в русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к

категории модальных слов» [31, с. 521]. “Модальные частицы нередко однородны по своим функциям с лексически полновесными модальными словами и синтагмами. Эта общность функций сближает их в пределах одной грамматической категории. Кроме того, морфологические границы между частицами, морфемами и словами вообще условны и текучи (ср., например, такие модальные слова-частицы, как: *конечно, право, прямо, просто, верно* и т. п.)” [31, с. 575]. “Граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна” [31, с. 575].

С другой стороны, для В. В. Виноградова очевидной была связь частиц и союзов: “<...> в русском языке все расширяются и умножаются разряды гибридных или переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий” [31, с. 553].

Таковы, например, группы, промежуточные между союзами и модальными словами (а иногда и наречиями): *итак, напротив, наконец, все-таки, тем не менее, вместе с тем, при всем том, к тому же, все же, правда, будто, будто бы* (не в изъяснительном значении), *точно, ровно* (просторечное) и т. п.

Таковы слова и частицы, подводимые одновременно под категории союзов и наречий*: потом, зато, едва, покамест, пока* и др.

Ещё больше слов, образующих переходный тип от простых союзов к разного рода частицам, например: *ведь, вот, тоже, также, и то, лишь, только* и другие подобные.

Внутри самой категории союзов сталкиваются три морфологически неоднородных типа слов-частиц:

1. Простые, морфологически неделимые частицы-союзы. Их морфологическая простота и неразложимость обратно пропорциональны семантической сложности и многообразию их синтаксических функций (ср. значения союзов *и, а, ли* и т. п.).

2. Составные союзы, нередко имеющие облик фразеологических единств и идиоматизмов. Морфологический анализ обнаруживает в составе многих из этих союзов следы и живые формы разных других частей речи (ср., например: *после того как, прежде чем, лишь только* и др.).

3. Гибридные союзы, совмещающие значения союзов со значениями других, очень разнообразных категорий [31, с. 553–554].

В. В. Виноградов выделил шесть разрядов союзов, четыре из которых тесно связаны с частицами:

1. Разряд союзов с модальной окраской гипотетичности, ирреальности, включающих в себя частицу *бы.* Некоторые из союзов этого разряда представляют собой сращение частицы *бы* с относительными союзами или с фразеологическими единствами, образованными из предлога, указательного местоимения и относительного союза. Таковы: *чтобы, так чтобы, вместо того чтобы, просторечное кабы, как бы, когда бы, как будто бы* и т. п. Сюда же примыкают и фразеологические единства и сращения, представляющие собой сочетание частицы *бы* с союзами условными или уступительными, например: *если бы, добро бы, ежели бы* и т. п., ср. также *будто бы*. В пределах этого разряда умещаются союзы целевые, следственно-целевые, ирреально-изъяснительные, ирреально-сравнительные и условные. Они все объединяются общим значением гипотетической, или условной модальности.

2. Союзы с модальной окраской условности, составленные из модальных частиц и наречий. Среди этих союзов выделяются в особую группу условные союзы, оканчивающиеся на *-ли: если, ежели* (ср. устарелое *нежели*), *коли (коль)*. Они объединяются наличием в их составе модальной частицы *-ли.*

3. Далее обособляется разряд условно-временных союзов, совпадающих с модально-ограничительными частицами: *едва, едва только,*

лишь, чуть, чуть лишь, лишь только, только (ср. *только что* и др.). Таким образом, в этой группе оказываются условные и временные союзы (при этом временные – с особенным оттенком близкого, почти мгновенного, иногда внезапного следования одного факта за другим).

4. Немногочисленная группа союзов-частиц и отчасти союзов-наречий своеобразной модальной окраски, означающих уступку, допущение и усиление: *пусть, пускай,* устарелое *пожалуй, правда*, просторечное *даром что, благо* и некоторые другие [31, с. 564–565].

“За пределами этих шести разрядов остается пестрая масса гибридных слов, в которых союзные функции являются как бы придатком к их основной грамматической роли наречий, модальных слов или присоединительных частиц. Этими союзными словами выражаются иные и притом очень разнообразные оттенки логико-синтаксических отношений между отрезками речи. Значительных и вполне определенных типов с окончательно оформившимся грамматическим содержанием в этой сфере пока еще не выработалось. Поэтому достаточно указать на союзное употребление таких слов, как *вот, так, тогда, потом, значит* и т. п.” [31, с. 565].

Таким образом, В. В. Виноградов не проводил чётких границ между частицами, союзами, наречиями и модальными словами.

“В современном русском языке особенно отчетливо и резко различаются следующие восемь основных разрядов частиц:

1) усилительно-ограничительные, или выделительные: *и, даже и, только, лишь, хоть, ведь, а, да, же, единственно, исключительно, решительно, положительно, определенно, просто* и др.;

2) присоединительные: *тоже, также, к тому же, и то, притом, все, и, еще, да и* др.;

3) определительные: *подлинно, именно, как, раз, в точь-в-точь* и т. п.;

4) указательные: *вот, вон, это, оно, просторечное во* и др. (к указательным частицам, по-видимому, примыкает постпозитивная отождествительная частица *же* в таких сочетаниях, как *тот же, туда же, там же, тогда же* и т. п.);

5) неопределенные: *-то, -либо, -нибудь, кое-*;

6) количественные, или количественно-определительные: *почти, приблизительно, ровно, точно, чуть не* и т. п.;

7) отрицательные: *не, ни*;

8) модально-приглагольные: *бы, хоть бы, лишь бы, что бы, как бы, пусть, пускай, да, -ка, давай , давайте, ну*" [31, с. 522].

Однако, как считал В. В. Виноградов, область модальных частиц отнюдь не исчерпывается глагольными и приглагольными частицами. Вовлекая в свою систему полноценные слова, категория модальности нередко даже их превращает в частицы. Модальные частицы Виноградов рассматривает в категории модальности: вопросительные (*ли, разве, неужели, ужели*), восклицательно-вопросительные *(что за*), частицы, выражающие недоверие к чужой речи (*будто*), к чужим утверждениям и характеристикам (*якобы*), частицы, вводящие чужую речь (*мол, де* и т. п.), и разные другие типы модальных частиц [31].

В особую категорию частиц В. В. Виноградов выделял связки, выражающие логическое отношение между подлежащим и сказуемым: *быть*, *стать, становиться, делаться* и т. п., *это, как*.

Изложенные выше мнения и соображения учёных можно свести к ряду итоговоых положений.

Первое касается "непредметности" значения частиц.

Виноградов В. В.: "Частицами (в широком смысле) называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные

оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений” [31, с. 520].

Пешковский А. М.: “Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот: сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам)”. Частицы – “форма без содержания” [102, с. 67].

Галкина-Федорук Е. М.: “Частицами называются незнаменательные слова, которые 1) служат для выражения дополнительных смысловых оттенков отдельного слова, словосочетания или целого предложения, 2) служат средством выражения эмоций и 3) выполняют роль аффиксов при словообразовании.

Частицы лишены лексического, предметного значения, хотя по звуковому составу некоторые из них совпадают со знаменательными частями речи. Отличаясь от последних отсутствием номинативного значения, частицы не выражают и грамматические отношения, как предлоги и союзы” [39, с. 229].

Частицы делятся на два типа:

1) несоотносительные с другими частями речи: *ли, вот, разве* и др.;

2) соотносительные с другими частями речи:

а) с союзами: *а, да, же* и др.;

б) с наречиями: *еще, лишь, только, уже, просто, прямо* и др.;

в) с местоимениями: *это, то, себе* и др.;

г) с глаголами: *вишь, мол, пусть, дай, давай, было, бы, ведь, бишь, дескать*;

д) с междометиями: *вон* и др.

По местоположению выделяют препозитивные (*вон, кое-, неужели, давай, пусть, да, ну, что за* и др.) и постпозитивные (*же, -то, -либо, -нибудь*) частицы.

По значению выделяют четыре основных разряда, каждый из которых включает в себя несколько “подразрядов”:

1) частицы, выражающие общие смысловые оттенки значений в речи: указание, уточнение, выделение, ограничение и т. д.:

а) указательные: *вот, вон*;

б) определительно-уточняющие: *именно, точно, ровно, в точности, как раз* и др.;

в) выделительно-ограничительные: *единственно, исключительно, почти, лишь, только* и др.

2) частицы, выражающие модальные и модально-волевые значения: утверждения, отрицания, необходимости, вероятности, действительности, возможности и невозможности:

а) утвердительные: *да, ага, угу, точно, так* и их эквиваленты;

б) отрицательные: *не, ни, нет, отнюдь не*;

в) вопросительные: *ли, ль, а, разве, ну, неужели* (устарелое *ужели – ужель*), *что за, да, да ну*;

г) частицы, выражающие модально-волевые отношения, привносят в значение сказуемого оттенок желательности, повелительности, побудительности, возможности, осознанной необходимости: *бы, пусть, пускай, ну, дай, давай, -ка* и др;

д) модальные частицы, выражающие отношение к достоверности явлений действительности*: едва ли, вряд ли, пожалуй, авось, как будто, будто бы, словно, небось, вишь, едва ли не, было, как бы, точно* и др.

3) эмоциональные и экспрессивные частицы, выражающие оттенки эмоциональных значений*: то-то, как, вишь ты, ну и, что за, даже, все-таки, прямо, просто, еще бы, только еще, хоть бы* и др.

4) частицы, выполняющие словообразовательную и формообразовательную функцию и приближающиеся по функции к морфемам – аффиксы:

а) формообразующие частицы: *бы, бывало, да, пусть, -ся*;

б) словообразующие частицы (аффиксы): *кое-, -то, -либо, -нибудь, угодно, ни попало, не, ни* и др. [39, с. 229–238].

Гвоздев А. Н.: “Частицы – служебные слова, придающие известное значение целому предложению или отдельным его словам. <...> Частицы играют синтаксическую роль, и вне предложения они теряют свое значение. В то же время их синтаксические функции резко отграничены от функций предлогов, а именно: в противоположность им частицы не выражают связей и отношений между словами, благодаря чему нередко они противопоставлялись союзам и предлогам как несинтаксические служебные слова синтаксическим” [40, с. 421–422].

По синтаксической роли и по значению Гвоздев выделял следующие группы частиц:

1) частицы, относящиеся к целому предложению и передающие модальные отношения в нём:

а) отрицательные: *не и ни*;

б) вопросительные: *ли, разве, неужели, как, что*, разговорная *что ли*;

в) восклицательные: *как, что за, вот так*;

г) выражающие отношение к чужой речи: *мол, де, якобы*.

2) частицы, связанные с отдельными словами:

а) указательные: *вот, вот как, вон* (эти частицы могут относиться и ко всему предложению);

б) усилительные, подчёркивающие слово, на которое падает фразовое ударение: энклитики: *-то, же*, проклитики: *ни*, *и*; частицы, имеющие своё ударение, но примыкающие то к последующему, то к предыдущему знаменательному слову: *даже, прямо, просто, это, именно, уж*;

в) количественные, уточняющие количественные соотношения предметов: *чуть не, точно, ровно, как раз*;

г) выделительные и ограничительные: *только, лишь, лишь только, всего, -таки*.

3) в отдельную группу выделял частицы, служащие для образования слов или формы слов, превратившиеся в аффиксы или аналитические средства образования форм и являющиеся составной частью таких слов или форм:

а) частица *-ся*, служащая для образования возвратных глаголов;

б) частицы *-то, -нибудь, -либо, кое-*, служащие для образования неопределённых местоимений;

в) частицы *пусть, пускай, да*, служащие для образования форм повелительного наклонения;

г) частица *бы*, служащая для образования сослагательного наклонения [40, с. 421–422].

Булаховский Л. А. даёт менее развёрнутую характеристику частиц. Нет у него и своей оригинальной классификации, и учения о модальности. Однако важно, что он, серьёзно занимаясь вопросами стилистического синтаксиса, очень подробно изучал семантико-стилистические и синтаксические функции отдельных частиц в литературном и разговорно-бытовом русском языке.

В Академической грамматике (1980 г.) даётся виноградовское определение частиц, предлагается подробное описание различных классов

частиц. Так, по строению частицы делятся на первообразные и непервообразные, с одной стороны, и простые и составные, с другой. В свою очередь, составные частицы делятся на расчленяемые и нерасчленяемые. Внутри составных частиц выделяются частицы-фразеологизмы. [111, § 1690].

Говорится об отношении частиц к другим частям речи: “в простых частицах в разной степени присутствуют элементы значений

1) наречий (*буквально, именно, ладно, нечего, просто, прямо, так* и др.);
2) местоименных слов (*всего, какое, себе, это* и др.);
3) глаголов (*бывало, было, давай(те), смотри* и др.);
4) союзов (*будто, ведь, да, же, ли, разве, только, хоть* и др.);
5) компаративов (*более, больше, лучше, скорее* и др.);
6) предлогов (*вроде* и др.);
7) междометий (*эк, спасибо* и др.).

Иногда в одном и том же слове близость и переплетение значений частиц и других частей речи настолько тесны, что противопоставление друг другу таких значений как принадлежащих словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как “частица-союз”, “частица-наречие” и т. д.” [111, § 1690]. На “союзность” частиц обратили внимание и другие исследователи [5, 88, 108, 122, 123, 130, 131, 145, 147].

В грамматике подробно рассматриваются отдельные функции частиц, а также их контаминаций с учётом отношения к фактам бытия, грамматики и категории модальности. Выделяются следующие разряды частиц по функциям:

1. Формообразующие: *давай(те), пусть, пускай, да, чтоб, бы*.

2. Отрицательные: *не* и *ни*.

3. Вопросительные: *ли, не ... ли, неужели, разве, никак, что за, как* и др.

4. Частицы, характеризующие признак (действие или состояние) по его протеканию во времени, по полноте или неполноте осуществления, по результативности или нерезультативности: *было, бывало, бывает, чуть (было) не, едва (было) не, как, мало не* (прост.), *ну* (с инфинитивом), *только что не, нет-нет (да) и, так и* и др. [111, § 1691].

5. Модальные, которые можно объединить в три группы:

а) частицы, подчеркивающие (усиливающие, акцентирующие) сообщение или какую-то его часть): *благо, будто, было б, ведь, вот всего, едва ли не, еще, же, и, и есть, лишь, неужели, никак, ну, ну уж, прямо, только, уж, что за, что ни (на) есть* и др.;

б) частицы, выражающие волевую направленность, волеизъявление: *дай, дай-ка, давай(те), сем, сем-ка*;

в) частицы, выражающие завершение или выявление предшествующего состояния: *(и) без того, вот (тебе) и, да, де, дескать, знай (себе), и так, мол, на что, ну и, тебе, только, то-то, якобы* и др.

Эта группа частиц самая многочисленная.

6. Частицы, утверждающие или отрицающие реплики диалога (все эти частицы также являются модальными): *будто уж, вот еще, где уж, да, нет, есть, так, действительно, именно, вот именно, как есть, никак нет, что ж* и др. [111, § 1695–1696].

Рассматриваются также функции отдельных частиц: *вот, что, и*.

Учебник русского языка Валгиной Н. С. и др. предлагает следующее определение частиц: “Частицы – служебные слова, выражающие дополнительные смысловые оттенки предложений, словосочетаний и служебных слов <...> По характеру своей функции частицы противопоставлены предлогам и союзам, которые выражают грамматические значения” [121, с. 219].

За небольшим исключением, как и в академической грамматике, все русские частицы подразделяются на четыре функционально-семантические группы:

1. Частицы, выражающие смысловые оттенки значений:

а) указательные: *вот, вон*;

б) определительно-уточняющие: *именно, почти, точно* и др.;

в) выделительно-ограничительные: *только, только лишь, хоть, единственно* и др.

2. Частицы, выражающие оттенки модально-волевые и модальные:

а) модально-волевые: *пусть, пускай, ну, дай-ка* и др.;

б) модальные с их разновидностями:

- утвердительные: *да, так, точно*;

- отрицательные: *нет, не, ни*;

- вопросительные: *ли (ль), разве, неужели*;

- собственно модальные: *пожалуй, чай, авось* и др., а также словосочетания типа *едва ли, вряд ли*;

- сравнительные: *как бы, будто, словно* и др.;

- частицы, служащие для субъективной передачи чужой речи: *дескать, мол* и др.

3. Частицы, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки значений:

а) частицы, выражающие эмоциональную оценку, связанную с высказыванием*: эк, ишь, как, что за, куда* и др.;

б) частицы, усиливающие выразительность значений: *все, даже, же, все-таки, ведь* и др., а также сочетания частиц*: так вот, то-то, где уж, куда как* и др.

4. Отдельной группой представлены словообразующие и формообразующие частицы. Частицы-аффиксы подразделяются на соответствующие функциональные подгруппы:

а) словообразующие частицы: *-то, -либо, -нибудь, кое-*, служащие для образования неопределенных местоимений и наречий: *что-то, где-то* и т. п.;

б) частица *ни*, входящая в состав отрицательных местоимений и наречий*: никто, нигде* и т. п.;

в) частица *не*, входящая в состав любой части речи, кроме числительных, при образовании антонимических лексем: *друг-недруг, верный-неверный* и т. п.

г) формообразующие частицы:

– частица *бы* в сослагательном наклонении;

– частицы *да, пусть, пускай*, входящие в состав аналитических форм повелительного наклонения;

– частицы *бывало, было*, входящие в состав особых (иногда модальных) форм прошедшего времени. [121, § 220–221].

Зарубежные слависты и русисты тоже отдали дань изучению проблемы частиц речи. В Польше исследованием русских частиц занимались Ст. Йодловский и А. Мирович. “Для всех частиц, обслуживающих предложение, – отметил А. Мирович, – общим является то, что они не принимают участия в построении основного структурного костяка предложения, а лишь привносят дополнительную характеристику в высказывание. Здесь имеется как бы дополнительная отделка готовой замкнутой синтаксической конструкции. В этом заключается отличие частиц от остальных служебных слов: предлогов и союзов” [90, с. 104]. В основе классификации Мировича лежат синтаксико-функциональные принципы. Автор разграничивает два различных плана речи: план содержания, т. е.

информационно-коммуникативную сторону высказываний, и план выражения в суженном смысле выразительности, экспрессивности.

В свою очередь, в плане содержания различаются содержание грамматического и лексического порядка.

Опираясь на такое разграничение, Мирович выделяет: 1) частицы со смысловой, чисто коммуникативной, интеллектуальной функцией; 2) частицы, функцию которых надо определять как экспрессивную, эмфатическую. К частицам со смысловой функцией он относит модальные частицы. Модальность Мирович рассматривает в узкограмматическом смысле, соответствующем понятию категории наклонения. Он противопоставляет изъявительное наклонение как “прямое” (выражающее категорическое утверждение или отрицание) остальным как “косвенным” (выражающим всевозможные высказывания “гипотетического”, не категорического характера со значением предположения, возможности, вероятности, сомнительности, желательности, долженствования, уступительности, требования, вопроса и т. п.). Считая неоправданным различение объективной и субъективной модальности и полагая, что нецелесообразно ограничиваться единым термином для обозначения и отношения к реальности, и семантической нюансировки, и эмоциональной выразительности, Мирович определяет модальность как оппозицию, с одной стороны, прямого и, с другой стороны, косвенных наклонений. Показателями разновидностей косвенной, “гипотетической” модальности автор считает модальные частицы и модальные слова, которые объединяет в группу особых модальных лексем. При этом он ссылается на мнение В. В. Виноградова, который утверждал, что “граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна”. А с точки зрения их функций Мирович считает такое разграничение совершенно несущественным. Не приводя полного перечня модальных лексем, автор

предлагает примерную классификацию модальных частиц, которые могут выражать:

1. Возможность (modus potentialis): *может быть (быть может), возможно*.
2. Предположение, неуверенность, достоверность той или иной степени: *верно, наверно, видно, очевидно, по-видимому, вероятно, должно быть, пожалуй, кажется, как будто бы, знать*.
3. Сомнительность (modus dubitativus): *едва ли, вряд ли*.
4. Желание (modus optativus): *пусть, пусть бы, да, хоть бы*.
5. Увещевание (modus bortativus): *бы* (*ты бы согласился*).
6. Желательность: *бы* (*хорошо бы отдохнуть, застать бы его дома*).
7. Уступительность: *пусть, пус*кай (*пусть я буду виноват*).
8. Опасение, слабая надежда: *вдруг, как бы не, авось*.
9. Вопросительные частицы: *ли, разве, неужели*.

“Независимо от того, относится ли модальная частица к сказуемому или к какому-либо другому члену предложения, она так или иначе придает гипотетический смысл общему содержанию высказывания. <...> Так же и наклонение сказуемого определяет смысл всего предложения. Таким образом, нет препятствий, чтобы понятие грамматической модальности отождествить с понятием наклонения” [90, с. 106]. В результате Мирович приходит к выводу, что модальные частицы относятся к плану грамматического содержания высказывания, и потому их функция, будучи смысловой, информационно-коммуникативной функцией, является в то же время грамматической.

“Между утверждением и отрицанием нет модального различия. Они одинаково выражают наличие или отсутствие чего-либо в любом модальном плане и не являются показателями последнего. Различие между ними не есть различие прямого и косвенного наклонений. Не будучи показателями и

никаких других грамматических категорий, утверждение и отрицание относятся к лексическому плану содержания и выполняют лексические функции” [90, с. 104–107].

К частицам со смысловой функцией принадлежат, кроме модальных, другие частицы особого рода (Мирович называет их конъективными), которые, присутствуя в предложении, не влияют на его смысл с точки зрения категорической или гипотетической формы высказывания. “Их роль заключается в том, что, не входя в связную структуру предложения, они расширяют и обогащают содержание высказывания, добавляя к нему известные дополнительные внешние обстоятельства. Благодаря этому частица выступает как бы на более широком общем фоне действительности. Частица является в этом случае синтетическим, синтаксически нерасчлененным показателем такого более широкого фона, который лишь неполно определяется значением самой частицы, а полностью конкретизируется содержанием высказывания в целом” [90, с. 107].

Конъективные частицы зачастую соприкасаются с союзами, от которых они, тем не менее, достаточно чётко отграничены: частицы наполнены “своеобразным, суммарно выраженным лексическим содержанием, отсутствующим у союзов. В то время как функцией союзов является выражение формально-синтаксических отношений, функция конъективных частиц заключается в расширении конкретно-лексического содержания предложения” [90, с. 107].

В современном русском языке конъективные частицы указывают на:

1. Ограничение: *только, лишь, только лишь, исключительно*.

Исключительность, необычность: *даже* (он даже не заметил, что промок).

2. Относительность, предельность (максимум и минимум): *хоть, хотя бы* (*бери хоть все; зайди хоть на минуту*).

3. Не оправдавшуюся сомнительность, преодоление препятствий: *все-таки, все же, однако (он все-таки прав; сердиться все же нет повода; ты, однако, не трус).*
4. Наличие какого-либо факта в одном ряду с другими фактами: *также, тоже, еще* (*в программе был еще квартет Чайковского*).
5. Недостижение предела, актуальность до настоящего момента: *еще, все еще* (*библиотека еще открыта; он все еще болен*).
6. Временное неосуществление предстоящего: *еще не, пока еще не* (*еще не настали морозы*).
7. Неосуществление того, что должно было произойти в ближайший момент: *чуть не, чуть-чуть не, едва не, едва-едва не* (*он едва не опоздал*).
8. Осуществление ожидавшегося: *уже, уж* (*Уж небо осенью дышало. Занятия, которые должны были вскоре начаться, уже начались*).
9. Осуществление, предстоящее в ближайший момент: *вот-вот* (*заяц вот-вот добежит до леса*).
10. Нерешительность или преходящий характер действия: *было* (*он хотел было уйти, но остался*).

11. Подчеркнутое отождествление (иногда вопреки ожиданию): *именно, как раз* (*именно старик-отец был бодрее всех. Как раз в этом состояла его ошибка*).

А. Мирович особо подчёркивает тот факт, что конъективные частицы выполняют лексическую функцию. Они лишь распространяют и уточняют лексическое содержание предложения, не изменяя его модальности в смысле наклонения: “конъективные частицы не изменяют категорических высказываний в гипотетические <...> Их спецификой является формальная нерасчлененность и семантическая суммарность. Но, тем не менее, они выполняют ту же функцию, что и номинативные лексемы. Следовательно, их

функция лексическая. Грамматическая значимость у них отсутствует” [90, с. 108]. Особой разновидностью конъективных частиц, но не обладающих модальностью, автор считает служебные слова с утвердительно-отрицательным значением типа *да, нет*. Они также обладают функцией самостоятельных лексем.

«Частицы с экспрессивно-эмфатической функцией не затрагивают плана содержания, т. е. чисто коммуникативной, интеллектуальной стороны высказывания, которую образно называют “сухой”, или “голой” информацией» [90, с. 109]. Их роль сводится “к придаванию речи выразительности и напряженности. Они могут служить целенаправленному распределению риторических и эмоциональных акцентов, и в этом отношении взаимодействуют с интонационными средствами речи” [90, с. 109]. С другой стороны, они имеют общие стороны с междометиями: как и у междометий, у них отсутствует конкретное смысловое содержание, и наоборот, они всегда являются атрибутами эмоциональной окраски речи. При отсутствии конкретного значения они минимально дифференцированы. Этим объясняется возможность их нагромождения и замены одних другими без всякого ущерба и пользы для конкретного значения. Ср.: *Ну так ведь вот же уж и случай; ну и случай; ну так и случай; ну вот уж и случай* и т. д. Употребление разговорно-эмфатических частиц характерно главным образом для разговорно-бытовой речи. Злоупотребление частицами такого рода всегда приводит к искажению стиля, к так называемой искусственной стилизации.

В своей статье Мирович не рассматривает частицы “чисто морфемного характера, т. е. словообразующие и формообразующие частицы, относящиеся к области морфологии”, считая, что они достаточно описаны и не вызывают сомнений.

Мирович категорически не согласен с Н. Ю. Шведовой [149], которая утверждала, что экспрессивным частицам присуща структурная функция в предложении. Так как построения, избранные Шведовой для исследования, представляют собой восклицательные предложения типа *Ну уж и жизнь!, Ну уж и стужа на дворе!*, то экспрессивные частицы в них полностью соответствуют междометиям: частицы, как и междометия, придают высказываниям восклицательный характер, но не меняют смысла, который может быть выражен чисто повествовательным предложением. Экспрессивная частица является здесь элементом воспроизводимого устойчивого, а не заново конструируемого высказывания, и при её наличии высказывание не может быть стилистически нейтральным. На основании этого Мирович считает основной функцией экспрессивных частиц стилистическую.

Построения с частицами особенно богаты модально-экспрессивными значениями. Частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет лексического значения; она не имеет и того общего значения “усиления”, “выделения” и т. п., которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц. То, что называется значением частицы, обычно отвлекается от модального значения того построения, в составе которого эта частица функционирует. В то же время многие частицы в своём употреблении связаны с конструкциями определённых типов. Функционируя в составе того или иного построения, частица выполняет в нём роль синтаксического форманта, участвующего в образовании предложения или сказуемого с данным, конкретным модальным значением. Так, частицы *и* или *же*, часто выступающие во взаимодействии, сами по себе ничего не значат; в то же время предложение *И нахал же!* имеет модально-экспрессивное значение акцентированного усиления, которого нет в предложении *Нахал!* (если оно не произносится с особой интонацией,

способной внести такое значение). Утверждать, что названное значение вносится только частицами, значило бы подходить к анализу предложения чисто внешне и не замечать осуществляющегося в нём сложного взаимодействия слов разных категорий. Значение акцентированного усиления в приведённом выше предложении создаётся определённым образом оформленным (словопорядок неизменен) соединением частиц с именем. Общий тип предложения остаётся именным; но перед нами – разновидность этого общего типа (так же, как *Любила!* и *Любила же!* – разновидности общего типа глагольных бесподлежащных предложений). Нам возразят, что это – "лексика": в предложение определённого типа вносится слово или слова, и этим создаётся особый оттенок в значении этого предложения. Но, во-первых, частица не вносит в предложение никакого добавочного лексического значения: с её появлением связано возникновение особого модального значения, иными словами, возникновение нового значения всей конструкции, а следовательно, и новой конструкции. Во-вторых, то новое, что появляется в построении вместе с частицей, создаётся не частицей самой по себе, а взаимодействием частицы и знаменательного слова, которое может или само по себе быть предикативной основой предложения (*Нахал!*), или входить в состав предикативной основы вместе с частицей или частицами (*И нахал же!*). Модальное значение есть специфическое значение синтаксического построения; оно может быть присуще только конструкции в целом. Значение неотделимо от формы, они образуют нерасчленяемое единство. Выступая как элемент формы предложения или сказуемого, частица участвует в образовании построения нового, особого значения. Поэтому предложения *Любила!* и *Любила же!* следует рассматривать как имеющие разные модальные значения конструктивные разновидности односоставных глагольных предложений. И если признать, что модальное значение входит в понятие предикативной характеристики наряду со

значениями активно выявляющегося признака и временным, то нельзя отрицать того факта, что в образовании основы предложения и сказуемого частицы играют роль конструктивно значимого, собственно строительного элемента.

В современном русском литературном языке многие частицы сохраняют живые функционально-смысловые связи с теми классами слов, из которых они вычленились. Соответственно выделяются частицы глагольные, наречные, местоименные, союзные и частицы, не сохраняющие функционально-смысловой соотносительности с другими классами слов. Все эти частицы по-разному ведут себя в строе предложения, связаны с разными типами построений. Они, в частности, проявляют разную степень внешней спаянности со знаменательным словом, входящим в состав главного члена или сказуемого, подчиняются разным правилам словорасположения. Одни частицы позиционно строго закреплены, другие относительно свободно передвигаются внутри предложения; одни функционируют только в составе сказуемого или предложения в целом, другие могут принимать участие в образовании и не предикативно значимых членов предложения (главным образом при акцентированном выделении). Но в любом случае частица не может быть изъята из предложения или сказуемого без изменения его модального значения, а во многих случаях изъятие частицы вообще ведёт к разрушению данного синтаксического типа построения (ср. построения типа *Вот они работнички!*, *Уж и конь!* и очень многие другие).

Когда мы постоянно читаем и слышим о том, что частица свободно «вносится в предложение для придания какому-либо слову того или иного оттенка; что частица не только не является членом предложения, но и не играет в предложении никакой синтаксической роли, то мы по существу имеем дело с привычным морфологизмом в подходе к предложению и его членам: член предложения – это знаменательное слово, отвечающее на один

из традиционных вопросов; не отвечающее ни на какой вопрос незнаменательное слово – не член предложения и может быть “изъято” без ущерба для синтаксической формы всего построения. Но при анализе синтаксически значимых составных частей предложения необходимо отрешиться от этого одностороннего морфологизма» [90, с. 110].

То, что мы называем членом предложения, – далеко не обязательно одно, отдельное слово (вопрос о фразеологических сочетаниях лексического характера сюда не относится). Одно из многих отличий члена предложения от слова состоит в том, что он несёт в себе разные модальные и модально-экспрессивные значения (это в первую очередь относится к главному члену односоставного предложения и к сказуемому); но и не предикативно значимые члены предложения могут иметь модально-экспрессивные значения. В образовании таких членов предложения как синтаксических единиц вместе с знаменательным словом участвуют и частицы. Поэтому частица является конструктивным элементом синтаксической формы – формы члена предложения. По определённым правилам языка здесь осуществляется сочетание слов в целях выражения определённого значения члена предложения. Поэтому такие соединения, как *знай пишет, так и хлещет, сидит себе, то-то рад, ну и умен, и умен же, вот так денек* и многие другие, представляют собою закономерные – и разные – объекты синтаксического исследования. Что же изучает здесь синтаксист? Во-первых, возможности соединения разных частиц со словами разных категорий и семантических групп, с разными формами слов; выявляющиеся здесь во многих случаях ограничения относятся целиком к правилам словосочетаемости; во-вторых, прикреплённость многих частиц к построениям тех или иных общих типов, возможность или невозможность функционирования частицы в составе таких построений; в-третьих, правила и ведущие тенденции расположения частицы в составе конструкции, явления

словопорядка; в-четвёртых, те особые структуры, которые формируются с участием определённых частиц и без этих частиц вообще не существуют; в-пятых, наконец, образовавшиеся в результате взаимодействия частицы и знаменательного слова конструкции со стороны их частных объективно-модальных и модально-экспрессивных значений.

Как видим, интерес исследователей к частицам не ослабевает. Появляются работы, в которых частицы описываются как класс [12, 68–71, 128, 132–135, 156], а также посвящённые анализу какого-то одного разряда частиц: служащих для передачи чужой речи [7, 95–100, 139], для выражения отождествительного значения [24, 42], модальных частиц [9, 80], усилительных [8, 18, 37, 58, 125, 129, 155], ограничительных [65, 88, 126, 128, 129] и др.

ГЛАВА 2. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

2.1. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XVII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТИЦ

XVII век занимает особое место в истории русской литературы и в истории русского литературного языка. С одной стороны, это связано с “выходом” русской литературы за рамки традиционных жанров житийного и “учительного” характера, с появлением произведений собственно художественной литературы, “рождением” театра, властно требовавшего привлечения русской разговорной стихии, а с другой, как отмечалось во введении к диссертации, субъективно-модальные и оценочные характеристики разговорной речи настоятельно требовали развития специальных средств, характеризующих действие или состояние по целому ряду признаков, начиная от полноты / неполноты и заканчивая другими видо-временными характеристиками, включая результативность / нерезультативность осуществления. [111, § 1689].

Одним из основных текстов, привлечённых к исследованию частиц в русском языке XVII века, стало «Житие протопопа Аввакума». Об Аввакуме написано множество работ: интерес для исследователей представляли личность писателя, творчество, время написания его гениальных произведений [16, 21, 50, 52, 53, 59, 82, 83, 85].

В глубокой и всесторонней характеристике «Жития», предпосланной академическому изданию 1934 года, Н. К. Гудзий, в частности, отметил: «Первое, что обращает на себя внимание в сочинениях Аввакума, – это его живая русская речь, или перебивающая речь книжную, церковно-славянскую, или, в большинстве случаев, совершенно ее вытесняющая. Сам Аввакум свой

язык характеризует как “просторечие” и “вякание”, т. е. как свободную, непринужденную беседу. В предисловии к третьей редакции “Жития” он обращается к своему читателю и слушателю со следующим предупреждением: “и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет”. Адресуясь к царю Алексею Михайловичу, он говорит: “Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах”. И несмотря на то, что Аввакум не проводит ясной границы между языками русским и церковно-славянским, как это видно из ближайшего контекста, все же очевидно, что он обыденную, бесхитростную, домашнюю речь предпочитает речи книжной, торжественно высокопарной. Аввакум настолько смел в пользовании живой речью, что не ограничивается теми ее элементами, которые нашли уже себе доступ в язык документов, юридических и бытовых памятников, а вводит в нее диалектические особенности своего родного григоровского говора, в том числе такую его особенность, как постпозитивный член (указательное местоимение после существительного)» [45, с. 32–33].

В. В. Виноградов, отметив необыкновенную мощь и широту стиля Аввакума, указал, что в нём «нашли острое, хотя и индивидуальное, выражение общие процессы истории русского литературного языка в XVII в. Смешение, чередование, взаимопроникновение и соотношение книжно-славянской и народно-русской речевых стихий, так разнообразно и выразительно представленные в различных жанрах сочинений Аввакума, – процесс, важный и типичный для развития русского литературного языка в целом в его движении к национальной норме словесного выражения <…> “Красные слова” (красноречие), церковно-книжная речь и просторечие,

чередуясь и сочетаясь, в стиле Аввакума вступают в тесное взаимодействие и новый синтез» [29, с. 371].

От Аввакума, кроме «Жития», до нас дошли и другие его сочинения: беседы по вопросам церковной практики, толкования библейских текстов, поучения, богословские сочинения, челобитные, послания и письма. Все они проанализированы в диссертации на предмет употребления в текстах частиц, в том числе усилительных, которым посвящена вторая глава. И во всех перечисленных, безусловно новаторских, текстах Аввакум предстаёт как яркая человеческая и писательская индивидуальность. «Новаторство Аввакума сказывается прежде всего в том, что он традиционное “житие” с его стилистическими и тематическими шаблонами реформирует в полемически заостренную автобиографию, в повествование не о каком-либо постороннем угоднике, а о самом себе» [45, с. 27]. Стилевое новаторство Аввакума отмечают и исследователи его языка, и комментаторы творчества [30, 35, 36, 49, 141, 142, 143, 153]. Особо же подчёркивается всеми его установка на устное воспроизведение не только “слов” и “поучений”, но и самого текста «Жития». Отсюда «нарочитая грубоватость и свобода выражений (о борьбе с бесом: “ночь всю зимнюю с ним простряпал”; о молящемся юродивом Федоре: “тысячу поклонов отбросает”); отсюда – обилие вульгаризмов и бранных слов. Вместе с тем, где это было Аввакуму необходимо, он легко и естественно переходил на торжественный, высокий стиль проповеди. Но и в том и в другом случае его произведение было рассчитано на чтение вслух. Аввакум хотел быть понятным каждому “слышателю”, каждому простому, неграмотному человеку» [48, с. 41].

Понятное дело, что произведениями Аввакума, каким бы выдающимся писателем он ни был, литература XVII века не исчерпывается. Поэтому для полноты, точнее – широты картины, в ходе работы над диссертацией

анализировались и другие материалы. На страницах 8–9 во Введении они перечислены. Здесь же кратко охарактеризуем их.

Поскольку все источники были тщательно обследованы на предмет наличия в них частиц и каждое выявленное употребление было проанализировано с точки зрения функциональной предназначенности частицы, её семантического и семантико-синтаксического воздействия на минимальный контекст и высказывание в целом, а результаты анализа даны в основном тексте второй и в третьей главе диссертации, материал исследования представлен здесь кратким историко-литературным комментарием.

Поскольку центральное произведение старообрядчества и самый известный памятник русской литературы XVII века – «Житие протопопа Аввакума», равно как и примечательная фигура автора, заслуживают особого внимания, задержимся на нескольких характеристиках, которые, по нашему мнению, могут оказаться важными при анализе конкретных высказываний Аввакума, в которых он использует частицы как средство реализации стилевых установок. О протопопе Аввакуме “высоким слогом” поведал в «Критико-биографическом словаре русских писателей» С. А. Венгеров: Аввакумъ Петровичъ, юрьевецкій протопопъ, одна изъ характернѣйшихъ фигуръ первыхъ временъ раскола, “протопопъ-богатырь”, какъ его называетъ Соловьевъ, “Петръ Великій, только въ обратную сторону”, какъ о немъ отзывается Тихонравовъ, “священномученикъ”, какъ величаютъ Аввакума раскольники, имѣющіе иконы его, а въ общемъ печальный примѣръ богатѣйшихъ нравственныхъ и недюжинныхъ умственныхъ силъ, безплодно потраченныхъ на жалчайшее буквоѣдство» [28, с. 25].

О главном произведении протопопа Аввакума написано огромное количество работ, всесторонне освещающих этот замечательный памятник русской словесности [3, 50, 51, 54, 55, 67, 81, 84, 112]. Даже Литературная

энциклопедия (издание, между прочим, коммунистической академии) отметила: «Замечательным памятником старорусской лит-ры является “Житие” А. – его автобиография. “Житие” проникнуто, с одной стороны, некоторым агиографическим колоритом (стилевые недомолвки в рассказе), с другой – и по преимуществу – необычайной реальностью содержания и яз. Страстный темперамент А. ярко обрисовывается в многочисленных бытовых черточках и рассказах в его “Житии”. <...> А. часто сам оказывается потерпевшим, изгнанным, побитым, брошенным в реку, – но неизменно смотрит на себя как на ревнителя веры, гонимого за веру. Столь же своеобразны стиль и композиция “Жития” – “простодушно деловой сказ то разнообразится перебоем восклицательных и вопросительных интонаций, торжественным чтением библейских текстов, которое временами переходит в ораторскую речь, проповедь, то уснащается каламбурами, шутливыми народными присловьями, двустишиями, лишь слабо связанными с искусственной – виршевой поэзией» [30, с. 216].

Закончить представление этого памятника и всего принадлежащего перу Аввакума наследия хочется резюмирующим изложением в КЛЭ: «А. написал св. 50 сочинений (беседы, поучения, богословские соч., толкования библейских книг и др.). “Житие протопопа Аввакума”, написанное им самим между 1672 и 1675 годами (известны три его редакции), является ценным лит. памятником, первым в рус. лит-ре опытом пространной автобиографии. В нём ярко проявились антифеод. тенденции старообрядчества. А. выступил как новатор в области стиля. В своём сочинении он отходит от традиц. формы *жития* с его канонич. правилами и описывает свою жизнь живым, близким к нар. речи языком. “Житие” насыщено картинами реального быта, мотивами злободневной современности, проникнуто полемич. пафосом. Язык соч. А. отличается необычной для лит-ры 17 в. живой образностью, обилием поговорок и

пословиц, оборотами речи, порой грубоватыми, но живописными и меткими» [47, стб. 52–54].

Из житийной литературы, кроме текста Аввакума, анализировалось «Житие» Епифания. написанное под влиянием «Жития Аввакума». «Житие» состоит из двух частей: первая написана примерно в 1667 – 1671 годах, а вторая – в 1675 – 1676 (по предположениям некоторых исследователей – в 1673 – 1675). В первой части Епифаний рассказывает о жизни в скиту на Суне; во второй – о гонениях за веру и о жизни в Пустозёрске. Как и произведения Аввакума, «Житие» Епифания написано “природным” русским языком. Однако, в отличие от Аввакума, Епифаний уделяет мало внимания фактической стороне своей биографии. Большая часть «Жития» носит характер духовной исповеди [87, 109, 110].

Значительный интерес при изучении функций частиц представила «Книга толкований и нравоучений» – одно из больших полемических сочинений протопопа Аввакума, созданное им в земляной тюрьме пустозёрского острога, где он находился в заключении с 1667 г. до дня своей казни в 1682 г. Сам Аввакум называл это произведение «книгой». Так, посылая рукопись своему духовному сыну Симеону, он писал: “Чадо Симеоне! Богъ благословитъ тя сею книгою”. Название произведению – «Книга толкований и нравоучений» – было дано П. С. Смирновым, издавшим в 1927 г. «Книгу» в корпусе других сочинений Аввакума по единственному известному на тот момент её полному списку. «Книга толкований» – одна из трёх известных полемических «Книг» Аввакума: кроме неё, ещё существуют «Книга бесед», содержащая цикл, составленный Аввакумом в защиту старых обрядов в 1670 – 1675 гг., и «Книга обличений», датируемая 1679 г., посвящённая полемике Аввакума с его пустозёрским “соузником” – дьяконом Федором по ряду догматических вопросов (о понимании догмата Троицы, о сошествии Христа в ад и др.). В отличие от этих «Книг», тематически

единых, «Книга толкований» тематически разнообразна: помимо толкований фрагментов из Священного Писания, «Книга» содержит полемику с никонианами, рассуждения о церковных нововведениях, автобиографические воспоминания Аввакума, нравственные наставления (“как жити в вере Христове”), адресованные разным людям.

Небезынтересным оказалось изучение переписки Аввакума с семьёй и двумя авторитетными в среде старообрядцев женщинами – Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой, а также челобитные, послания и поучения.

Из богословских сочинений анализировался рассказ «Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека». Текст представляет собой рассказ о первых людях, первородном грехе. Написан он тем же “подлым”языком, что и другие сочинения Аввакума.

К исследованию были привлечены «Акты писцового дела» (1644 – 1661 гг.). В сборнике изданы документы, связанные с проведением описаний городов и уездов России в 1644 – 1661 гг., целью которых было выявление экономического состояния налогоплательщиков для их обложения прямым поземельным налогом (наказы писцам, их доклады, различные грамоты, росписи, отписки, челобитные, памяти и др.). Документы относятся к семи уездам: Сольвычегодскому, Великоустюжскому, Тотемскому, Вяземскому, Арзамасскому, Устюженскому и Углицкому.

Значительный интерес представили «Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край». Книга содержит впервые публикуемые памятники русского языка XVII в., связанные с основной территорией древней Северо-Восточной Руси, лингвистическая культура которой играла главенствующую роль в истории языка великорусской народности и влиятельным образом участвовала в образовании русского национального языка. В книге представлены более 300 документов – отказные и отдельные книги, посевные, ужинные и умолотные, приходо-расходные и досмотренные

книги, разного рода челобитные, а также расспросные речи, отписки, памяти и сказки, поручные и другие записи и, кроме того, грамотки.

«Повесть об Азовском осадном сидении» представляет собой облечённое в форму донесения (“отписки”) царю Михаилу Федоровичу (1613 – 1645 гг.) поэтическое описание действительных событий – четырёхмесячной осады Азова турками в 1641 г. Это самый выдающийся памятник Азовского цикла, в котором получили отражение события Азовской эпопеи (о захвате Азовской крепости казаками в 1637 г. и осаде турецкой армией в 1641 г.). Р. Пиккио, характеризуя «Повесть», отмечал прежде всего её традиционность: «Порой кажется, что читаешь “Повесть временных лет”, или “Сказание о Мамаевом побоище”, или “Повесть о взятии Царьграда” <...> образы турок из войска султана Ибрагима словно списаны с древних куманов или татар Батыя <...> Мощь традиции древнерусской литературы сообщает всему повествованию моральную силу, придающую очарование каждой фразе и каждому жесту, который совершается не случайно, не по мгновенному импульсу, а в соответствии с отеческими заветами. Азовские казаки предоставлены самим себе, формально они не зависят от царя и способны выбирать свою судьбу. И всё же им неведомы сомнения. В них сильны православная вера и мораль. Для них патриотизм и религия – одно и то же. Перед лицом турецкой угрозы они знают, с какими обличительными речами обращаться к неверным, какие пламенные молитвы возносить Господу, Богоматери и святым, каких чудес ждать с небес, как приветствовать христианских братьев, солнце, реки, леса и моря. Будь в их действиях больше импровизации, исчезло бы очарование картины, написанной на старый лад» [103].

Автором так называемой “поэтической” повести об Азовском осадном сидении был, как полагают, один из участников казачьего посольства в Москву войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии), в прошлом

беглый холоп князя Н. И. Одоевского, Федор Иванович Порошин. Видимо, он был весьма начитанным человеком, опирался на широкий круг книжных источников. Из этих источников особенно важным для него стало «Сказание о Мамаевом побоище», откуда заимствованы, например, приёмы описания вражьей силы. Однако, как отмечает большинство исследователей, художественную специфику памятника определяют всё-таки не парафразы и не скрытые цитаты. В поэтике повести сочетаются два организующих фактора: художественное переосмысление канцелярских жанров и использование фольклора. Автор широко пользовался устным народным творчеством казаков и из книжных источников также брал прежде всего фольклорные мотивы.

В диссертации не был обойдён вниманием и замечательный памятник древнерусской журналистики «Вести-куранты 1642 – 1644 гг.». Газета начала постоянно выходить в Москве в 1621 году (хотя отдельные выпуски появлялись ещё в июне 1600 года) для информирования царя Михаила Фёдоровича и боярской думы и продолжала издаваться вплоть до начала XVIII века, пока в 1702 году не превратилась в печатные ведомости.

Газета была рукописной и готовилась дьяками Посольского приказа в нескольких экземплярах специально для царя и его приближённых, которым её зачитывали вслух (об этом говорит помета “государю чтено и боярам”). Источником информации служили в основном иностранные газеты, которые регулярно выписывались Посольским приказом с 1631 года, а также сообщения иностранных корреспондентов. Газета выходила без постоянного названия, но в «Переписной книге царя Алексея Михайловича» названа “куранты о всяких вестях”. Предполагают, что слово “куранты” не позже 1649 года стало обозначать столбцы с вестями, так как это слово входило в название нескольких голландских газет XVII века. Окончательно выпуск

«Курантов» был упорядочен в 1660 – 1670 годах боярином Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокиным.

В тексте курантов первой половины XVII века уже присутствуют слова, появление которых обычно связывают с эпохой Петра I (*галера*, *маршал*, *миллион*, *петарда*, *президент*, *цитадель*, *инженер*), а также частицы (*разве, же, ж, не, только, токмо, ни, де, б, лише бы, было, будто, да не, толко б*).

2.2. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА.

Группа усилительных частиц весьма разнообразна по своему составу. В древнерусском языке основными средствами выражения усилительного значения являлись частицы *и, же, да, ведь, бо, вот, ну*, реже – *даже*. В современном русском языке отсутствует частица *бо*.

История изучения усилительных частиц имеет давнюю историю. В «Грамматике словенска совершенного искусства осми частей слова», составленной Лаврентием Зизанием (1596 г.), частицы *да* и *бы* упоминаются в разделе “Глаголъ”, где рассматриваются как средство образования действительного залога настоящего и будущего времени, условного наклонения прошедшего времени, формы “протяженного” и “присовершенного” времени и др. Некоторые лексемы, ныне квалифицируемые как частицы, Зизаний относил к наречиям. Особых расхождений между грамматикой Зизания и вышедшей в 1619 году «Грамматики ...» Мелетия Смотрицкого, что также отмечено в первой главе диссертации, нет.

Не выделял усилительные частицы в самостоятельную категорию и Михаил Ломоносов, относивший их либо к наречиям, либо к союзам. А. А. Барсов, как и его предшественники, практически все частицы (кроме *не*), в том числе и усилительные, квалифицировал как союзы. В

«Исторической грамматике» Ф. И. Буслаев также не касался вопроса усилительных частиц. А частицу *да* относил к желательным союзам. А. М. Пешковский, как указано в первой главе [102, с. 20], соглашаясь с термином “частица”, тем не менее, не выделял их в отдельный разряд. А среди частичных бесформенных слов выделил разряд усилительных, или выделительных слов, куда и вошли усилительные частицы (*даже, -то, же, да, и, ни, это, ведь, так и, вот*). Д. Н. Овсянико-Куликовский на примере частицы *и* делает попытку объяснить её “союзность” в предложениях, в которых она, вероятнее всего, выполняла функцию присоединительной частицы с оттенком усиления, и механизм “превращения” союза в частицу [93, с. 269–270]. Как отмечено выше, наибольший вклад в изучение частиц до фундаментальных работ по русскому языку В. В. Виноградова внёс А. А. Шахматов. В работах последующего периода развития русского языкознания отмечается последовательное и неуклонное повышение внимания к частицам как словам, требующим углубления понимания их как с позиций морфологических, так и синтаксических явлений.

Суммируя результаты изучения частиц речи предшественниками и предлагая своё видение проблемы классификации частиц, В. В. Виноградов выделил группу усилительных, или выделительно-ограничительных частиц, в которую включил частицы *и*, *даже и*, *только*, *лишь*, *хоть*, *ведь*, *а*, *да*, *же*, *единственно*, *исключительно*, *решительно*, *положительно*, *определённо*, *просто* и др. Е. М. Галкина-Федорук ввела усилительные частицы в “подразряд” эмоциональных и экспрессивных частиц, выражающих оттенки эмоциональных значений: *то-то, как, вишь ты, ну и, что за, даже, все-таки, прямо, просто, еще бы, только еще, хоть бы* и др. А. Н. Гвоздев к усилительным относил частицы, подчёркивающие слово, на которое падает фразовое ударение: энклитики: *-то*, *же*, проклитики: *ни*, *и*; частицы, имеющие своё ударение, но примыкающие то к последующему, то к

предыдущему знаменательному слову: *даже*, *прямо*, *просто*, *это*, *именно*, *уж*. Академическая грамматика, как бы подводя итог, “узаконивая” классификационные поиски, обозначила большую группу частиц, подчёркивающих (усиливающих, акцентирующих) сообщение или какую-то его часть: *благо, будто, было б, ведь, вот всего, едва ли не, еще, же, и, и есть, лишь, неужели, никак, ну, ну уж, прямо, только, уж, что за, что ни (на) есть* и др. [31, 40, 111].

Обследование различных словарей позволило получить следующую картину описания слов, выполняющих усилительную функцию:

Табл.1.

Частица	Семантико-синтаксическая характеристика	Словарь
ведь	1. союз, указывающий на причину, основание предшествующего утверждения. 2. усилительная частица.	Ожегов
	1. союз причинный. 2. союз – в сочетании с противительными союзами усиливает их смысл. 3. союз – после условного предложения означает ‘тогда’, ‘в таком случае’. 4. союз – указывает на утверждение, из которого в дальнейшем делается вывод. 5. союз – в разговорной речи придает эмоциональную окраску высказыванию. 6. союз – в вопросительных и восклицательных предложениях означает ‘Неужели не? Разве не?’	Ушаков
	1. усилительная частица. 2. союз – после придаточного условного вводит главное	Евгеньева

	предложениие. 3. союз – присоединяет предложение, служащее обоснованием мысли первого предложения. 4. союз – употр. в уступительных предложениях.	
	частица и союз.	СлРЯ 11–17 вв.
	1. противительный союз. 2. союз – присоединяет предложение, служащее обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в предшествующем предложении. 3. союз – после условного предложения, в уступительных предложениях. 4. союз – в начале чужой речи имеет значение приступа к изложению. 5. союз – имеет значение наречий ‘конечно, несомненно; известно, что …’. 6. союз – имеет значение наречий времени ‘уж, уже, ещё’. 7. иногда усилительно, усилительно при наречиях места. 8. часто в виде утратившей значение частицы, примыкающей к ближайшему слову и отличающей разговорную речь и просторечие.	СлРЛЯ в 17 т.
вот	1 указательная частица. 2. усилительная частица.	Ожегов
	указательная частица	Ушаков
	1. указательная частица. 2. усилительная частица. 3. употр. для привлечения	Евгеньева

	внимания собеседника.	
	1. частица, употр. при указании на кого-, что-л., находящееся или происходящее в непосредственной близости. 2. частица, употр. перед словом, которое логически выделяется.	СлРЯ 11–17 вв.
	1. указательная частица. 2. усилительная частица.	СлРЛЯ в 17 т.
да	1. утвердительная частица. 2. вопросительная частица. 3. употребляется в начале речи при перемене темы, при воспоминании о чём-нибудь. 4. употребляется для выражения недоверия, возражения. 5. употр. для придания большей выразительности. 6. то же, что ‘пусть’. 7. союз – употр. для соединения или присоединения отдельных слов или целых предложений. 8. союз противительный.	Ожегов
	1. употр. при ответе в значении утверждения и согласия. 2. в знач. ‘неужели? разве?’ (с вопросительной интонацией; с оттенком удивления или недоверия). 3. в знач. вводного слова. 4. с вопросит. интонацией, в знач. ‘что? я! Слушаю!’ 5. союз соединительный, присоединительный и противительный. 6. союз – в знач. усилительной частицы.	Ушаков

	1. утвердительная частица. 2. вопросительная частица. 3. усилительная частица. 4. употр. для выражениия настойчивой просьбы, приказания, пожелания, побуждения.	Евгеньева
	1. союз соединительный, присоединительный, противительный, сопоставительный. 2. частица вопросительная и усилительная. 3. частица, с глаголами 3-го л. образует повелительное наклонение.	СлРЯ 11–17 вв.
	1. союз. 2. утвердительная частица. 3. вопросительная частица. 4. усилительная частица. 5. формообразующая частица, соответствует по значению ‘пусть’.	СлРЛЯ в 17 т.
даже	1. союз. 2. выделительная, усилительная частица.	Ожегов
	1. усилительная частица. 2. в знач. присоединительного союза.	Ушаков
	1. усилительная частица. 2. в знач. союза – присоединяет предложения или члены предложения, обозначающие результат особенно напряжённого, усиленного действия или какой-либо признак как показатель чего-либо.	Евгеньева
	1. частица усилительная. 2. союз присоединительный.	СРЯ 11–17 вв.

	1. усилительная частица. 2. отождествительная частица. 3. союз противительный и присоединительный.	СРЛЯ в 17 т.
же	1. союз противительный и присоединительный. 2. усилительная частица.	Ожегов
	1. усилительная частица. 2. в знач. присоединительного союза.	Ушаков
	1. усилительная частица. 2. в знач. союза – присоединяет предложения или члены предложения, обозначающие результат особенно напряжённого, усиленного действия или какой-либо признак как показатель чего-либо.	Евгеньева
	1. частица усилительная. 2. частица. употр. при уточнеиии сопоставления, сравнения, подчеркивая тождество, сходство с чем-л., упомянутым ранее. 3. союз – сопоставительно-противительный и присоединительный.	СлРЯ 11–17 вв.
	1. усилительная частица. 2. в значении присоединительного союза с усилительным оттенком.	СлРЛЯ в 17 т.
и	1. союз: соединительный; начинает предложение; употр. для усиления выразительности и подчёркивания связи с предшествующим высказыванием.	Ожегов

	2. частица усилительная, употребляется в значении ‘даже, сверх прочего, именно’.	
	1. союз усилительный, присоединительный, перечислительный, повествовательный, усилительный, уступительный, противительный. 2. употр. в знач. усилительной частицы. 3. употр. в знач. частицы, одновременно и присоединительной и усилительной. 4. употр. в знач. присоединительно-заключительной частицы, усилительной частицы.	Ушаков
	1. союз. 2. усилительная частица. 3. частица – употребляется в значении ‘также’.	Евгеньева
	1. союз – соединительный, присоединительный, начинательный, противительный, соотносительный, выделительный, усилительный. 2. частица усилительная, соответствует ‘даже’. 3. частица выделительная, соответствует ‘ведь’.	СРЯ 11–17 вв.
	1. союз – объединительный, соединительный, присоединительный, перечислительный, результативный, уступительный. 2. частица, усиливает, подчеркивает, выделяет значение слова,	СРЛЯ в 17 т.

	перед которым стоит.	

Частицы этой группы, как правило, находятся в препозиции к слову, значение которого усиливается или выделяется, причём могут употребляться непосредственно перед словом или отделяться от него другими словами. Обратимся к примерам, собранным при анализе первоисточников литературы XVII века.

2.3. УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В СЛОВЕСНОСТИ XVII ВЕКА. МОРФОЛОГИЯ

2.3.1. Частица *бо*

Частица *бо,* как и большинство усилительных частиц, многозначна. Кроме этого, она обладает способностью к контекстной синонимии, а также выполняет союзную функцию.

2.3.1.1. Узуальные функции

Основной функцией слова *бо* как частицы является усилительная. Частица могла употребляться после различных частей речи, как самостоятельных, так и служебных (наречий, глаголов, прилагательных, местоимений, существительных, подчёркивая, (усиливая, акцентируя) его значение:

(1) Уже **бо**-де не надѣяхомся и живи быти, но г(о)с(по)дь избавил мя есть и избавляетъ (АЖит, с. 12).

(2) <…> с(вя)щенноинокъ Мар’тирий, укрѣпляя мене, дабы <…> икосы говорилъ бы на всякъ д(е)нь преч(и)стой б(огороди)це <…>. Рече **бо** ми сице: “Чадо! Есть писано во Отечникѣ <…>” (ЕЖит, с. 119).

(3) Нужно **бо** есть побесѣдовати и о воч(е)л(о)вѣчении б(о)га-слова к вашему спасению (АЖит, с. 17).

(4) И рече от(е)цъ с(ы)нови: “Сотворимъ ч(е)л(о)вѣка по образу нашему и по подобию”. И отвѣща другий: “Сотворим, отче, и преступит **бо**” (АСоб, с. 102).

(5) Мы же еще в морѣ, плаваемъ пучиною, и не видимъ своего пристанища. Не вѣмы **бо**, доколѣ животъ нашъ протянется <…> (АКнБес, с. 250).

(6) Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никоніянъ окаянный, толстъ вѣдь ты! Какъ в дверь небесную вмѣститися хощешь! Узка **бо** есть и тѣсенъ и прискорбенъ путь, вводяй в животъ (АКнБес, с. 291).

(7) Себе **бо** отвержение – истинны испадение; истинна **бо** сущее есть; аще **бо** истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть (АЖит, с. 12).

(8) Се полагаю в Сионѣ камень претыканию и камен(ь) соблазну; вси **бо** не сходящиися с нами о нем претыкаются или соблажняются (АЖит, с. 28).

(9) Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог **бо** то есть: новое творит и старое поновляет (АЖит34, с. 136).

(10) Я и н(ы)нѣ молюся о немъ. Аще и мучит мя, но ц(а)рь **бо** то есть (АЖит, с. 55).

(11) Не еже **бо** хощу, доброе, творю, но еже не хощу, злое, сіе содѣваю (АКнБес, с. 242).

(12) Под’щитеся соединитися друг другу: елико **бо** соединевается кто искреннему, толико соединяется б(о)гови (АОбращ, с. 9).

(13) Такожде разумѣйте и отлучение: егда **бо** оставятъ себе от б(о)га и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть, яко елико исходятъ и удаляютъ себе от б(о)га, толико удаляются другъ от друга (АОбращ, с. 9).

(14) Еже **бо** содѣваю, не разумѣю; не **бо** еже хощу – сіе творю (АКнБес, с. 242).

2.3.1.2. Синонимическая парадигма

В словаре русского языка XI – XVII веков частица представлена как синонимичная *же, ведь*, однако, в отличие от *ведь,* она обычно относится не ко всему высказыванию или его части, а к отдельному слову:

(15) И <…> печалуюся о языкѣ моем. <…> Попол’зе **бо** ми тогда язык ис корения и доиде до зубовъ моихъ (ЕЖит, с. 125).

(16) С Павломъ реку: вѣмы **бо**, яко законъ духовенъ есть, азъ плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхомъ (АКнБес, с. 241).

(17) <…> азъ плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхомъ. Еже **бо** содѣваю, не разумѣю <…> (АКнБес, с. 242).

(18) <…> по лесам хожу, звѣри ловлю всякия и птицы. И нѣкогда **бо**, о(т)че с(вя)тый, ходящу ми по лесамъ по обычаю моему, ищущу ми звѣрей и птицъ на ловъ мой и уже много времени не токмо уловити, но и не видалъ ни оленя, ни лисицы (АКнБес, с. 242).

(19) Бѣ во странѣ нѣкоей м(о)н(а)ст(ы)рь нѣкий. <…> И нѣкогда **бо** тоя обители игумен || посла брата на службу м(о)н(а)ст(ы)р’скую (ЕЖит, с. 119).

(20) Аз <…> рекох сице: “Г(оспод)и, помози ми!”. <…>. Наиде **бо** на мя тогда яко сонъ <…> (ЕЖит, с. 125).

(21) <…> уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю **бо** законъ хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ (АКнБес, с. 242).

(22) И нѣкогда **бо** ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинути, и вижу себя на нѣкоем полѣ велике и свѣтле зѣло, ему же конца нѣсть (ЕЖит, с. 127).

(23) Мнит ми ся, <…>, во 172 году сѣдящу **бо** ми в кѣлии в пустыни моей Виданьской приехал ко мнѣ в пустыню зимой хр(и)стиянин на лошадѣ <…> (ЕЖит, с. 114).

2.3.1.3. Смешанные функции (частица+союз)

Отмечены случаи совмещения различных функций, в частности, усилительной функции с союзной (*бо* присоединяет предложение, служащее обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в предшествующем предложении или же указывает на причину того, о чём говорится в первой части высказывания):

(24) Не дивно бы ми было, о(т)че с(вя)тый, аще бы ми послалъ б(о)гъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то **бо** их дом и жилище (ЕЖит, с. 115).

(25) <...> в лотку сѣдше, уповая на Х(рист)а и кр(е)сть поставя на носу, поехали, ничево не бояс(ь). А во иную су пору и боялис(ь), человѣцы **бо** есмы <...> (АЖит, с. 41).

В приведённых примерах частица

1) сохраняет собственно усилительное и выделительное значение, актуализируя значение принадлежности (*то **бо** их дом и жилище*) [пример (24)];

2) вносит значение количественной или качественной характеристики объекта [примеры 24 и 25];

3) вводит предложение, поясняющее мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания [примеры 24 и 25].

(26) Еще же и Дионисий Ареопагитъ свидѣтел(ь)ствует о б(о)зѣ, г(лаго)ля: “Свѣтъ б(о)гъ, но и не свѣтъ, паче **бо** свѣта; животъ б(о)гъ, но и не животъ, паче **бо** живота” (АСоб, с. 97).

(27) Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в тройце и тройцу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин **бо** есть состав отечь, ин – сыновень, ин – святаго духа (АЖит34, с. 69).

2.3.1.4. Союзные функции

Союзная функция лексемы может быть описана следующим образом: *бо* присоединяет предложение, представляющее собой изложение фактов, поясняющих, подтверждающих истинность предыдущего высказывания, служащее обоснованием или подкреплением мысли, высказанной ранее. В отличие от синонимичных союзов *же* и *ведь*, которые, кроме основной, выполняли также аргументативную функцию, о которой будет сказано ниже (см. разделы **2.3.2.4**, **2.3.6.4**), функция союза *бо* ограничивалась исключительно объяснением причин того, о чём говорилось в первой части высказывания, обоснованием, подтверждением сказанного ранее:

(28) Палач же, насилу выколупалъ ножемъ языкъ из горла: ужас **бо** обдержаше ево и трепетенъ бяше (АЖит, с. 58).

(29) И рече ми бѣсъ сице: “Уже я опять к тебѣ не буду: иду на Вытеръгу”. (Бѣ **бо** Вытерга, волость велика, || тамо есть) (ЕЖит, с. 88).

(30) И той мя старец принял къ себѣ в пустыню . И бѣ со старцем в кѣлии, живяше бѣс, зѣло лют, много **бо** старцу пакости творяше во снѣ и на явѣ (ЕЖит, с. 82).

(31) И трѣснула кожа на Иванѣ удавленном, бѣ **бо** надулъ его бѣсъ крѣпко и туго зѣло (ЕЖит, с. 83).

(32) <…> вижу и азъ, яко много плоти, но нѣсть человѣка. Человѣкъ **бо** есть той, иже праведнѣ и богоугоднѣ въ заповѣдѣхъ Господнихъ живый, а сіи нѣсть человѣцы <…> (АКнБес, с. 244).

(33) Еще же и Дионисий Ареопагитъ свидѣтел(ь)ствует о б(о)зѣ, г(лаго)ля: “Свѣтъ б(о)гъ, но и не свѣтъ, паче **бо** свѣта; животъ б(о)гъ, но и не животъ, паче **бо** живота” (АСоб, с. 97).

(34) <…> старец <…> прижався ко оградицѣ м(о)н(а)ст(ы)р’ской, моляшеся с вѣрою сердечною <…>. Бѣ **бо** ц(е)рк(о)вь близъ || ограды, и все ему слышат(ь), что поютъ в’ ц(е)ркви (ЕЖит, с. 120).

(35) “не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити: от плода **бо** всяко древо познано бывает” (АЖит34, с. 138).

(36) А другой бѣсъ прямо дверей стоитъ в велице ужасѣ и хощет вонъ бѣжати ис кѣлии, да не может: нозѣ **бо** его прилѣпишася к’ мосту кѣлейному (ЕЖит, с. 87).

(37) Тогда на пути из мене, грѣшнаго, вмалѣ д(у)ши не вытрясли на телѣгах: бѣ **бо** тогда люта зѣло и тяжка болѣзнь была (ЕЖит, с. 134).

В XVII веке слово *бо* функционировало как частица и как союз. Кроме этого, отмечены случаи совмещения функций: связывая части предложения, *бо* в то же время сохраняло усилительное значение, акцентируя внимание на выделяемом текстовом фрагменте.

2.3.2. Частица *вeть (ведь)*

Крайняя степень семантической абстрактности частицы *вeть (ведь)*, так же, как *и*, *же* и некоторых других, нашедшая отражение в словарных статьях, объясняет максимальную зависимость их смысловой интерпретации от контекста.

Частица *вeть (ведь),* как и большинство усилительных частиц, многозначна. Кроме этого, она обладает способностью к контекстной синонимии, а также может выполнять союзную функцию.

2.3.2.1. Узуальные функции

Основной функцией слова *вeть (ведь)* как частицы являлась усилительная: подчёркивая, (усиливая, акцентируя) сообщение или какую-то его часть, она придавала эмоциональную окраску высказыванию:

(1) Хто тебя научилъ указывать-тово мнѣ, чтобъ я Ѳеодосье-той запретилъ? Плутаешь ты и иное много. Вѣдаю **вeть** я твое высокое житье, какъ, у нея живучи, кутилъ ты (АЧел, с. 916).

(2) Какъ ты Троицу-ту Святую къ каменю-тому приложилъ? Камень не трисоставенъ **вѣть**, а Единороднова-тово разумѣй въ нѣдрѣхъ-тѣхъ (АКнОбл, с. 596).

(3) Вѣдаете ли вы, бѣшаные собаки, чрезъ что тайны церковные освящаются? Гдѣ-то орудіе у васъ? **Вѣть** вы забылися, такъ-то прелестію упилися, не знаете, за что и хватилися (АКнБес, с. 330).

Кроме этого, в русском языке XVII века частица выполняла следующие функции:

1. Оформляла высказывания, представляющие собой

а) “запрос на подтверждение”. В этом случае цель говорящего – получение подтверждения высказанного предположения или же актуальности информации, которой он уже располагает. Фрагмент с *вѣть (ведь)* вводился как аргумент, обосновывающий, поясняющий, подтверждающий высказанное ранее предположение, и частица имела значение наречия ‘известно, что’.

(4) А онъ дѣтинка-бродяга былъ, и у Макарья Желтовоцкаго поводился в крылосѣ, – Никитка Мининъ. А таки не татарка ли ево, С, родила, – тамъ-**вѣть** татаръ-тѣхъ много (АКнТолк, с. 463).

(5) Какъ-то бѣдная бояраня-та мучится съ сестрами! Такъ же **вѣдь** нешто? (АЧел, с. 929).

б) оценку ситуации, причём *ведь* “оценочное” употреблялось для выражения и позитивной, и негативной оценки:

(6) Ну, господине и брате, хорошо **вѣть** Христосъ сказалъ! Иакъ **вѣть** слово въ слово: міръ своихъ любитъ, а Христовыхъ гонитъ (АКнБес, с. 257).

(7) А Никонъ, **вѣть**, не послѣдней антихристъ, такъ – шишь антихристовъ, <...> изникъ в земли нашей (АЧел, с. 894).

Помимо основного, частица выражала и некоторые коннотативные значения. Так, в примере (6), представляющем собой логический вывод, следствие из сказанного ранее, частица вносила значение положительной

оценки. Но при замене частицы *вѣть (ведь)* на *же*, которая тоже употреблялась в оценочных высказываниях, в предложение вносится значение иронии, пренебрежительной оценки. Ср.: Ну, господине и брате, хорошо **же** Христос сказал!

В примере (7) негативное значение, привносимое частицей, осложняется элементом неожиданности. Происходит своего рода “прозрение” говорящего. Это подтверждается тем, что высказывание с *ведь* не является следствием, логически вытекающим из предыдущего текстового фрагмента.

2. Вводила высказывания, представляющие собой побуждение к действию. “Побудительная” функция лексемы, как правило, реализовывалась благодаря введению в предложение глагола в повелительном наклонении. Но *вѣть (ведь)* никогда не оформляла собственно побудительные предложения, а вводила информацию, подтверждающую или обосновывающую необходимость совершения какого-либо действия:

(8) Ну, старецъ, моево вякання много **вѣть** ты слышалъ! О имени г(о)с(по)дни по‖велеваю ти, напиши и ты рабу-тому Х(ристо)ву (АЖит, с. 80).

3. В сочетании с междометием *ну*, употребляющимся при переключении с одной мысли на другую, при переходе с одной части повествования к другой (в данном случае – заключительной), *вѣть (ведь)* маркировала причинно-следственные отношения (правда, выраженные имплицитно) и в то же время – побуждение к действию (*моево вякання много **вѣть** ты слышалъ*, следовательно, должен и сам написать).

Встречаются случаи более скрытого побуждения к действию, не предполагающие употребления императивных форм глагола. Очевидно, имела значение личность говорящего, степень его воздействия на адресата, т. е. положение Аввакума как духовного наставника определяло значение высказывания с *вѣть (ведь)*, содержащего лишь предположение или же

указание на то, что номинатору известны некие факты, обстоятельства, как призыва к действию. *Ведь* имело то же значение, что и глаголы *помни, пойми, имей в виду*:

(9) Охъ увы, горѣ! <…> Ужъ мнѣ баба указываетъ, какъ мнѣ пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иныхъ очищаетъ; сама слепа, а зрячимъ путь указываетъ! Образумься! **Веть** ты не вѣдаешь, что ‖ клусишь! Я **веть** знаю, что межъ вами с Ѳеодоромъ здѣлалось. <...> та язва будѣтъ на тебѣ, которую ты Ѳеодору смышляешь (АЧел, с. 914).

(10) Хто тебя научилъ указывать-тово мнѣ, чтобъ я Ѳеодосье-той запретилъ? Плутаешь ты и иное много. Вѣдаю **веть** я твое высокое житье, какъ, у нея живучи, кутилъ ты (АЧел, с. 916).

3. Частица вводила предложения, аргументирующие необходимость или, наоборот, невозможность совершения каких-либо действий или поступков.

(11) [Феодор] <...> приступитъ ко мнѣ и станетъ говорить: “Какъ тебѣ сорома нѣтъ? **Веть** ты протопопъ. Чемъ тебѣ было насъ понуждат(ь), а ты и самъ ленивъ!” (АЖит, с. 50). Положение протопопа несовместимо с ленью, с пренебрежительным отношением к молитве.

(12) А исповѣдатце пошто идти къ никоніянину? <...> Простите-су, Бога ради, согрѣшилъ я предъ вами. А што? Ужъ горе меня взяло от них <...> Плюйте на нихъ, на собакъ! **Вѣдь** онѣ воры: и дочерей духовныхъ воруютъ (АЧел, с. 839). Плюйте на никониян, так как они воры.

2.3.2.2. Синонимическая парадигма

Синонимичность *ведь* проявлялась лишь тогда, когда частица оформляла высказывания, представляющие собой “запрос на подтверждение”. В этом случае частица сближалась по значению с наречием ‘известно, что’:

(13) А онъ дѣтинка-бродяга былъ, и у Макарья Желтовоцкаго поводился в крылосѣ, – Никитка Мининъ. А таки не татарка ли ево, С, родила, – тамъ-**вѣть** татаръ-тѣхъ много (АКнТолк, с. 463).

(14) Какъ-то бѣдная бояраня-та мучится съ сестрами! Такъ же **вѣдь** нешто? (АЧел, с. 929).

2.3.2.3. Смешанные функции (частица+союз)

“Типическим примером сочетания усилительных функций с союзными значениями может служить частица *ведь*. Выступая в роли причинного союза, она в то же время имеет ряд усилительных значений с ярким экспрессивным колоритом” [31, с. 523]. «Русская грамматика» квалифицирует *ведь* как частицу-союз, которая “совмещает разные модальные значения со значениями связующих слов” [111, с. 730].

Отмечены случаи совмещения различных функций, в частности, функции выражения той или другой оценки, качественной характеристики с союзной (*ведь* присоединяло предложение, служащее обоснованием, пояснением или подкреплением мысли, высказанной в предшествующем предложении; имело значение: ‘знайте, известно; потому что, так’):

(15) А что ты, Прокопьевна, не боисься ли смерти-той? Небойсь, голубка! Сладка **вѣдь** смерть-та за Христа-того свѣта. Я бы умеръ, да и опять бы ожилъ; да и опять бы умеръ по Христѣ Бозѣ нашемъ! Сладокъ **вѣдь** Ісусъ-отъ (АЧел, с. 930).

(16) Писано моею грѣшною рукою сколко Богъ далъ; лучше того не умѣю. Глупъ **вѣдь** я горазно, – такъ, человѣку ни к чему негодно (АКнТолк, с. 576).

(17) Простите мя, о(т)цы с(вя)тии и братия! Согрѣшил я: много **веть** я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варом переварил, а

иных в землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ (ЕЖит, с. 91).

2.3.2.4. Союзные функции

Союз *ведь* либо соединяет высказывания, связанные причинно-следственной, реже – условно-следственной зависимостью, либо оформляет предложения, указывающие на некоторые факторы, обстоятельства, о которых говорящий сообщает или напоминает адресату.

В то же время, даже выполняя союзную функцию, частица, как правило, ориентирована на некий фокус предложения, акцентируя внимание на каком-либо компоненте высказывания. На семантическую неоднозначность частицы обратили внимание А. А. Шахматов и В. В. Виноградов [148, 32].

Союзная функция лексемы *ведь* отмечена в трёх основных проявлениях:

1. Выполняя функцию связующего слова при противопоставлении, *веть* вводила контраргументацию: части предложения связывали отношения не просто противопоставления, а возможно, даже взаимоисключения:

(18) Аз <...> начах г(лаго)лати <...> ко образу вол(ь)яшному пр(е)ч(и)стыя б(огороди)цы сице “<...> Почто мя презираеши и не брежеши мене, бѣднаго и грѣшнаго! Я **вет(ь)** на Х(рист)а-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся (ЕЖит, с. 88).

(19) За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я **веть** за вдовы твои стал! (АЖит, с. 30).

(20) Видиши ли, вл(а)д(ы)ч(и)це моя, б(огороди)це: вмалѣ **вет(ь)** разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережеши мене! (ЕЖит, с. 88).

2. Присоединяла предложения, служащие обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в предшествующем предложении; имела значение: ‘знайте, известно; потому что, так как’:

(21) А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от **ведь** не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святця <...> (АЖит34, с. 96).

(22) Да уже тому, отче Ионо, со Ѳряжских книгъ книги печатаютъ, таковы и иконы дѣлаютъ. Нѣмцы, **вѣдь**, иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишутъ (АЧел, с. 898).

(23) И ты послушай меня, здѣлай доброе при себѣ, дондеже || еси в животѣ. Егда пріидетъ хищникъ и восхититъ тя, не успѣешь тогда: понеже судъ бываетъ безъ милости несотворшимъ милости. **Вѣть** мы у тебя не отнимаемъ царства-тово здѣсь, ниже иныхъ взущаемъ на тебя (АКнТолк, с. 477).

3. Значительно реже *ведь* употреблялась для выражения условно-следственных отношений. После условного предложения *ведь* означала ‘тогда, в таком случае’:

(24) Положимъ упованіе на Христа и пречистую Богородицу-свѣта. Она дѣтей нашихъ не покинетъ. Евдокѣя Прокопьевна! Авось бы ты умерла: **вѣдь** бы имъ жить же без тебя? (АКнБес, с. 399).

“Условно-следственное значение” частицы реализовывалось благодаря предложению с сочетанием *авось бы*, которое в древнерусском языке выполняло функцию условного союза *если бы*. В то же время *ведь* осуществляло и аргументативную функцию – аргумент “за”. Тезис, непосредственно соотносимый с аргументом, вводимым с помощью *ведь* (терпеть, не роптать, не кручиниться о детях, т. к. Христос и пречистая Богородица о них позаботятся), опущен, но предполагается макроконтекстом, располагающимся после основного высказывания и отделённым от него

значительным фрагментом текста: Евдокѣя Прокопьевны! Чаю ужъ великонки дѣтушки-те у тебя, свѣты мои? Да чтожъ дѣлать? Неболно кручинься о нихъ! Богъ о всякомъ человѣкѣ промышляетъ! (АКнБес, с. 399).

Союзная функция *ведь* тесно связана с так называемой аргументативной. Возможны два варианта аргументации:

Аргументация “за”: говорящий обосновывает действие или оценку (В), вводя высказывание А.

Аргументация “против”: говорящий вводит высказывание А в пользу модификации введённого ранее В.

В отличие от *же*, которое выполняло аналогичную функцию, *ведь* чаще вводило аргумент в пользу сказанного ранее, чем в пользу его модификации.

Предложения, введённые с помощью частицы, представляли собой изложение фактов, поясняющих, подтверждающих истинность предыдущего высказывания. В то же время введение высказываний с *ведь* предполагало включение данных, не только отражающих действительность, но и сообщающих о факторах, обеспечивающих

1. Правильную интерпретацию фактов, правильное знание (установление правильных причинно-следственных связей), т. е. описываемая ситуация интерпретируется как чисто когнитивная. Это пояснение не предполагает изменения поведения, а лишь расставляет нужные акценты и присоединяет предложение, служащее обоснованием мысли, высказанной в предшествующем фрагменте.

(25) Да уже тому, отче Ионо, со Ѳряжских книгъ книги печатаютъ, таковы и иконы дѣлаютъ. Нѣмцы, **вѣдь**, иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишутъ; каковы сами волосаты, таковы и образы счиняютъ (АЧел, с. 898).

(26) <…> не повѣдай врагомъ моимъ, никоніянамъ, тайны сея, да не поругаютъ Христа Ісуса Сына Божія и Бога: глупы **веть** онѣ дураки, блюютъ и на самого Бога нечестивые глаголы (АЧел, с. 766).

2. Выбор правильного сценария поведения – ситуация интерпретируется как когнитивно-поведенческая. “Обязательным условием употребления *ведь* является такое потенциальное или реальное отклонение от правильного понимания микроситуации адресатом речи, которое может иметь значение для выбора поведения или осмысления ситуации в целом” [57, с. 429]. Лексема вносила значение напоминания о некоторых обстоятельствах, имеющих значение для определения позиции адресата, и была синонимична глаголам *помни, пойми, что, имей в виду.*

Далеко не всегда на основании двух контактных текстовых фрагментов можно правильно оценить ситуацию, описываемую с помощью *ведь*: на первый взгляд кажется, что она интерпретируется как чисто когнитивная, но предыдущие высказывания предполагают изменение поведения, а предложение с *ведь* воспринимается как лишнее подтверждение, доказательство того, что это поведение нужно изменить или же изменить свою точку зрения, которая повлечёт трансформацию поведения.

(27) Воздохни-тко по старому <...> и рцы по русскому язику <...> А к и р ъ е л е и с о н отъ отставъ; такъ елленя говорятъ; плюнь на нихъ! Ты **вѣдь**, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ (АКнТолк, с. 475).

(28) И много часа три полежитъ, да и встанет на правило. Я || лежу или сплю, а онъ, моляс(ь) и плачючи, приступит ко мнѣ и станет говорит(ь): “Какъ тебѣ сорома нѣт? **Веть** ты протопопъ. Чем было тебѣ нас понуждат(ь), а ты и самъ ленивъ!” (АЖит, с. 50).

(29) Марья Герасимовна! Не перекуйте же вы пред старицею-то съ Евдокіею: она **вѣдь** ангельский чинъ содержитъ, а вы простые бабы, – грѣхъ вамъ пред нею перековать (АКнБес, с. 399).

Частица вносит значение напоминания о некоторых обстоятельствах, имеющих значение для определения позиции адресата, и синонимична глаголам ‘помни, пойми, что, имей в виду’.

Но бывает и наоборот: ситуация воспринимается как когнитивно-поведенческая, однако специфика текста исключает возможность трансформации поведения адресата. Это характерно для житийной литературы, точнее, для тех её фрагментов, в которых содержится обращение к “лицам божественным”, например:

(30) Какъ били, так не бол(ь)но было с молитвою-тою, а лежа на умъ взбрело: “За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустилъ таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я **веть** за вдовы твои сталъ!” (АЖит, с. 30).

С одной стороны, явно имеет место несоответствие информаций, выстраивается неправильная связь: из А1 (*я веть за вдовы твои сталъ*) должно следовать В1 (*сыне божий не должен позволять убит(ь)-тово меня*). В действительности ситуация устроена так, что А1 связана с В2. Высказывание с *веть* является напоминанием о релевантном факторе, который, по идее, должен сформировать правильное знание, представление о правильном поведении и, соответственно, привести к его изменению. Однако в данном случае ситуацию нельзя интерпретировать как когнитивно-поведенческую, т. к. обращение к “сыну божьему” исключает возможность воздействия на его поведение, принятие им решения, т. е. делает коррекцию поведения невозможной.

В отличие от современного русского языка, в языке XVII века высказывания с *ведь* значительно чаще описывали ситуации, интерпретируемые как когнитивно-поведенческие, чем чисто когнитивные,

т. е. предполагалось переосмысление ситуации и, как следствие, изменение поведенческой установки.

Соединяя текстовые фрагменты, связанные причинно-следственными отношениями, *ведь* вводило информацию, абсолютно новую для слушающего, актуализуя отсутствующий у слушателя элемент информации. В этом случае частицу можно назвать “*ведь* пояснительным”. В примере (17) после высказывания, носящего слишком общий характер (*согрѣшил я* – слово *согрешил* может включать бесконечное множество более конкретных определений), следует комментарий, поясняющий позицию автора: *много веть я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варом переварил, а иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ*. Частица *ведь* имеет выраженную модальную окраску, обусловленную личным, субъективным отношением говорящего к сказанному (с точки зрения любого другого человека уничтожение *мурашей* вряд ли может считаться грехом).

В XVII веке, как и в современном руском языке, слово *ведь* функционировало как частица и как союз. Кроме этого, отмечены случаи совмещения функций: связывая части предложения, *ведь* в то же время сохраняла усилительное значение, акцентируя внимание на выделяемом текстовом фрагменте.

2.3.3. Частица *вотъ*

В отличие от других частиц, входящих в группу усилительных, *вот* не обладает признаками, которые позволили бы ей выполнять союзную функцию. У неё также не обнаружены свойства, способствующие развитию контекстной синонимии.

Как правило, частица, выполняя функцию усиления, акцентировала внимание на последующем высказывании, выделяла его из общего контекста, усиливала его выразительность:

(1) **Вотъ** смотри, у ково Иеву добра научитца? Всѣ прадеды идолопоклонники и блудники были <...> (АЖит, с. 30).

Однако функция частицы не сводилась только к усилению выразительности высказывания: данное определение носит слишком общий характер и не отражает её истинной роли в предложении. Обычно она вносила в высказывание некоторые дополнительные значения:

1. Открывала прямую речь:

(2) И в день жжегъ просвиру, и пепелъ за окошко кинулъ, рекше: “**вотъ**, бѣсъ, жертва твоя, мнѣ ненадобѣ” (АЧел, с. 958).

2. Вводила предложение, указывающее на завершение или начало повествования (или его части):

(3) **Вотъ** вамъ, питомникамъ ц(е)рк(о)внымъ, предлагаю житие свое отъ юности и до лѣтъ пят(ь)десятъ пяти годовъ (АПоуч, с. 10).

(4) Ну, дитятко круговое, **вотъ** тебѣ разсудъ Златоустовъ (АКнОбл, с. 597).

Кроме перечисленных, частица *вот* выполняла следующие функции:

1. Оформляла высказывания, представляющие собой оценку ситуации, причём в исследованном материале отмечены случаи только положительной оценки.

(5) Ну, прости же и меня, а тебя б(о)гъ проститъ и бл(а)гословитъ. **Вотъ** хорошъ и умереть готовъ, сице видалъ в правилѣхъ указано: твори такъ, не блюдись (АЖит, с. 72).

2. Вносила значение предупреждения, угрозы:

(6) **Вотъ**, дьявол(ь)ския дѣти-алъманашники, смотрите-тко на начал(ь)никовъ-тѣхъ своихъ, на Неврода с товарищи, что надъ собою здѣ||лали. А работы тоя было, а нужи тоя терпѣли дѣлаючи (АСоб, с. 110).

(7) **Вотъ** смотри, безумнѣ, не самъ себя величай, но отъ б(о)га ожидай; какъ б(о)гъ хощетъ, так и строитъ (АЖит, с. 76).

3. Вносила значение предложения, принятия, допущения:

(8) Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепелъ за окошко, рекохъ: “**Вотъ**, бѣсъ, твоя от твоих тебѣ въ глаза бросаю” (АЖит, с. 71).

(9) Да послано ти, чадо мое любимое о Хр(ис)тѣ И(су)сѣ, жития моего часть малая. **Вото** тебѣ и другая часть жития моего бѣднаго и грѣшнаго и страдания моего темничнаго (ЕЖит, с. 113).

(10) **Вотъ** вам, питомникам ц(е)рк(о)внымъ, предлагаю житие свое отъ юности и до лѣтъ пят(ь)десятъ пяти годовъ (АПоуч, с. 10).

(11) Ну, дитятко круговое, **вотъ** тебѣ разсудъ Златоустовъ (АКнОбл, с. 597).

(12) И в день жжегъ просвиру, и пепелъ за окошко кинул, рекше: “**вотъ**, бѣсъ, жертва твоя, мнѣ ненадобѣ” (АЧел, с. 958).

4. Служила указанием на что-нибудь, сопровождающееся удивлением, иронией, насмешкой, досадой и т. п

(13) И я ему говорю: “Я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакум!”. И онъ отвѣщалъ: “Какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ бат(ь)ко! Отнялъ ты меня у ц(а)р(е)вича и у кн(я)зей; а братъ мой на Лопатищахъ живетъ, будетъ тебѣ бит(ь) челомъ”. **Вотъ**, в ызбѣ с нами же, на Лопатищахъ, а кажется ему – подле реки Сундовика (АЖит, с. 62).

5. Употреблялась при переходе к чему-нибудь, что являлось следствием чего-то предшествовавшего, выводом, заключением:

(14) <...> не позазритѣ просторѣчию нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами филосовскими не обыкъ рѣчи кра||сить,

понеже не словесъ красныхъ б(о)гъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хощетъ. И Павелъ пишетъ: “Аще языки ч(е)л(о)вѣческими г(лаго)лю и анг(е)льскими, любви же не имамъ – ничто жъ есмъ”.

Вотъ, что много разсуждать: не латинъскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры г(о)с(по)дь, но любви с прочими добродѣтел(ь)ми хощетъ, того ради я и не брегу о краснорѣчии и не уничижаю своего языка русскаго (АПохв, с. 112).

(15) <...> стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: **вот** тебе царство небесное дома родилось! (АЖит34, с. 138).

6. Выполняя функцию указательной частицы, служила для указания на что-нибудь, находящееся или происходящее перед глазами или как бы перед глазами в данную минуту, на наличие чего-нибудь:

(16) <...> буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. **Вот** вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию (АЖит34, с. 108).

7. В сочетании с повелительным наклонением глагола частица *вотъ* усиливала значение глагола и экспрессивную окраску всего предложения, подчеркивая побуждение к действию, необходимость совершения его:

(17) **Вотъ** смотри, безумнѣ, не самъ себя величай, но отъ б(о)га ожидай; какъ б(о)гъ хощетъ, так и строитъ (АЖит, с. 76).

Усилительные частицы, как правило, полисемичны, но полисемичность частицы *вот* является кажущейся (примеры 2 и 12, 3 и 10, 4 и 11), так как в этих случаях частица характеризуется с разных сторон: в примерах (2), (3), (4) – позиционные характеристики, в примерах (10), (11), (12) – функции частицы. Несомненно, наряду с указательной, основной является усилительная функция, так как во всех случаях, независимо от того, какое

значение выражает частица, она акцентирует внимание на слове, на которое падает логическое ударение, или на части высказывания.

2.3.4. Частица *да*

Да относится к тем немногим словам, чьи морфологические и синтаксические функции различаются достаточно чётко.

2.3.4.1. Узуальные функции

В XVII веке, как и в современном русском языке, частица *да* функционировала как усилительная и утвердительная.

1. Как усилительная частица *да* обычно относилась ко всему высказыванию, усиливая его выразительность. В этом случае частица стояла в начале простого предложения или части сложного:

(1) **Да** нечева у васъ и послушать до‖брому человѣку //: все говорите, какъ продавать, какъ куповать, какъ ѣсть, какъ пить (АКнБес, с. 291).

(2) <...> моего ради согрешения попущено им изнеможение. **Да** уж добро; быть тому так! (АЖит34, с. 134).

(3) <...> уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. **Да** по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов (АЖит34, с. 105).

(4) Ну, чадо, слушай же жития моего грѣшнаго. **Да** молю тя о Хр(ис)тѣ И(су)сѣ: не позазри простотѣ моей (ЕЖит, с. 114)

(5) <...> всяко тщится разорити и обличати неправду. **Да** пускай их! Как жили, так и скончались (АЖит, с. 129).

(6) И приступя ко кр(ес)ту , целую в подножие, г(лаго)ля сице: “Осѣни ми, г(оспо)ди, уста и языкъ бл(а)годатию д(у)ха твоего с(вя)т(а)го <...>” Таж – лице и очи: “**Да** всегда зрю к тебѣ, свѣту” Таж – уши: “**Да** слышу и

разумѣю по воли твоей с(вя)тѣй”. Таж – главу и ум: “**Да** всегда угодная тебѣ, свѣту, творятъ” (ЕЖит, с. 135).

(7) Как говорил Никон, адов пес, так и сделал <...> **Да** больши тово нечим переменить (АЖит34, с. 139).

2. Частица могла употребляться перед сказуемым или группой сказуемого для усиления их значения. В сочетании с повелительным наклонением глагола частица усиливала экспрессивную окраску всего предложения, подчёркивая

1) настоятельность просьбы, важность её для говорящего:

(8) Се приступаю к б(о)ж(е)ственному причащению, вл(а)д(ы)ко, **да** не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны <…> (АЖит, с. 72).

(9) И **да** подастъ ти г(о)с(по)дь от влаги земныя и от росы н(е)б(е)сныя свыше, и множа да умножитъ в дому твоем всякия красоты и бл(а)годати, и **да** ясте ветхая ветхих, и ветхая от лица новых изринете, сирѣчь всего изобил(ь)но и с остатками (АПосл, с. 8–9).

(10) Б(о)гъ **да** сподобит нас послушати полезная нам и творити я, а не гнѣватися друг на друга, ниже яритися (АПоуч, с. 10).

(11) **Да** не позазрите ми, о(т)цы с(вя)тии и братия (ЕЖит, с. 90).

(12) Кой во что призван, в том **да** пребывай (АЧел, с. 944).

(13) Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ея подавлять! **Да** переставай ты и медокъ попивать (АЧел, с. 917).

2) желательность:

(14) <...> послушай меня! **да** не возвратится вспять ни единъ от нихъ (АЖит, с. 103).

(15) Зело надобно крепко молитися богу, **да** спасет и помилует нас (АЖит34, с. 81).

(16) **Да** воздастъ ему г(оспод)ь по дѣлом его! (ЕЖит, с. 124).

3. В риторических вопросах частица подчёркивала невозможность совершения каких-либо действий, изменения нежелательной ситуации или, наоборот, вносила значение положительной оценки:

(17) А бояроню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат. <...> а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. **Да** что-петь делать? (АЖит34, с. 124).

(18) <...> и я ему россказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча вера была! **Да** что много говорить? – как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне. Хорош был (АЖит34, с. 128).

(19) Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! <...> **Да** что много говорить? (АЖит34, с. 136).

(20) Бог <...> в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. **Да** кто о том рассудити может? (АЖит34, с. 136).

(21) Все розмыло до крохи! **Да** што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? (АЖит34, с. 92).

(22) А мать и братья в земле закопаны сидят. **Да** што же делать? (АЖит34, с. 94).

4. Являясь неотъемлемым элементом сакральных формул, частица *да* не выражала побудительного значения, а функционировала как модальная, придавая высказыванию патетическое звучание:

(23) Аз же <…> всяко вопѣлъ ко г(оспод)у: **да** возмет д(у)шу мою. Такоже и б(огороди)це, и всѣм с(вя)тым моляхся: **да** помолятся о мнѣ ко г(оспод)у, дабы взялъ д(у)шу мою от мене г(оспод)ь (ЕЖит, с. 122–123).

(24) **Да** воздастъ ему г(оспод)ь по дѣлом его! (ЕЖит, с. 124).

(25) И разлучи б(о)гъ между водою и водою и рече: “**Да** будет твердь!” И бысть тако (АСоб, с. 99).

(26) **Да** воздастъ ему г(оспод)ь по дѣлом его! (АЖит34, с. 75).

(27) <…> и прошу м(и)л(о)сти у Х(рист)а-б(о)га и б(огородиц)ы приносящему рабу Х(ристо)ву, и чадом его, и всему дому его, **да** умножит ему Х(ристо)съ-б(о)гъ в’мѣсто сих сторицею, и **да** сподобит их г(оспо)дь и въ будущем вѣцѣ бл(агосло)вения во вѣки вѣком (ЕЖит, с. 137).

2.3.4.2. Синонимическая парадигма

Контекстная синонимия частицы *да* проявлялась в побудительных предложениях и предложениях, выражающих желание, в которых она, с одной стороны, функционировала как модальная, придавая высказыванию патетическое звучание, с другой – выполняла формообразующую функцию (синонимична частице *пусть*). Модальная функция частицы особенно ярко проявлялась, если частица употреблялась в сакральных формулах:

(28) **Да** м(и)л(о)стив ми будет г(оспод)ь б(о)гъ! (ЕЖит, с. 113).

(29) Богъ **да** простит тя и благословит (АЖит34, с. 108).

(30) Б(о)гъ **да** сподобит нас послушати полезная нам и творити я, а не гнѣватися друг на друга, ниже яритися (АЖит, с. 10).

(31) <...> воля господня **да** будет! (АЖит34, с. 105)

(32) И разлучи б(о)гъ между водою и водою и рече: “**Да** будет твердь!” (АСоб, с. 99)

(33) Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. **Да** пускай их терпят! (АЖит34, с. 132).

(34) **Да** воздастъ ему г(оспод)ь по дѣлом его! (ЕЖит, с. 124).

2.3.4.3. Смешанные функции (частица+союз)

Случаи совмещения функций частицы и союза отмечались в сложных предложениях с глаголами в повелительном наклонении. Не утрачивая усилительного значения, *да* выполняла также функцию целевого союза (синонимична *чтобы)*:

(35) <...> с(вя)щеннопротопопъ Аввакум понужен бысть житие свое написати о(т)цемъ его д(у)х(о)вным инокомъ Епифаниемъ, **да** не забвению предано будетъ дѣло б(о)жие (АЖит, с. 11).

(36) Азъ же пр(ѣ)св(я)тѣй б(огороди)це молихя, **да** дастъ ми жену – помощницу ко спасению (АЖит, с. 18).

(37) А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, **да** сохранит его и впредь от неприязни (АЖит34, с. 150).

(38) А я, окаянной <...> б(о)га молил, **да** не возвратится вспят(ь) ни единъ, **да** же не збудется пророчество дьявол(ь)ское (АЖит, с. 38–39).

(39) <…> аз <…> всяко моляхся Хр(ис)ту-б(о)гу и б(огороди)це, и всѣм с(вя)тым, **да** дастъ ми г(оспод)ь языкъ (ЕЖит, с. 127).

(40) <...> я говорю: “Аще меня кто не биетъ, **да** не имат со мною части и жребия в будущем вѣце” (АЖит, с. 65).

(41) Зело надобно крепко молитися богу, **да** спасет и помилует нас (АЖит34, с. 81).

2.3.4.4. Союзные функции

Союз *да* в XVII веке выполнял те же функции, что и в современном русском языке:

1. Употреблялся для соединения однородных членов предложения и целых предложений, соответствовал союзу *и*:

(42) Егда ж приехал, с нами яко лис: челом **да** здорово (АЖит34, с. 79).

(43) <…> я от писания ево браню **да** лаю (АЖит34, с. 82).

(44) Сняли большую чепь **да** малую наложили (АЖит34, с. 82).

(45) Воды мне в рот плеснули, так вздохнул **да** покаялся пред владыкою (АЖит34, с. 90).

(46) Я казакам каши наварил **да** кормлю их (АЖит34, с. 88).

(47) <…> боится он креста Христова, **да** воды святыя, **да** священнаго масла (АЖит34, с. 96).

(48) Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, **да** к ней все и отослал (АЖит34, с. 100).

(49) Былъ я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины, – шаловал с ними в церкве той при воеводах; **да** с приезду смотрил у них просвиромисания дважды или трожды (АЖит34, с. 115).

2. Употреблялся для присоединения предложений или отдельных членов предложения со значением противопоставления, несоответствия или ограничения предшествующего; был близок по значению к союзам *но, однако*.

(50) Грустко гораздо, **да** душе добро (АЖит34, с. 90).

(51) И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, **да** бог грел и без платья (АЖит34, с. 91).

(52) <…> я помазал их во имя Христово маслом, так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли **да** по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу (АЖит34, с. 98).

(53) Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Несло с версту и больши; **да** люди переняли (АЖит34, с. 92).

(54) Пашков же <...> жива бы меня проглотил, **да** господь не выдаст! (АЖит34, с. 106).

(55) Еще при Пашкове родилась, **да** Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была (АЖит34, с. 108).

(56) На другой год насеел было и много, **да** дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву (АЖит34, с. 118).

(57) <...> любо им, когда молчю, **да** мне так не сошлось (АЖит34, с. 121).

В XVII веке, как и в современном русском языке, слово *да* функционировало как частица и как союз. Кроме этого, отмечены случаи совмещения функций: сохраняя усилительное значение, частица выполняла формообразующую функцию, а также союзную (соответствовала целевому союзу *чтобы*).

2.3.5. Частица *даже*

В XVII веке слово *даже* функционировало как усилительная частица и присоединительный союз. Усилительная частица соответствовала по значению (по данным Словаря русского языка XI – XVII вв.) словам *ведь, даже* или *как, когда.*

2.3.5.1. Узуальные функции

В обследованном материале выявлены примеры употребления *даже* в функции усилительной частицы.

(1) <...> сей убо есть воистину истинный християнин, зане истиною разумев Христа и тем благоразумие стяжав <...> не токмо **даже** до смерти бедствующе истины ради, но и неведением скончевающеся всегда (АЖит34, с. 65).

(2) Прочее говѣйте веселящеся и празднуйте, яко обрученіе Господа нашего Ісуса Христа востаніе отъ мертвыхъ. И сіе вамъ есть законно вѣчно, **даже** до скончанія (АКнБес, с. 293).

(3) Сей Авраамъ, (л. 201) другъ Божій, рода Еврейска, корене благаго. Прадѣдъ его Еверъ не приста совѣту и дѣлу беззаконному в столпотвореніе, не вѣрова волхвамъ, и сего ради Богомъ вышнимъ благословенъ бысть. Таже роди Фалека, и той добръ бысть, **даже** и до Фары, отца Авраамова (АКнБес, с. 329).

(4) Павелъ пишетъ: смирилъ себе, послушливъ бывъ **даже** до смерти (АКнТолк, с. 526).

(5) <...> не речетъ бо другъ другу тогда, глаголетъ пророкъ, познай Господа, но яко вси мя увѣдятъ, отъ мала, **даже** и до велика, и милостивъ имъ буду, и грѣхи ихъ и неправды ктому не помяну (АЧел, с. 822).

Узуальной функцией слова *даже* являлась союзная. См. раздел **2.3.5.2.**

2.3.5.2. Союзные функции

Употребляясь в значении присоединительного союза, в русском языке XVII века *даже* выполняло следующие функции:

1. Присоединяло придаточные предложения времени, соответствовало по значению словам *пока, до тех пор пока.*

2. Присоединяло придаточные предложения цели, соответствовало целевым союзам *чтобы, для того чтобы.*

В современных словарях описывается ещё одно значение слова, которое отсутствовало в XVII и даже в XVIII веке: союз присоединял предложения, обозначающие результат особенно напряжённого, усиленного действия или какой-либо признак как показатель самой высокой степени чего-либо; соответствовал по значению словам: *настолько, так (сильно, долго, много и т. п.), что ...* . Очевидно, что это значение появилось значительно позже.

В исследованном материале выявлены случаи употребления лексемы в функции целевого союза *чтобы.*

(6) Она же в скудости живяше и моляшеся богу, **да же** сочетается за меня совокуплением брачным (АЖит34, с. 72).

(7) У вдовы начальник отнял дочерь, и аз молих его, **да же** сиротину возвратит к матери (АЖит34, с. 74).

(8) И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, **да же** граждане оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, **да же** в день века отпустится ему (АЖит34, с. 85).

(9) <…> Стефанъ-д(у)х(о)вник, моля б(о)га и постяся седмицу с брат(ь)ею – и я с ними тут же <…> – о патриархе, **да же** даст богъ пастыря ко спасению душъ наших (АЖит, с. 22).

(10) И потомъ въ конецъ заблудиша отъ пути истинны, яже предаде имъ Богъ и Моисей, держаще преданіе старецъ, учаще заповѣди человѣческія держать сохранно, а заповѣди Божія отвергоша. И сего ради Богъ ихъ многоразлично разореніемъ иноплеменными языки муча и наказуя, **да же** законъ и заповѣди Божія хранятъ непорочно (АКнБес, с. 298).

(11) Таже четвертую просвиру и часть изъ нея приносимъ со Агньцемъ предложеннымъ о чинѣ святительства, **да же** правятъ дѣло Божіе, и о спасеніи ихъ (АКнБес, с. 369).

(12) Таже взяли <…> старца Епифания; онъ же моливъ Пилата <…> **да же** повелитъ отсѣщи главу его по плеча <…> (АЖит, с. 58).

(13) Много Христу бысть досады отъ безумныхъ жидовъ; Онъ же моляшеся Отцу своему и сѣтоваше о ихъ спасеніи, научая насъ, **да же** и мы о вразѣхъ своихъ такоже творимо <…> (АКнТолк, с. 450).

(14) Тебя же еще, чадо, молю: не люби паче Бога злата и сребра, **да же** Іюдино удавленіе не постигнетъ тя (АКнБес, с. 403).

(15) Аще онъ [еретик] когда и мяхко с тобой говоритъ; укло‖няйся его, понеже ловитъ тебя, **да же** наведетъ бѣду: душевную и тѣлесную (АКнТолк, с. 494).

(16) О Христовѣ дѣлѣ говори кротко и привѣтно, **да же** слово твое будетъ сладко, а не горько (АЧел, с. 787).

(17) А нынѣ терпи, – моли Бога о немъ, **да же** въ разумъ истинный его приведетъ <...> (АЧел, с. 792).

(18) Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущает бог, **да же** избрани будут, да же разжегутся, **да же** убелятся, **да же** искуснии явленни будут в вас. Выпросил у

бога светлую Россию сатона, **да же** очервленит ю кровию мученическою (АЖит34, с. 123).

(19) Кто даст главе моей воду и источник слез, **да же** оплачю бедную душу свою (АЖит34, с. 94).

В отличие от современного русского языка, в языке XVII века слово *даже* в основном употреблялось как союз, а не усилительная частица. Выполняя союзную функцию, *даже* вводило придаточные предложения цели, соответствовало по значению союзу *чтобы*.

2.3.6. Частица *же (жо, ж)*

Как и в настоящее время, частица *же* (*жо, ж*) в XVII веке выполняла усилительную и отождествительную функции.

2.3.6.1. Узуальные функции

1. В отличие от других усилительных частиц, которые могли находиться и в препозиции, и в постпозиции, *же*, употребляясь практически со всеми частями речи, всегда усиливала, подчёркивала, выделяла слово, после которого ставилась:

(1) Писано: “горе, ему **же** рекут добре вси человецы” (АЖит34, с. 126).

(2) Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его **же** ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми (АЖит34, с. 97).

(3) Яко **же** тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает (АЖит34, с. 117).

(4) Зри круга начертание, о нем **же** с(вя)тый ав’ва рече (АОбращ, с. 9).

(5) Правовѣрных избави, б(о)же, сего начинания злаго о Х(рист)ѣ И(су)сѣ, г(о)с(по)дѣ нашем, ему **же** слава н(ы)нѣ и пр(и)сно и во вѣки вѣком (АЖит, с. 16).

(6) [Матфей Ломков] в Сибири при мнѣ добръ был, а опослѣ проглотил ево дьяволъ, отступил **же** от вѣры (АЖит, с. 27).

(7) В той же нуждѣ прислал ко мнѣ двѣ вдовы <…>. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто **же** успѣвает, но паче молва бывает <…> (АЖит, с. 34).

(8) И Афонасей уродивый крѣпко **же** житье проходил, покойник (АЖит, с. 51).

(9) Еще Библѣя: Земля **же** бѣ невидима и неукрашена <…> (АСоб, с. 99).

(10) Держимъ **же** и четвероконечный крестъ во церкви, по преданію святыхъ отецъ, но не вмѣсто образная, токмо на ризахъ, и стихаряхъ, и патрахиляхъ, и пеленахъ (АКнБес, с. 291).

(11) Гсдрю <...> бьетъ челом <...> Ахремка Івановъ <...> Да продал **же** мое дворовое строенѧ| избꙋ бес моего велѣнѧ брат мои Іванъ //| Старꙋхинъ (НРЯXVII, с. 57).

(12) в Колыване прибылных людеи никак[их] нѣтъ а в Рꙋгодиве де гсдрь і Ыва[не] городе люди старые **ж** (В-К II, с. 146).

(13) Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что **ж** ангел? ино нечему дивитца – везде ему не загорожено (АЖит34, с. 82).

(14) Егда **же** надѣжда наша, Христосъ, явится намъ? (АКнБес, с. 255).

(15) Аще ли имъ памяти честнѣ творятъ и святыхъ рускихъ почитаютъ всѣхъ, их**же** мы уставы и преданія неизмѣнно держимъ: за что **же** насъ мучить и губить? (АКнБес, с. 278).

(16) Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ея подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ **же** (АЧел, с. 917).

(17) <...> рече г(о)сп(о)дь ко Каину: “Убилъ еси его, и кровь брата твоего от земли ко мнѣ вопиетъ”. Виждь, отцово **же** противление, якоже в раи (АСоб, с. 107).

2. В сочетании с повелительным наклонением частица усиливала значение глагола и экспрессивную окраску всего предложения, подчёркивая

а) настоятельность просьбы, важность её для говорящего:

(18) Ну, прости-**ж!** мнѣ ничто не надобѣ, токмо молитесь о мнѣ (АЧел, с. 958).

(19) Слушай **ж**, что говорю (АЖит, с. 80).

(20) Ну, помни **же** себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не г(о)с(по)дь что сотворит по м(и)л(о)сти своей (АЖит, с. 76).

(21) Ну, дружи со мной , не сердитуй **же**! (АЧел, с. 916).

(22) Воз(ь)ми **же**, свѣтъ мой истинной Х(ристо)с, скоро д(у)шу мою отъ тѣла моего! (ЕЖит, с. 122).

(23) Ну простите **же** свѣты мои, сердечныя друзья, – простите, государыни мои, простите **же**, Бога для (АКнБес, с. 399).

(24) Бл(аго)с(ло)ви **же** и ты мене, б(о)га ради, кр(ес)ты дѣлат(ь) <…> (ЕЖит, с. 132).

б) побуждение к действию, необходимость совершения его:

(25) <…> аз <…> стану <…> себя укоряти сице: “Ну, окаянной! На обѣщании в Соловецком м(о)н(а)ст(ы)рѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастыре не жилъ, и пустыню оста‖вилъ; тер’пи **же** н(ы)нѣ, окаянной, всякую бѣду, и горесть, и досаду темничную” (ЕЖит, с. 130).

Побудительные предложения с *же* выражали:

1) повторную просьбу:

(26) Вот смотри, безумнѣ, не сам себя величай, но от б(о)га ожидай; какъ б(о)гъ хощетъ, так и строит. <…> Ну, помни **же** себя, что нѣтъ тебя ни

со што, аще не г(о)с(по)дь что сотворит по м(и)л(о)сти своей. Ему ж слава (АЖит, с. 76).

(27) начальное побуждение, которое не обязательно имело эксплицитное выражение – оно могло предполагаться ситуацией:

(28) Ну, старецъ, моево вякання много веть ты слышалъ! О имени г(о)с(по)дни по‖велеваю ти, напиши и ты рабу-тому Х(ристо)ву, какъ б(огороди)ца бѣса-тово в руках-тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и как муравьи-те тебя за тайно-етъ удъ ели, и какъ бѣс-отъ дрова-те сожег, и как кѣлья-та обгорѣла, а в ней все цело, и как ты кричал на н(е)бо то, да и иное, что помниш(ь). Слушай **ж**, что говорю (АЖит, с. 80).

(29) Вотъ, что много разсуждать: не латинъским языком, ни греческимъ, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры г(о)с(по)дь, но любви с прочими добродѣтел(ь)ми хощет, того ради я и не брегу о краснорѣчии и не уничижаю своего языка русскаго. Ну, простите **же** меня, грѣшнаго, а вас, всѣхъ, рабовъ Х(ристо)вых, б(о)гъ проститъ и бл(а)гословит (АПохв, с. 112);

(30) Ну, дружи со мной, не сердитуй **же**! (АЧел, с. 916).

Побуждение к действию, желательность не всегда выражались глаголами в повелительном наклонении. В этих случаях *же* вводила текстовый фрагмент, объясняющий необходимость совершения какого-либо действия:

(31) <…> напиши и ты рабу-тому Х(ристо)ву <…> Скажи жо хотя немношко. Ап(о)ст(о)ли Павел и Варнава на соборѣ сказывали **ж** во Еросалимѣ пред всѣми, елика сотвори б(о)гъ знамения и ‖ чюдеса во языцех с нима. Мнози **же** от веровавших прихождаху, исповѣдующе и сказующе дѣла своя (АЖит, с. 80).

(32) Вотъ вамъ, питомникам ц(е)рк(о)внымъ, предлагаю житие свое <…> Ав’ва Дарофей описалъ **же** свое житие уч(е)никам своимъ,

понуждая ихъ на таяжде <…> и я також <…> сказываю вамъ дѣемая мною <…> (АОбращ, с. 11).

3. Частица вносила значение следственной обусловленности:

(33) Ну, окаянной! На обѣщании в Соловецком м(о)н(а)ст(ы)рѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилъ, и пустыню оставилъ; тер’пи **же** н(ы)нѣ, окаянной, всякую бѣду, и горесть, и досаду темничную” (ЕЖит, с. 130).

(34) <…> аз есмъ грѣшникъ, блу||дникъ и хищник, тать и убийца. Простите **же** и молитеся о мнѣ, а я о вас, чтущихъ сие и послушающих (АЖит, с. 59).

(35) Любил, протопоп, со славными знатца, люби **же** и терпеть, горемыка, до конца (АЖит34, с. 95).

(36) <…> я говорю:“Коли баба лиха, живи **ж** себѣ одна!” (АЖит, с 37).

(37) И Павелъ пишетъ: “Аще языки ч(е)л(о)вѣческими г(лаго)лю и анг(е)льскими, любви же не имам – ничто **ж** есмъ” (АОбращ, с. 112).

Кроме усилительной, *же* выполняла отождествительную функцию: сочетаясь со всеми самостоятельными частями речи, частица означала полное тождество того, на что указывалось этими словами, с тем, о чём уже упоминалось в речи:

(38) Тѣ-то евреи словутъ по давешнему Еверу, онѣ же израилтяня словутъ по Иякову. Да онѣ **же** словутъ июдѣи, по Июдѣ, с(ы)нѣ Ияковли (АСоб, с. 111).

(39) В горах-тѣхъ обрѣтаются змеи великие, в них **же** витают гуси и утицы – перие красное <…> На тѣ||х **же** горах гуляютъ звѣри дикие <…> На тѣ **же** горы Пашковъ выбивал меня со звѣрми (АЖит, с. 29).

(40) <…> меня <…> ввели в соборную ц(е)рк(о)вь <…> в обѣдню, стригли и проклинали меня <…> Послѣ меня в ту **же** обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали <…> (АЖит, с. 47).

(41) В горах-тѣхъ обрѣтаются змеи великие <…> тамо **же** вороны черные, а галки сѣрые <…> Тамо **же** орлы, и соколы, и кречата <…> (АЖит, с. 29).

(42) И много говоря, предаде его в темницу, потомъ съ Москвы указали удавит(ь), так **же**, что и Феодора, ни висилице повѣся <…> (АЖит, с. 52).

(43) Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали вес(ь) же <…> и у него вдругоряд **же** язык рѣзан (АЖит, с. 59).

(44) Тут же приежалъ и Феодоръ-покойникъ з дѣтми ко мнѣ. От(е)цъ у него в Новегороде богатъ гораздо, сказывал мнѣ, мытоимецъ-де, Феодоромъ **же** зовут (АЖит, с. 51).

(45) Солнце померче, от запада луна подътекала, являя б(о)гъ гнѣвъ свой к людям. Паки потом, вдругорядъ затмѣние солнцу было: солнце померче, луна от запада **же** подтекала, гнѣв б(о)жий являя (АЖит, с. 14).

(46) Потом мати моя овдовѣела, а я осиро‖тѣлъ молодъ <…> И в том **же** селѣ д(ѣ)в(и)ца, сиротина **же,** беспрестанно во ц(е)рк(о)вь ходила <…> (АЖит, с. 18).

(47) У дверей лежу, промолыть не могу, а отворить дверей не могу **же** (АЖит, с. 75).

(48) Два брата <…> умерли з женами и дѣтми. И многия друзья и сродники померли **жо** в мор <…> (АЖит, с. 27).

(49) <…> занемог младенецъ. Смалод(у)шничав о‖на, осердяс(ь) на меня, послала робенка к шептуну-мужику. И я, свѣдавъ, осердилъся **же** на нея <…> (АЖит, с. 37).

(50) <…> отстат(ь) от лошедей не смѣем, а за лошад(ь)ми идти не поспѣемъ, голодные и томные люди. <…> протопопица <…> повалилас(ь), и встат(ь) не сможет. А иной томной **же** тут **же** взвалился <…> (АЖит, с. 36).

(51) Аз же, грѣшный, простер руку мою лѣвую, и взем рукою моею со воздуха пустозерской мой красной языкъ <…>. Исправя его в рукахъ моих –

рѣзаным мѣстом к рѣзаному **ж** мѣсту, т’ корению язычному, идѣже преже бѣ, и положил его руками моими во уста мои (ЕЖит, с. 127).

(52) <…> азъ есмь, нагъ Аввакумъ протопопъ, в землю посаженъ. <…> И Лазарь попъ, нагъ **же**, сидитъ в землѣ, казненъ <…> (АКнБес, с. 248).

(53) <…> денег мнѣ десеть рублевъ от ц(а)ря милостыни, от ц(а)р(и)цы – десет(ь) **же** рублевъ, от Лукъяна-д(у)ховника – десет(ь) **же** рублев <…> (АЖит, с. 45).

(54) Видѣхъ г(о)с(по)да сѣдяща на пр(ѣ)ст(о)лѣ <…> и херувимы окр(е)стъ его, шесть крилъ единому и шесть || другому, – двема крылы летаху, двема очи закрываху, двема **же** – ноги (АСоб, с. 94).

2.3.6.2. Синонимическая парадигма

Способность к контекстной синонимии у *же* проявлялась в тех случаях, когда частица

1) вводила текстовый фрагмент, объясняющий необходимость совершения какого-либо действия (соответствовала *ведь*), и вносила значение следственной обусловленности:

(55) <…> напиши и ты рабу-тому Х(ристо)ву <…> Скажи жо хотя немношко. Ап(о)ст(о)ли Павел и Варнава на соборѣ сказывали **ж** во Еросалимѣ пред всѣми, елика сотвори б(о)гъ знамения и || чюдеса во языцех с нима. Мнози **же** от веровавших прихождаху, исповѣдующе и сказующе дѣла своя (АЖит, с. 80).

(56) Вотъ вам, питомникам ц(е)рк(о)внымъ, предлагаю житие свое <…> Ав’ва Дарофей описалъ **же** свое житие уч(е)никам своимъ, понуждая ихъ на таяжде <…> и я також де <…> сказываю вамъ дѣемая мною <…> (АОбращ, с. 11).

2) употребляясь с глаголами в повелительном наклонении, частица, с одной стороны, усиливала их значение, с другой – сближалась по значению со словами *поэтому, следовательно*:

(57) Ну, окаянной! На обѣщании в Соловецком м(о)н(а)ст(ы)рѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилъ, и пустыню оставилъ; тер’пи **же** н(ы)нѣ, окаянной, всякую бѣду, и горесть, и досаду темничную (ЕЖит, с. 130).

(58) <…> аз есмъ грѣшникъ, блу||дникъ и хищник, тать и убийца. Простите **же** и молитеся о мнѣ, а я о вас, чтущихъ сие и послушающих (АЖит, с. 59).

(59) Любил, протопоп, со славными знатца, люби **же** и терпеть, горемыка, до конца (АЖит34, с. 95).

(60) Аз <…> пр(ѣ)ч(и)стую б(огороди)цу помолил, чтобъ ево избавили отъ бѣсовъ. Г(о)с(по)дь **же** ево, бѣднова, и простил, бѣсовъ отгналъ (АЖит, с. 25).

(61) Что же по сих? Не возможе бо дияволъ пакости сотворити ми – кѣлии моей сожещи, он **же**, злодѣй, инако покусися: насадилъ бо ми в кѣлию чер’вей множество-много, г(лаго)лемых мравий (ЕЖит, с. 90).

2.3.6.3. Смешанные функции (частица+союз)

Частица *же*, как и большинство частиц этой группы, может совмещать различные функции. В ней прослеживаются следующие “семантические комбинации”: выделительное, собственно усилительное значение и союзная функция (частица соединяет предложения, находящиеся в причинно-следственной зависимости, сближается по значению с союзом *потому что*).

(62) Я, идучи, говорю: “Не надѣйтеся на кн(я)зя, на с(ы)ны ч(е)л(о)вѣческия, в них **же** нѣсть спасения”, и прочая (АЖит, с. 47).

(63) Вотъ вамъ предлагаю житие свое. Ав’ва Дарофей описалъ **же** свое житие уч(е)никам своимъ, понуждая ихъ на таяжде (АЖит, с. 11).

(64) Видиш(ь) ли, б(о)голюбче, какъ у с(вя)тыхъ тѣхъ положено розводно, и спасител(ь)но, и покойно, не какъ у н(ы)нешнихъ антихристова д(у)ха <...> А мнѣ видятся || равны уже онѣ мертвецам тѣмъ; аще и живи сут(ь), но исполу живи, но дѣла мертвечия творят, срамно и г(лаго)лати о них. Онѣ **жо**, бѣдные, мудръствуютъ трема перъсты кр(е)ститца <...> (АЖит, с. 78).

2.3.6.4. Союзные функции

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что конструкции с *же* не вводятся в речь “ни с того ни с сего”, вне связи с предшествующим контекстом: как правило, они предполагают наличие некоторых соотносимых с ними высказываний. Обычно *же* связывает текстовые фрагменты, имеющие ассоциативные, функциональные, причинно-следственные, условно-следственные и другие связи, устанавливая между двумя единицами отношения, семантика которых определяется словом-коннектором.

Однако имеются два вида абстрактных отношений между соотносимыми высказываниями, не зависящие от значения связующего элемента. В первом случае дискурсивное слово соединяет две разные единицы, во втором – два или более разных вхождения одной и той же единицы. Ср.:

(65) От(е)цъ мой прилѣжаше пития хмел(ь)нова, мати **же** моя постница и молитвенница бысть <…> (АЖит, с. 17).

(66) И осудил б(о)гъ Адама дѣлати землю, от нея же взят бысть; женѣ **же** – в печалѣх родити чада, а змии – на чреслѣхъ ползати и ясти землю, а дьявола проклят (АСоб, с. 105).

(67) <…> с Моисеомъ от фараона бѣжав, проидоша сквоз(ь) море 600 тысящей <…> Тѣ-то евреи словутъ по давешнему Еверу, онѣ **же** израилтяня словутъ по Иякову. <…> Да онѣ **же** словутъ июдѣи, по Июдѣ, с(ы)нѣ Ияковли (АСоб, с. 111).

(68) Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали вес(ь) же <…> У него **же**, дьякона, отсѣкли руку поперегъ ладони <…> (АЖит, с. 59).

В первом и втором предложениях *же* связывает два разных актанта: 1) субъекты – *от(е)цъ и мати* (пример 65); 2) объекты – *Адама и жену* (пример 66).

В третьем и четвёртом предложениях наблюдаются разные вхождения одного денотата: в примере (67) – различные проявления одного и того же субъекта (*евреи=израилтяня=июдѣи*); в примере (68) – различные проявления одного и того же объекта, а именно – *дьякона Феодора*: у него *вырѣзали языкъ* и у него *же отсѣкли руку*.

Исследование контекстов употреблений лексемы позволило выявить следующие основные сферы её проявления:

1. *Же* сопоставительное. Слово выполняло сопоставительную функцию и семантически сближалось с союзами *а, но*, иногда – *и.* Примером может служить пример (66): фраза состоит из четырёх фрагментов, находящихся в синонимичных отношениях, а именно отношениях сопоставления. Сопоставляются четыре денотативные группы (в данном случае – объекты): Адам, его жена, змий и дьявол. Первый и второй фрагменты соединяются при помощи союза *же*, второй и третий, впрочем, как третий и четвёртый – с помощью союза *а*.

Могли сопоставляться:

а) различные предметы:

(69) <…> бѣсъ в Филиппѣ вздивьял и начал кричать, и вопит(ь), и чепь ломат(ь), бѣсяс(ь). На всѣх дамашних ужас нападе, и голъка бысть велика

зѣло. Аз **же** безъ испра‖вления приступил к нему, хотя ево укротить, но бысть не по-прежнему (АЖит, с. 65). В данном случае имеет место противопоставление: поведение Аввакума являлось полной противоположностью поведению *всѣх дамашнихъ*, на которых *ужас нападе*.

(70) <…> крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она **же** единаче в безумии своем и непокорстве пребывает (АЖит34, с. 151).

(71) <…> прииде ко мнѣ исповѣдатися д(ѣ)в(и)ца <…>. Аз **же**, треокаянный врачь <…> сам разболѣвся, внутръ жгом огнемъ блудным (АЖит, с. 18).

(72) Таже инъ начал(ь)ник <…> у руки, яко пес, огрыз перъсты. <…> Аз **же**, побл(а)г(о)даря бога, завертѣв руку платом, пошел к вечернѣ (АЖит, с. 19).

(73) Василей Петровичь Шереметев <…> велѣл бл(а)гословит(ь) с(ы)на своего, бритобратца. Аз **же** не бл(а)гословил видя любодѣйный образ (АЖит, с. 20).

(74) И я реклъ: “Востани! Б(о)гъ простит тя”. Он **же**, наказанъ гораздо, не могъ сам востати (АЖит, с. 21).

(75) <…> написав челобитную <…> о д(у)х(о)вникѣ Стефане, чтоб ему быт(ь) в патриархах. Онъ **же** не восхотѣлъ <…> (АЖит, с. 22).

б) события:

(76) <…> начаша они, враги б(о)жии, в печатныя книги сѣяти плевелы еретическия, проклятыя, и с тѣми злыми плевелами тѣ книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю <…>. Тогда у нас в Соловецком м(о)н(а)стырѣ с(вя)тии о(т)цы и братия начаша тужити и плакати горко <…> Паче **же** всѣх прежреченный Мартирий-с(вя)щенноинок обливашеся горкими многими слезами <…> (ЕЖит, с. 82).

(77) До Василия пояху во ц(е)ркви а‖нг(е)льския рѣчи: “Аллилуия, аллилуия, аллилуия!”. Егда **же** бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ анг(е)льския рѣчи, а трет(ь)юю – ч(е)л(ов)ѣческую <…> (АЖит, с. 15).

в) некое потенциальное множество и единичный элемент:

(78) Паки Бытия: “Ковчег же еще не совершенъ, времени на дѣло надобе 40 лѣтъ. Не стерпѣ ярость г(о)с(по)дня до урочныхъ лѣтъ, посла анг(е)ла своего к Ною, да совершитъ ковчегъ. Анг(е)лъ **же** г(о)с(по)д(е)нъ в три дни совершилъ” (АСоб, с. 108).

В примере (78) содержатся три пары соотносимых единиц:

а) обстоятельственные группы – “временное” противопоставление (*40 лѣтъ* и *три дни*);

б) именные группы, первая из которых не выражена эксплицитно (строители ковчега и ангел);

в) предикативные единицы (*не совершенъ* и *совершилъ*).

Же могло маркировать следующие виды сопоставительных отношений между соотносимыми текстовыми фрагментами:

Отношения противопоставления:

(79) Так-то ‖ г(о)с(по)дь гордымъ противится, смиренным **же** даетъ бл(а)годат(ь) (АЖит, с. 21).

(80) И я говорю: “Мы уроди Х(рист)а ради! Вы славни, мы **же** безчестни! Вы сил(ь)ни, мы **же** немощни” (АЖит, с. 54).

Вхождение *же* в приведённых примерах (79) и (80) типично для класса “противопоставительных” употреблений: частица находится в постпозиции к первому слову группы, однако действие её распространяется на все составляющие группы. Отношения устанавливаются между различными элементами соотносимых высказываний: между субъектами (*вы – мы*, *гордые – смиренные*) и между предикатами (*славни – безчестни*, *сил(ь)ни – немощни, противится – даетъ благодать*).

Речь могла идти о действиях различных, но не противопоставленных друг другу:

(81) Азъ же, многогрѣшный, варомъ ‖ их стал варить, они **же** ми ядяху тайныя уды (ЕЖит, с. 90).

(82) <…> провидѣ г(о)с(по)дь во Адамѣ ап(о)ст(о)лов Петра и Павла: Петру ключа ц(а)рства н(е)б(е)снаго вверяема, Павлу **же** бл(а)гоч(е)стие проповѣдающе (АСоб, с. 103).

(83) И погрязли люди нечестивыя. Увы, были, да и не стало, и памят(ь) ихъ с водяным шумом погибе. Ковчег **же** взимашеся верху воды <…> (АСоб, с. 103).

Как видно из приведённых примеров, сопоставляться могли именные группы, предикативные и обстоятельственные.

2. Союз *же* связывал высказывания, не противопоставленные друг другу, а представляющие линейно следующие во временной последовательности события, действия:

(84) Взялъ я кадило, и покадилъ образы и бѣснова <…> Возставше в третьие ту же Василиеву рѣчь закричалъ к бѣсу: “Изыди отъ создания сего!” Бѣсъ **же** скорчилъ в кол(ь)цо брата и пружався, изыде и сѣлъ на окошке. Брат **же** бывъ яко мертвъ. Аз **же** покропилъ ево с(вя)тою водою, он **же**, очхняс(ь), перъстомъ мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго, указуетъ, а самъ не говорит: связавшуся языку его. Аз **же** покропилъ водою окошко – и бѣсъ сошелъ в жерновый угол. Брат **же** паки за ним перъстомъ указует. Аз **же** и там покропилъ водою – бѣсъ **же** оттоля пошел на печ(ь). Брат **же** и там ево указу‖етъ – азъ **же** и там тою же водою. Брат **же** указалъ под печь, а сам прекр(е)стился (АЖит, с. 61–62).

(85) И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинути <…> и вижу: о лѣвую страну мене на воздухе лежат два моихъ языка – московской и пустозерской <…>. Аз **же**, грѣшный, простер руку мою лѣвую, и взем рукою

моею со воздуха пустозерской мой красной языкъ <…>. Он **же** на рукѣ моей ворошится живешенекъ. Аз **же**, дивяся много красотѣ его и живости его, и начахъ его обѣми руками моими превращати, чюдяся ему. Исправя его в руках моихъ – рѣзаным мѣстомъ к рѣзаному ж мѣсту, т’ корению язычному, идѣже преже бѣ, и положил его руками моими во уста мои; он **же** и прил’ну къ корению, идѣже преже был ‖ от рожения матерня. Аз **же** возрадовахся и возбнух яко ото сна <…> (ЕЖит, с. 127).

(86) И въскочилъ ко мнѣ в кѣлию бѣс, яко злой и лютой разбойникъ, и ухватилъ мене за горло, и нача давить. Аз **же**, грѣшный, завопѣлъ к’ б(огороди)це сице: “Б(огороди)ца, б(огороди)ца, помози ми!”. Он **же** и изчез, и не вѣм, камо дѣлъся. Азъ **же** о семъ прославих Хр(ис)та-б(о)га ‖ и б(огороди)цу, яко отгнаша от мене разбойника, злодѣя-дьявола (ЕЖит, с. 119).

3. Высказывание с *же* не противоречило соотносимому с ним, а наоборот, развивало логику ситуации:

(87) Сия три перъста предал Фармос, папа римъской, бл(а)гословлял ‖ и кр(е)стилъся ими, и по нем бывый Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругал ево, перъстъ отсѣкше бросилъ на землю <…>. Таже отсѣкше другий бросилъ <…> потом и третий отсѣкши бросил <…>. Стефанъ **же** велѣлъ и тѣло Фармосово в Тиверь-рѣку кинуть <…> (АЖит, с. 78).

(88) И рече ми старецъ: “Иди, о(т)че, Х(ристо)съ с тобою <…>”. И бл(а)г(о)с(ло)ви мя в кѣлию ити. Аз **же** со бл(аго)с(ло)вениемъ старцевым идох в кѣлию ту, идѣже бѣсъ живет (ЕЖит, с. 83).

В данном проявлении возможно как контактное, так и дистантное расположение соотносимых текстовых фрагментов.

4. Союз вводил придаточные предложения, которые задавали временную или же условную рамку предыдущей пропозиции, причём мог

оформлять как придаточное, так и главное предложение, а также располагаться в обеих частях:

(89) Егда **же** изгнанъ бысть Адамъ, вся тварь вознегодова на преступника (АСоб, с. 105).

(90) И егда нача в м(о)н(а)ст(ы)рѣ к заутрени бл(а)говѣстити, старецъ **же** скоро воста и прижався ко оградицѣ м(о)н(а)ст(ы)рской, моляшеся с вѣрою сердечною, теплою прилѣжно (ЕЖит, с. 120).

(91) Егда **же** аз прибрел к Москвѣ к д(у)х(о)внику ц(а)р(е)ву, протопопу Стефану, и к другому протопопу, к Неронову Ивану, они **же** обо мнѣ ц(а)рю известиша, и с тѣхъ мѣстъ г(осу)д(а)рь меня знать почал (АЖит, с. 20).

(92) <…> я говорю:“Коли баба лиха, живи **ж** себѣ одна!” (АЖит, с. 37).

(93) И Павелъ пишетъ: “Аще языки ч(е)л(о)вѣческими г(лаго)лю и анг(е)льскими, любви же не имам – ничто **ж** есмъ” (АОбращ, с. 112).

5. Союз присоединял предложения, содержащие добавочные сообщения, пояснения и т. п. по поводу того, о чём сообщалось в первом предложении:

(94) <…> подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея **же** аще кто целы и непорочны не соблюдает <…> во вѣки погибнетъ. Вѣра **же** кафолическая сия есть, да единаго б(о)га в тро(и)цѣ и тро(и)цу во единице почитаем <…> (АЖит, с. 16).

(95) <…> градъ с(вя)тый Сионъ на воздусѣ будете <…> и не затворены врата его будутъ праведнымъ входити и исходити, нощи **же** не будетъ тамо и не пресѣчется свѣтъ тмою, яко ж н(ы)нѣ (АСоб, с. 100).

(96) Адъ убо сотворенъ преглубокий в пустошных земли над твердию; низу же его на тверди тамо зодии ходятъ, тамо планиты обтекаютъ, и от того строится под твердию в тартарѣ студенъ лютая, еще **же** и огнь негасимый будет тамо же (АСоб, с. 101).

(97) Паки Библѣя: Адам же и Евва сшиста себѣ листвие смоковничное от древа, от него **же** вкусиста <…> (АСоб, с. 104).

(98) И осудил б(о)гъ Адама дѣлати землю, от нея **же** взят бысть <…> (АСоб, с. 101).

6. С союзной функцией *же* тесно связана аргументативная (*же* аргументативное синонимично *ведь*, в древнерусском языке – *бо*).

Частица вводила высказывания, подтверждающие истинность предшествующей информации, точки зрения говорящего, правильность принятого решения, обосновывающие настоятельность просьбы, и т. д.:

(99) <…> напиши и ты рабу-тому Х(ристо)ву, какъ б(огороди)ца бѣсатово в рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала <…> да и иное, что помниш(ь). <…> Скажи жо хотя немношко. Ап(о)ст(о)ли Павел и Варнава на соборѣ сказывали **ж** во Еросалимѣ пред всѣми, елика сотвори б(о)гъ знамения и || чюдеса во языцех с нима. <…> Мнози **же** от веровавшихъ прихождаху, исповѣдующе и сказующе дѣла своя (АЖит, с. 80);

(100) Вотъ вамъ <…> предлагаю житие свое <…>. Ав’ва Дарофей описалъ **же** свое житие уч(е)никам своимъ, понуждая ихъ на таяжде <…> И я також <…> сказываю вамъ дѣемая мною <…> (АОбращ, с. 11).

Следует отметить, что при внешней схожести частиц *же*, с одной стороны, и *ведь* и *бо* – с другой (в аргументативном значении), между ними есть определённые различия. Как уже говорилось (см. раздел **2.2.2.4**), возможны два варианта аргументации:

Аргументация “за”: говорящий обосновывает действие или оценку (В), вводя высказывание А.

Аргументация “против”: говорящий вводит высказывание А в пользу модификации введённого ранее В.

На первый взгляд кажется, что аргументативные значения частиц *ведь* и *же* совпадают, но при более детальном рассмотрении выявляются некоторые различия.

Же обычно вводило аргумент А в пользу модификации введённого ранее В и гораздо реже использовалось для поддержания В. *Ведь*, наоборот, чаще вводило аргумент в пользу В:

(101) Я, идучи, говорю: “Не надѣйтеся на кн(я)зя, на с(ы)ны ч(е)л(о)вѣческия, в них **же** нѣсть спасения”, и прочая (АЖит, с. 47).

Же вводило информацию, предполагающую прямые поведенческие следствия из неё, путем возврата к известному (*в них* <...> *нѣсть спасения*), т. е. в высказывании содержалось напоминание о релевантном факторе (измени В, потому что А). Необходимость изменения поведенческой установки подтверждалась первой частью высказывания, в которую включён глагол в повелительном наклонении (*не надѣйтеся*).

Предложения с *ведь* (А) представляют собой не столько аргумент, сколько объяснение условий, предопределяющих В.

Информация, вводимая с помощью *же*, известна или очевидна. Напротив, *ведь* актуализует отсутствующий у слушающего элемент информации, обусловливающий выбор:

(102) <...> в празники же, и в суботы, и в н(е)д(ѣ)ли, просто молимся стояще, поклоны по уставу творим поясные и в церкве, и в кѣлье, изравняюще главу противъ пояса, понеже празника ради не томим плоти метанием, а главу наклоняем в пояс безъ лѣности и без гордыни г(о)с(по)ду б(о)гу и творцу нашему. Субота бо есть упокоения д(е)нь, в он **же** г(о)с(по)дь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ <...> (АЖит, с. 78) и

(103) Простите мя, о(т)цы с(вя)тии и братия! Согрѣшил я: много **веть** я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варом переварил, а

иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ (ЕЖит, с. 91).

Обе частицы соединяют текстовые фрагменты, связанные причинно-следственными отношениями. В то же время предложения, введённые с помощью частиц, представляют собой изложение фактов, поясняющих, подтверждающих истинность предыдущего высказывания. Но если *же* маркирует возврат к уже известному (предполагается, что суббота как день, в который *г(о)с(по)дь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ*, является фактом общеизвестным), то *ведь* вводит информацию, абсолютно новую для слушающего (см. раздел **2.2.2.4**.) Значение *же* осложняется значением идентификации (= именно в этот день).

Итак, в XVII веке, как и в современном русском языке, слово *же* функционировало как частица и как союз. Способность к контекстной синонимии проявлялась, когда частица вводила текстовый фрагмент, объясняющий необходимость совершения какого-либо действия (соответствовала *ведь*) или вносила значение следственной обусловленности (сближалась по значению со словами *поэтому, следовательно*). Кроме этого, отмечены случаи совмещения функций частицы и союза. Союз *же* употреблялся в сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях (но только в сложных), а также выполнял аргументативную функцию.

2.3.7. Частица *и*

В Словаре русского языка XI – XVII вв. зафиксированы такие значения слова *и*: оно употреблялось как союз (соединительный, присоединительный, начинательный, противительный, соотносительный, выделительный, усилительный) и частица: усилительная (соответствовала *даже*) и выделительная (соответствовала *и*). Но в исследованном материале, кроме описанных, выявлены и другие значения.

2.3.7.1. Узуальные функции

Основной функцией частицы *и* являлась усилительная.

1. Частица подчёркивала, усиливала, акцентировала сообщение или какую-то его часть:

(1) <…> с ними две вдовы – одна лет в 60, а другая **и** больши (АЖит34, с. 87).

(2) Уже дворъ **и** не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ помален(ь)ку ползу, кое-какъ **и** доползъ до своея конуры (АЖит, с. 75).

(3) Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. [Пашков] ихъ домой взялъ. ано **и** старова пущи стали бѣситца (АЖит, с. 35).

(4) <…> не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я **и** не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго (АЖит34, с. 63).

(5) <…> там зима в те поры живет, да бог грел **и** без платья! (АЖит34, с. 91).

(6) <…> человек на нее набрел, тут же **и** повалился <…> (АЖит34, с. 99).

(7) Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме **и** уморили (АЖит34, с. 80).

(8) Спаси ево, господи! **и** тогда мне делал добро (АЖит34, с. 83).

(9) Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я **и** погребал в Вознесенском монастыре <…> (АЖит34, с. 101).

(10) Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует **и** молитва (АЖит34, с. 147).

(11) Протопопица младенца родила; больную в телеге **и** повезли до Тобольска (АЖит34, с. 83).

(12) А не просто нам она **и** досталася (АЖит34, с. 99).

2. Частица выражала ту или другую оценку, качественную характеристику:

(13) <…> утес каменной, яко стена стоит, **и** поглядеть – заломя голову! (АЖит34, с. 87).

(14) Егда к берегу пристали, востала буря ветреная, **и** на берегу насилу место обрели от волн <…> (АЖит34, с. 110).

(15) <…> посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад сильно, – мне то надобно лутче **и** духовничества (АЖит34, с. 119).

3. Вносила в предложение значение следственной обусловленности:

(16) <…> люди голодные: лишо станут мучить – ано **и** умрет! (АЖит34, с. 93).

(17) <…> не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне **и** выдернули (АЖит34, с. 93).

(18) <…> младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, **и** опять здоров стал (АЖит34, с. 101).

(19) <…> робенок-де есть захотел, так **и** плакал! (АЖит34, с. 119).

(20) <…> “печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по старому!” – так-су **и** сделал (АЖит34, с. 139).

(21) Землю взял от воды, а не от пѣны, потому **и** земля тяжела, а пѣна – лехкое дѣло (АЖит34, с. 98).

4. Частица могла участвовать в характеристике, оценке ситуации. Характеризовались следующие основные её компоненты: действие и “осуществители” действия [92]. Под последними понимались как субъект, так и объект действия. *И* чаще употреблялось в высказываниях, характеризующих актант события:

1) актант квалифицировался по количеству. В этом случае частица, сохраняя усилительное значение, выполняла присоединительную функцию, причём добавлялись элементы как входящие, так и не входящие в ряд однородных элементов:

(22) Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом с прикащиком <...>. Тем же образцом **и** Афонасья сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил (АЖит34, с. 109).

(23) Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко **и** мне умереть (АЖит34, с. 71).

(24) <…> пять слов государевых сказывали на меня, и един некто <…> тот **и** душею моею потряс (АЖит34, с. 84).

(25) Еще же **и** душе моей горе тут есть (АЖит34, с. 85).

2) актант мог отождествляться как таковой, идентифицироваться:

(26) <…> утѣшаюся, в себѣ говоря: “С(ы)не, не пренемогай наказаниемъ г(о)с(по)дним, ниже ослабѣй, от него обличаем. Его же любитъ б(о)гъ, того **и** наказует (АЖит, с. 31).

(27) <…> Провожал меня много Матфей Ломков, иже **и** Митрофан именуем в чернцах (АЖит34, с. 85).

3) отождествлялись качества актантов:

(28) И, плачючи, послал во церковь по потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона – юноша таков же, что **и** Евфимей, лет в четырнадцеть (АЖит34, с. 142).

(29) Подобием он что **и** Симеон же <…> (АЖит34, с. 143).

(30) <…> яков отец, таков сын, таков **и** дух святый <…> (АЖит34, с. 70).

(31) <…> непостижим отец, непостижим сын, непостижим **и** дух святый <…> (АЖит34, с. 70).

(32) <…> вечен отец, вечен сын, вечен **и** дух святый <…> (АЖит34, с. 70).

4) актанты отождествлялись по функции:

(33) <…> вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель **и** дух святый <…> (АЖит34, с. 70).

(34) <…> бог отец, бог сын, бог **и** дух святый <…> (АЖит34, с. 142).

Высказывания с *и* могли описывать действие – как не доходящее до минимума, так и распространяющееся на крайний в цепи возможных объектов:

1) действие не доходило до естественного минимума, причём частица могла относиться и к глаголу, и к имени:

(35) Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се **и** писания не разумел <…> (АЖит34, с. 93).

(36) <...> **и** поесть было неколи, нежели спать (АЖит34, с. 91);

(37) Егда поставили патриархом, так друзей не стал **и** в крестовую пускать (АЖит34, с. 79).

(38) Да нечева у васъ **и** послушать до‖брому человѣку: ‖ все говорите, какъ продавать, какъ куповать, какъ ѣсть, какъ пить (АКнБес, с. 291).

(39) Мышей много было, я их скуфьею бил, – **и** батожка не дадут дурачки! (АЖит34, с. 91).

(40) Я ево **и** не видал (АЖит34, с. 91).

2) действие распространялось на крайний в цепи возможных объектов или даже доходило до запретного по распространению объекта:

(41) Кормилица моя была Евдокея Кирилловна, а **и** с нею дьявол ссорил <...> (АЖит34, с. 100).

(42) <...> глупы веть онѣ дураки, блюютъ **и** на самого Бога нечестивые глаголы <...> (АЧел, с. 766).

(43) <...> я <...> **и** под каменьем лежу, не токмо под <...> никониянскою клятвою их (АЖит34, с. 109).

(44) <...> в те времена **и** врази кои были, **и** те примирилися тут (АЖит34, с. 126).

2.3.7.2. Синонимическая парадигма

Контекстная синонимия *и* проявлялась в следующих случаях:

1) частица употреблялась в значении усилительной частицы, соответствовала *даже*:

(45) Он чаял: Христос просто положит; ано пущи **и** старова стали беситца (АЖит34, с. 98).

(46) <...> ко мне прислал десеть рублев денег <…> Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот **и** шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть (АЖит34, с. 119).

(47) <...> иногда пришлют <…> четверть пуда и гривенку-другую, а иногда **и** полпудика накопит и передаст (АЖит34, с. 94).

(48) Уже дворъ **и** не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ помален(ь)ку ползу <...> (АЖит, с. 75).

(49) <...> там зима в те поры живет, да бог грел **и** без платья! (АЖит34, с. 91).

(50) Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует **и** молитва (АЖит34, с. 147).

2) частица употреблялась в значении выделительной частицы, соответствовала *ведь*:

(51) <...> уж у него **и** своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию **и** надобе так (АЖит34, с. 105).

(52) А не просто нам она **и** досталася (АЖит34, с. 99).

(53) <...> ко мне прислал десеть рублев денег <…> Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных **и** нечева и сказывать (АЖит34, с. 119).

(54) <...> баба, бывало, нищих кормитъ, а дѣтей своих **и** забыла подкрепить, чтоб на висилицу пошли и з доброю дружиною умерли заодно Христа ради (АЖит, с. 56).

(55) Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы; а на нынешних **и** дивить нечева: с образца делают! (АЖит34, с. 132).

2.3.7.3. Смешанные функции (частица+союз)

Слово *и* совмещало функции частицы и союза в следующих случаях:

Присоединительный союз *и* употреблялся

1) в значении присоединительно-заключительной частицы перед глаголом и обозначал соответствие случившегося тому, что ожидалось, что изложено выше:

(56) <...> сказывал Неронов царю три пагубы за церковный раскол <…> то **и** сбылось во дни наша ныне (АЖит34, с. 86).

(57) Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево **и** послушал (АЖит34, с. 79).

(58) <...> дощенник <...> стал носом против воды; потянули, он **и** взбежал на тихое место тотчас (АЖит34, с. 105).

(59) <...> как поруга дело божие и пошел страною, так **и** бог к нему странным гневом! (АЖит34, с. 119).

(60) Но милостив господь: наказав, покаяния ради **и** помилует нас (АЖит34, с. 86).

(61) Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем, – все так **и** сбылося (АЖит34, с. 118).

2) в значении частицы одновременно и присоединительной и усилительной, соединяя в себе значения ‘и ещё, и даже’:

(62) Аз <...> плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко **и** мне умереть (АЖит34, с. 71).

(63) Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился – ано **и** стены разорены моихъ храминъ (АЖит34, с. 75).

(64) <...> а брату моему меньшому бояроня Васильева **и** дочь духовная была (АЖит34, с. 76).

(65) Я ко исходу душевному **и** молитвы проговорил (АЖит34, с. 94).

(66) Давали мне место, где бы я захотел, **и** в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере (АЖит34, с. 114).

(67) <...> рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, **и** в воскресныя дни, едучи, пою (АЖит34, с. 117).

(68) А до тово николи тут вода не бывала, **и** иноземцы дивятся (АЖит34, с. 117).

(69) <...> она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок **и** от казни отпросила меня (АЖит34, с. 123).

(70) <...> к воротам пришел – **и** ворота отворены! (АЖит34, с. 127).

(71) Аз же паки ему дал святыя воды; он же **и** судно у меня отнимает и съесть хочет (АЖит34, с. 117).

3) высказывания с *и* описывали действие, которое распространялось на крайний из цепи возможных объектов или даже доходило до запретного по распространению объекта. В этом случае в частице совмещались усилительное и присоединительное значения:

(72) <...> что волк не доест, мы то доедим. А иные **и** самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит – всякую скверну (АЖит34, с. 93).

(73) А исповѣдатце пошто идти къ никоніянину? Плюйте на них, на собак! Вѣдь онѣ воры: **и** дочерей духовныхъ воруютъ (АЧел, с. 839).

(74) <...> плакався предъ образом господним, яко **и** очи опухли (АЖит34, с. 73).

(75) Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: **и** блудница мертваго воскресила (АЖит34, с. 96).

2.3.7.4. Союзные функции

Употребляясь и в сложных, и в простых предложениях, союз *и* соединял однородные члены предложения и части сложносочинённого предложения:

(76) <...> ложку в руки дал **и** хлеба немножко **и** штец похлебать (АЖит34, с. 81).

(77) <...> за волосы дерут, **и** под бока толкают, **и** за чепь торгают, **и** в глаза плюют (АЖит34, с. 82).

(78) Бог их простит в сий век **и** в будущий (АЖит34, с. 82).

(79) <...> баба, бывало, нищих кормитъ, а дѣтей своих и забыла подкрепить, чтоб на висилицу пошли **и** з доброю дружиною умерли заодно Христа ради (АЖит, с. 56).

(80) <...> я и не брегу о красноречии **и** не уничижаю своего языка русскаго (АЖит34, с. 63).

(81) <...> вас всех, рабов Христовых, бог простит **и** благословит (АЖит34, с. 64).

(82) Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе **и** давать ему воды **и** хлеба <...> управи ум мой **и** утверди сердце мое (АЖит34, с. 64).

(83) Бог же от существа своего испасти не можетъ, **и** еже не быти, несть того в немъ (АЖит34, с. 64).

(84) Никонъ отступникъ веру казилъ **и** законы церковныя, **и** сего ради богъ излиялъ фиалъ гнева ярости своея на русскую землю (АЖит34, с. 67).

(85) <...> распрострe руце свои, **и** ста солнечное течение (АЖит34, с. 68).

(86) Стало <...> кости те щемить **и** жилы те тянуть, **и** сердце зашлось, да и умирать стал (АЖит34, с. 90).

(87) <...> кинули меня в лодку **и** напредь повезли (АЖит34, с. 90).

(88) Перевел меня в теплую избу, **и** я тут с аманатами **и** с собаками жил Дал нам четыре мешка ржи за нея, **и** мы год-другой тянулися (АЖит34, с. 93).

(89) <...> зло **и** проклято се мудрование богомъ **и** святыми (АЖит34, с. 69).

(90) Она сочетается за меня совокуплениемъ брачнымъ; **и** бысть по воли божии тако (АЖит34, с. 72).

(91) <...> аз, грешный, прилежа во церквах, **и** в домех, **и** на распутиях, по градом **и** селам, еще же **и** в царствующем граде (АЖит34, с. 72).

(92) Я **и** к обедне не пошел **и** обедать ко князю пришел **и** вся подробну им возвестил (АЖит34, с. 115).

Кроме этого, *и* употреблялось в составе союзов, выражающих причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-противительные отношения, внося значения, близкие к ‘даже’ или ‘также’:

(93) <...> аще **и** умрети ми богъ изволитъ, с отступниками не соединяюся! (АЖит34, с. 133).

(94) Аще Иев **и** говорил так, да он праведен, непорочен <...> (АЖит34, с. 89).

(95) Али Богъ забылъ насъ? Ни, ни. Аще **и** забудетъ мати не помиловати роженія своего, но Азъ не забуду, рече Господь (АЧел, с. 921).

(96) Аще **и** млад, да по старому сделал (АЖит34, с. 134).

(97) <...> Аще я **и** не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть (АЖит34, с. 138).

(98) <...> аще **и** невежда словом, но не разумом (АЖит34, с. 140).

(99) <...> хотя-де один **и** поедет, и ево-де убьют иноземцы (АЖит34, с. 106).

(100) Хотя **и** умрешь после того, ино хорошо (АЖит34, с. 98).

В XVII веке, как и в современном русском языке, слово *и* выполняло функцию усилительной частицы и союза. Как частица *и* вносила в предложение значение следственной обусловленности, а также участвовала в характеристике, оценке ситуации. Союз *и* соединял однородные члены предложения и части сложносочинённого предложения, а также употреблялся в составе союзов, выражающих причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-противительные отношения.

ГЛАВА 3. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА С ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

В. В. Виноградов писал: “Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными” [31, с. 568]. Следовательно, частицы, входящие в предложения, также участвуют в выражении отношения к реальности, т. е. в передаче объективной или субъективной информации. Входя в высказывание, частицы передают отношение к миру реальности, “добавляют некоторое смысловое содержание, дополнительные смысловые строки” [56, с. 45].

Ограничительное значение относится к наиболее важным значениям, проявляющимся в коммуникативной единице. Средства его выражения существуют в разных языках. В современном русском языке это значение выражается рядом частиц (*только, лишь, всего, один, разве что, просто, единственно, исключительно*), а также их контаминациями (*только лишь, всего лишь, разве только, один только* и др.). В древнерусском языке наиболее употребительными были лексемы *только (токо, токмо, толико, толко, точію)* и *лишь (лише, лишо).* Частица *разве* встречалась значительно реже.

История изучения выделительно-ограничительных частиц началась в XVI веке, когда вышла «Грамматика словенска совершенного искусства осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием. В «Грамматике» упоминались слова *токмо* и *равѣ*, правда, Зизаний относил их к наречиям радѣлєнїѧ [61].

Автор «Грамматики словенския правилное синтагма», вышедшей в свет в 1619 году, Мелетий Смотрицкий, как и его предшественник, слова, которые

в современном языкознании принято считать выделительно-ограничительными частицами (*токмо, точію, развѣ*), а также предлог *кромѣ* включил в разряд наречий одѣлєнїѧ [118].

Михаил Ломоносов в «Российской грамматике» также не выделял частицы в самостоятельную категорию, а относил их либо к наречиям, либо к союзам, в частности, *лишь* и *токмо* – к условным союзам [79].

А. А. Барсов, как и его предшественники, практически все частицы (кроме *не*) считал союзами, в том числе *лишь, лише, токмо, только, только что, только лишь.* Их он объединял в группу противительных союзов [10].

В современных лингвистических исследованиях встречаются различные определения ограничительности. Так, А. Б. Шапиро писал: частица *только* “указывает, что утверждаемое в данном предложении относится исключительно к данному предмету, качеству, действию” [147, с. 79]. Другие авторы отмечают, что с помощью слова *только* и других ограничительных слов даётся указание на выделение какого-то частного явления (понятия) из общего или более широкого круга явлений. Существуют другие характеристики этого значения – “единственность, уникальность” [129].

В системе служебных частей речи особое место занимает слово *разве*. Как уже говорилось, составители первых грамматик включали его в разряд наречий. В XIX веке в центре внимания лингвистов находилась прежде всего вопросительная функция лексемы. А. Х. Востоков, Н. И. Греч относили её к вопросительным наречиям [38], А. М. Пешковский [102], Д. Н. Овсянико-Куликовский [93], Е. М. Галкина-Федорук [39], А. Н. Гвоздев [40], А. А. Мирович [90] – к вопросительным частицам.

В. В. Виноградов обратил внимание на модальный характер вопросительных слов. Он, в отличие от А. М. Пешковского, который считал, что в вопросительных предложениях “могут быть особые частичные слова,

так называемые вопросительные частицы, служащие только для внесения в предложение вопросительного смысла: *ли, разве, неужели*" [102, с. 356], полагал, что на всех вопросительных словах лежит отпечаток модальности. "Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске. Например, *разве* (с оттенком удивления, сомнения или недоверия, а в риторическом вопросе даже для выражения уверенности в противоположном ответе), *ужели, неужели* (с экспрессией сомнения или убежденности в противоположном), просторечные *нашто, что, куда* и т. п. <…> При отсутствии вопросительной интонации модальные оттенки некоторых из этих слов не только не стираются, а, напротив, выступают в более резких очертаниях" [31, с. 581].

В «Русской грамматике» [111] частица рассматривается как вопросительная, осложняющая вопрос оттенками недоверия, сомнения, неуверенности, недоумения или удивления, а также оформляющая риторический вопрос, модальная, вносящая в предложение ничем не осложнённое субъективное отношение к сообщаемому (неуверенное допущение, неуверенное согласие), и как частица-союз, совмещающая значение сомнения, колебания с функцией противопоставляющего союза.

В словарях современного русского языка значения слов, имеющих ограничительное значение, описываются следующим образом.

Табл.2.

Частица	Семантико-синтаксическая характеристика	Словарь
лишь	1. частица, употр. в знач. 'только'. 2. союз, употр. в знач. 'как только'.	Ожегов
	1. наречие ограничительное. 2. союз временной.	Ушаков

	1. частица, употребляется для выделения, ограничения. 2. частица, в сочетании с частицами *бы* и *только* употребляется в предложениях, выражающих пожелание. 3. союз, употребляется для присоединения предложений или отдельных членов предложения, дополняющих, уточняющих высказанную мысль. 4. союз, употребляется для присоединения придаточных предложений цели и времени. 5. союз, в сочетании с частицей *бы* присоединяет предложение, выражающее пожелание.	Евгеньева
	1. выделительно-ограничительная частица. 2. выделительный, ограничительный союз. 3. временной союз. 4. *лишь бы* – в знач. союза цели.	СлРЛЯ в 17 т.
разве	1. частица, употр. при вопросе. 2. частица, а также частица в знач. союза. употр. в знач. ‘только, может быть’.	Ожегов
	1. наречие – употр. в вопросительных предложениях. 2. частица, вводящая ограничение. 3. союз условно-противительный.	Ушаков
	1. частица, употребляется в вопросительном предложении, выражающем сомнение, недоверие, удивление или неуверенность в необходимости какого-либо действия. 2. частица, употребляется для придания оттенка ограничения, предположения, возможности чего-либо. 3. союз –	Евгеньева

	уступительно-ограничительный и условно-противительный.	
	1. частица вопросительная и ограничительная. 2. частица, употр. в знач. условно-противительного союза.	СлРЛЯ в17 т.
только	1. частица ограничительная. 2. союз – присоединяет временное или условное придаточное предложение. 3. союз противительный. 4. частица, с частицей *бы* употр. в предложении, выражающем желание. 5. частица, после местоимений, наречий, союзов и некоторых других слов употр. для усиления выразительности. 6. наречие, употр. в знач. ‘непосредственно перед чем-н.; совсем недавно’.	Ожегов
	1. наречие ограничительное.2. союз – присоединяет придаточное предложение, временное или условное. 3. союз противительный. 4. частица. В соединении с частицей *бы* или *б* употр. в предложении, выражающем желание. 5. частица, после вопросительных местоимений и вопросительных местоименных наречий усиливает их значение и выразительность.	Ушаков
	1. частица ограничительная, выделительно-ограничительная и усилительная. 2. союз временной и противительный. 3. наречие, употр. в знач. ‘едва, едва лишь’.	Евгеньева
	1. частица выделительно-ограничительная,	СлРЛЯ в17 т.

	ограничительно-выделительная, ограничительная и усилительная. 2. частица, в сочетании с частицей *бы* вносит оттенок желательности, возможности. 3. частица, вносит значение угрозы и предостережения от совершения действия, выраженного повелительным наклонением. 4. наречие, употр. в знач. ‘едва лишь, совсем недавно’. 5. союз – временной и противительный. 6. употр. в составе сложных союзов (соединительного и условного).	

3.1. ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Как уже говорилось, в древнерусском языке для выражения ограничительного значения в основном употреблялись слова *только (токо, токмо, толико, толко)* и *лишь (лише, лишо)*, которые носили многофункциональный характер и, несомненно, должны быть отнесены к транспонированным единицам языка.

Проблеме транспозиции как межчастеречного перехода слов придавалось в традиционной лингвистике большое значение.

Е. Курилович, говоря о транспозиции, имел в виду не процесс перехода одной части речи в другую, а “срединное” положение транспонированных единиц языка в системе уже установленных частей речи [76].

В синхронном срезе языка под транспозицией понимают некоторую возможность употребления лексемы, не изменяющей своей морфологической формы, в функции, по крайней мере, двух частей речи.

Однако транспозиция – явление динамическое. Подлинная её сущность может быть раскрыта лишь с точки зрения динамического подхода к языку.

В некоторых работах транспозиция рассматривается как деривационный процесс, приводящий к определённому функциональному изменению исходной единицы. Транспозиция принадлежит к монофазисной деривации, которая связана с внутренним преобразованием заданного предложения, с его структурной или функционально-семантической перестройкой.

Значительная часть служебных лексем может выступать в предложении в различных функціях – союза, частицы, предлога, и вследствие этого они постоянно пребывают в состоянии “межчастеречности”, граница между ними “оказывается очень подвижной” [31, с. 571]. Г. А. Золотова в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» пишет: “Степень семантической заданности восполнения слова с релятивным значением обратно пропорциональна необходимости этого восполнения” [64, с. 142–157.] Другими словами, чем слово полнее семантически, тем самостоятельнее оно в синтаксических связях, чем слабее семантически, тем оно синтаксичнее. Служебные слова, в том числе и частицы, являются наиболее “слабыми семантически”. Поэтому степень их синтаксической связанности чрезвычайно высока: не обладая самостоятельным значением, служебные слова опосредуются лексическим окружением.

Показательным примером транспонирования в русском языке XI – XVII вв. являются лексемы *лишь* и *только*, которые функционировали как наречие, предлог, частица и союз, а также их контаминации.

Выделительно-ограничительные частицы *только* и *лишь* и их модификации могли находиться в различных позициях: препозиции и постпозиции. Однако их комбинаторные возможности ограничиваются тем, что при относительной синтаксической свободе они семантически тесно

связаны со словом, в препозиции к которому находятся. Перемещение частицы из препозиции в постпозицию не разрушает генерального смысла предложения, однако возможно “смещение смыслов”, т. к. ограничение относится, как правило, к тому слову, которое находится непосредственно за частицей. Ср.:

1) Престол не покрыт, **только лиши** положена пелена болшая (ПТол, с. 79) и (2) Престол не покрыт, положена **только лиши** пелена болшая.

В первом предложении частица относится к слову положена, и предложение имеет следующий смысл: “пелена положена, но не расстелена, престол не накрыт ею полностью”. А частица, соединяя части сложного предложения, приобретает значение союза (целесообразно определение её как частицы-союза). Во втором же случае частица, относящаяся к слову пелена, вносит значение ‘одна лишь; ничего, кроме неё’.

Перемена позиции частицы не влияет на понимание смысла высказывания в тех случаях, когда

1) частица является финальным компонентом высказывания:

(3) А дѣлаютъ де все бояре, а онъ де **лише** ѣздитъ (Словарь XI – XVII вв., с. 259, Д. Иос. Колом., 10, 1676 г.) и (4) А дѣлаютъ де все бояре, а онъ де ѣздитъ **лише**.

(5) <...> он <...> преставился: таковъ хорошъ лѣжитъ во гробѣ – **только** не говоритъ (АлСоч, с. 508) и (6) <...> он <...> преставился: таковъ хорошъ лѣжитъ во гробѣ – не говоритъ **только**.

(7) В нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а при Апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая. **Толко** съ ними стало (АКнБес, с. 284) и (8) В нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а при Апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая. Съ ними стало **толко**.

2) смысл слова, находящегося после частицы, не допускает её употребления:

(9) Сказали ему, что я молюся такъ, – и он **лише** излаялъ в тѣ поры меня (АЖит, с. 39) и (10) Сказали ему, что я молюся такъ, – и он излаялъ **лише** меня.

(11) Любителныі гсдрь отецъ даю тебѣ вѣдамо что королевич из Датцкои земл[и] сюды к Москве приѣхалъ чтоб ему кѣсареву доч понятъ **толко** бгъ вѣдае[т] какъ то дѣлаетца <…> (В-К II, с. 210) и

(12) Любителныі гсдрь отецъ даю тебѣ вѣдамо что королевич из Датцкои земл[и] сюды к Москве приѣхалъ чтоб ему кѣсареву доч понятъ бгъ вѣдае[т] **толко** какъ то дѣлаетца <…>

(13) Очи же твои молніеносны, держастася отъ суеты міра, **токмо** на нищія и убогія призираютъ (АКнБес, с. 409) и (14) Очи же твои молніеносны, держастася отъ суеты міра, на нищія и убогія **токмо** призираютъ.

Значение ограничения, вносимое частицей, можно отнести только к действию, обозначенному глаголом *излаялъ* [примеры (9) и (10)], или к субъекту [примеры (11) и (12), (13) и (14)].

В то же время восприятие предложений с инверсированной позицией частиц затруднено. Например:

(15) А Русская де земля ныне стала вся въ одиначестве, а съ нею де **лише только** тянутъ два города: Асторохань да Терек (Сл 11–17, с. 259).

Частица **лише только** может относиться и к глаголу *тянутъ*, и к словосочетанию *два города*. И только определение значения глагола *тянутъ* как ‘тяготеют, находятся в зависимости, принадлежат’ позволяет предположить, что частица вносит в предложение значение ограничения количества и употребляется в значении ‘не больше’.

(16) Да били мы челом тебе, государю, о вязьмичах, посадцких людех <...> и роспись, государь подали блиско двусот человек живут в-ызбылых. И сыщик <...> с подьячим **только** нам отдали в Вязьме на посад <...> полпятадесят человек (АПД 1644 – 1661, с. 97).

(17) <...> под городомъ Меиннунгомъ в три пр[и]ступа людеі побито с четыреста члв[ек] **толко** тотъ городъ по уговору взяли <...> (В-К II, с. 115).

Определение выделяемого частицей компонента, а следовательно, и восприятие высказывания в целом осложняется нетипичной для современного русского языка структурой предложения. Смысл высказывания проясняется благодаря привлечению более широкого контекста, содержащего

а) информацию об общем количестве людей [пример (16)] – *блиско двусот человек*: частица ограничивает не принадлежность (отдали только нам и больше никому), а количество, подчеркивая его незначительность, мизерность (отдали только *полпятадесят человек из двухсот*).

б) информацию о безуспешности взятия города другим путём, кроме уговора [пример (17)]: *в три пр[и]ступа людеі побито с четыреста члв[ек]*.

В отдельных случаях даже привлечение более широкого контекста не даёт возможности достаточно точно определить отнесённость частицы к слову и соответственно смысл предложения:

(18) Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дня и три ночи не пробудяся спала. Я **лишо** ея по временам кажу спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет (АЖит*, с. 73).

(19) <…> **токмо** единъ священникъ Азаръ приступи къ царю и рече [как бы то я, бѣдной, тебѣ ворчу, – архіереи-те не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакаютъ лишо тебѣ: жги, государь, крестьянъ-тѣхъ <…>] (АКнТолк, с. 479).

Одинаково вероятна отнесённость частицы к местоимениям *я* или *ея*, существительному с предлогом *по временам* и глаголу *кажу* [пример (18)], к глаголу *потакаютъ* и местоимению *тебѣ* [пример (19)].

Практическое совпадение семантики частиц и союзов *только* и *лишь* (за исключением случаев, когда они являются условными или временными

союзами) затрудняет их разграничение по частям речи: “<…> границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими” [31, с. 523], слова постоянно как бы перетекают из одной категории в другую. Сделать вывод о принадлежности лексемы к той или иной части речи можно на основании функционально-семантического анализа контекста, который позволяет выявить ряд закономерностей. Прежде чем приступить к описанию функций служебных слов с выделительно-ограничительным значением, приведём сведения, почерпнутые из Словаря русского языка XI – XVII вв. Их неполнота станет очевидной в изложении наших наблюдений.

Табл. 3.

лишь	1. наречие. 2. предлог. 3. выделительно-ограничительная частица. 4. частица, употр. в значении союза при соединении предложений, из которых одно противопоставляется другому по линии ограничения какого-либо утверждения, частичного его отрицания. 5. частица, употр. в значении союза для присоединения предложения, выражающего пожелание. 6. союз – условный и временной.	СлРЯ 11–17 вв
разве	1. частица ограничительная. 2. частица, употр. в знач. условно-противительного и противительного союзов. 3. частица вопросительная и модальная. 4. союз, употр. в знач. ‘кроме как; если не; как не’.5. предлог.	СлРЯ 11–17 вв

3.1.1. Лексема *только*

3.1.1.1. Узуальные функции

Как было сказано выше, слова, имеющие выделительно-ограничительное значение, употреблялись в функции наречий, предлогов, частиц и союзов. *Только* в этом отношении не являлось исключением.

Частица *только*, употребляясь со всеми самостоятельными частями речи, имела три основных проявления ограничительного значения:

I. Указание на выделение какого-то одного элемента из некоего множества – значение единственности, исключительности:

(1) <...> я, грешный, воспомянулъ ево государевы слова: какъ мнѣ приказывалъ, гдѣ велѣлъ себя положить и мѣсто выпросилъ, **только** дня не вѣдалъ, в который дѣнь богъ изволитъ взять (АлСоч, с. 503).

В этом случае части высказывания связывают отношения противопоставления, “конфликтности”.

II. Оценка выделяемого компонента как незначительного, несущественного, ограничение его:

а) ограничение в количестве:

(2) <...> помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивыхъ предъ потопомъ? Вѣси, **только** осмъ душъ (АЧел, с. 759).

(3) <...> да писал | ты гсдр <...> что въ Чю|баровамъ на погребы дубъ сеч и сѣчь | гсдрь дубу неколи да и нѣкому **толь|ка** ходетъ въ Спаскоя лесу сѣчь четыря | человѣка <...> а то гсдрь все по ми|ру пошли (НРЯ XVII, с. 122).

(4) Ияковъ <...> прииде во Египетъ к с(ы)ну своему Иосифу прекрасному. А с нимъ ис Хананѣи дому ево пришло **тол(ь)ко** 75 д(у)шъ (АСоб, с. 111).

б) ограничение в качестве:

(5) <...> от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, **только** павечернишные псалмы, да полунощницу, да час первой, а больши тово ничево не стало (АЖит, с. 117).

(6) <...> “полно, довлеет ти ко укреплению!” Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно **только** – человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца – везде ему не загорожено (АЖит, с. 82).

(7) Едина-де мне печаль: сын Иванъ Глебович молод бе, **токмо** летъ в четырнатцеть (СлИсп, с. 230).

в) ограничение действия: оценивается как недостаточное для данной ситуации, не соответствующее ей:

(8) Аще волхвы, и звѣздочетцы, и всѣ алманашники, по звѣздам гадая, времена назидаютъ дня и часа, а все блудят, на коварствѣ их не збывается, обманываетъ ихъ дияволъ. **Токмо** г(о)с(по)ду досаждаютъ, и отъ него, владыки, отступаютъ (АСоб, с. 109).

(9) Наиде бо на мя тогда яко сонъ; и не слыхалъ, какъ палачь язык мой вырѣзалъ, **тол(ь)ко** вмалѣ-вмалѣ ощутивъ, яко во снѣ, что палачь ми отрѣзал языкъ (ЕЖит, с. 125).

III. Оценка события по его протеканию во времени:

а) временной отрезок мог оцениваться как незначительный (‘не более чем’):

(10) И тутъ пожилъ немного – **тол(ь)ко** осмъ н(е)д(ѣ)ль (АЖит, с. 21).

(11) Из Пскова пишут что граѳа Валдемара туды дожидаютца КД г числа сего мсца <...> а во Пскове для таков[о] приходу учинены болшие протори в томъ что несказанно всякого sапасу и животины живемъ было наготовлено болшая половина для славы і высоч[е]ства нежели для надобя а граѳу д[е] **толко** В дни во Пскове мешкати <...> (В-К II, с. 36).

(12) <...> гсдр <...> пишет что мнѣ переме|на будет вскоре <...> подаи безпомо|чьному руку помощи и при[па]метуи гсдрь обо мнѣ | гсдрю кнзю

Михаилу Юревичю что мнѣ перемѣна | и году нѣт всего по ннешнее число **толко** | гсдрь пяттои мцсъ <...> (Гр-ки, с. 13).

б) время события оценивается как наступившее значительно позже, чем можно было бы ожидать (‘не ранее чем’):

(13) <...> на том бою датченя не устояли а королевича самого четыре дни не было **толко** после того сыскали <...> (В-К II, с.151).

Всё многообразие выполняемых выделительно-ограничительными частицами функций Е. А. Стародумова объединяет в две группы:

1. Группа выражения смысловых отношений.

2. Функция активизации смысловых отношений [129, с. 28].

При этом несоответствие информаций, активирующих потребность использования частиц, имеет следующие конкретные проявления:

1. Утверждение единственного (примеры 14, 15, 16) или незначительного (пример 31) факта на фоне полного отрицания.

(14) <...> тамъ половина воды, яко на полатях, лежитъ и николи к намъ не сходит, **токмо** в потоп при Нои за грѣхи людъския оттоле б(о)гъ спустил <...> (АСоб, с. 99).

(15) Мы же о зачатіи Бога Слова, по Писанію, вѣруемъ сице: пророку Гедеону показано на Востоцѣ дверь заключенна, еюже дверію никтоже проиде, **токмо** единъ Богъ, и паки запечатлѣнну остави (АКнБес, с. 344).

(16) А праведникъ, уповая, яко левъ рыкая, ходитъ, не иматъ попеченія ни о чемъ, **токмо** о Христѣ (АКнБес, с. 351).

(17) Я сижу подъ спудомъ-тѣмъ засыпанъ, нѣтъ на мнѣ ни нитки, **токмо** кресть з гойтаномъ, да в рукахъ сетки, чѣмъ отъ бѣсовъ боронюся (АЧел, с. 813).

2. Несоответствие единственного или незначительного (пример 18) факта общему утверждению.

(18) Симеонъ! Денги твоего привозу всѣ пропали: **толко** три рубли пришло съ пустобородомъ, а то всѣ девяносто рублевъ съѣлъ діяволъ (АЧел, с. 835).

(19) Дѣтей своихъ учите, Бога для, неослабно страху Божію, играть не велите. Охъ, свѣты мои, вся мимо идетъ, **токмо** душа вещь непремѣнна (АЧел, с. 811).

В приведённых примерах единственный (14, 15, 16) или незначительный (пример 17) факт входит в отрицаемое (примеры 14, 15, 16, 18) или утверждаемое (примеры 18, 19), поэтому мы можем говорить об отношениях исключения. Но в аналогичных построениях частица может служить подтверждением отрицания, если полному отрицанию противопоставлятся факт, который не включается в отрицаемое, т. е. если элемент ***x*** не является частью множества (класса) ***y***:

(20) Старикъ не можетъ труда Богу никакова принести, но **токмо** воздыханіе и плачь (АКнТолк, с. 554).

В примере (14) сопоставляются не субъекты высказывания, а обстоятельственные группы – временные характеристики (*николи* и *в потоп*): понятие *николи* охватывает все возможные временные отрезки. Ему противопоставлен компонент *в потоп,* обозначающий ограниченный временной отрезок.

В примере (15) сопоставляются субъекты: множество обозначено местоимением *никтоже*, выделяемый элемент – сочетанием *единъ Богъ*.

В примерах (16, 17) сопоставляются актанты действия (объекты): из множества ***y*** (*ни о чемъ, нѣтъ ни нитки*) выделяется элемент ***x*** (*о Христѣ, кресть з гойтаномъ*). Значение исключения подчёркивается сочетанием *ни о чемъ*, т. е. в понятие множества включаются не только божественные лица, живые предметы, но и всё остальное (неживые предметы, чувства, идеи и т. д.).

В предложении (18) элемент ***x*** *(три рубли*) включен в достаточно многочисленный класс ***y*** (*всѣ девяносто рублевъ – денги привозу всѣ*).

Во всех случаях мы можем говорить только об отношениях исключения, но ни в коем случае не о противопоставлении.

Но в примере (20) выделяемые элементы (*воздыханіе и плачь*) не входят в класс (*труд*), следовательно, исключение является мнимым, компонент с *токмо* подтверждает отрицание, и между ним и классом возникают отношения противопоставления.

Встречаются особые случаи, когда кажется, что отношения противопоставления “маскируются” под отношения исключения, но и противопоставление является мнимым.

(21) <…> с острова Малта сказывают что там великои турскои карабль шол из Алгиера и пристал было к острову и люди было с того карабля турские всѣ сошли на тот остров погулят для свѣжево вѣтру а осталис **толко** неволник[и крестья]ня полонене <...> (В-К II, с. 48).

(22) <...> ты <...> никоніянъ <...> Силенъ ты в погибающихъ: тіи трепещутъ и трясутся страха вашего и мукъ. Мы же, раби Бога Вышняго, не брежим о земныхъ, ни о мукахъ вашихъ, но **токмо** единаго трепещемъ Бога, иже сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ человѣчь и уставилъ жити по всему лицу земному (АКнБес, с. 352).

Пример (22) создаёт обманчивое впечатление утверждения единственного факта на фоне полного отрицания благодаря определениям, которые охватывают значительный класс понятий (*не брежим о земныхъ, ни о мукахъ вашихъ*), но *Богъ*, безусловно, не входит в данное множество, следовательно, речь идёт лишь о несоответствии единственного факта другим фактам, хотя можно говорить и об отношениях противопоставления предикатов (*не брежим* и *трепещемъ*).

3. Несоответствие единственного факта другому или другим фактам (в этом случае имеет место не исключение, а противопоставление):

(23) И егда буду насреди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу там не бывает, **токмо** морозы велики (АЖит, с. 74)

(24) Нѣмцы, вѣдь, иконамъ не кланяются, **токмо** свои образины пишут <...> (АЧел, с. 899).

4. Несоответствие времени осуществления какого-либо события ожидаемому времени.

(25) <...> на том бою датченя не устояли а королевича самого четыре дни не было **толко** после того сыскали <...> (В-К II, с. 151).

В целом ситуация использования выделительно-ограничительных частиц может быть описана следующим образом: из некоторого множества (класса) ***y*** выделяется элемент ***x***, который либо отрицает другие элементы, входящие в это множество, либо противопоставляется им, задавая таким образом класс, “т. е. позволяя судить о том, что представляет собой класс применительно к данной ситуации” [57, с. 55].

Следовательно, ограничительные частицы обладают, как минимум, двумя особенностями:

1. “Минимальным условием реализации ограничительного значения является отношение акцентированного частицей компонента к предикативной части высказывания, ограничение её содержания” [57, с. 25]. Высказывание с ***только*** обязательно связано с какой-то ситуацией, информацией, которая имела место раньше. Это предопределено самим ограничительным значением. Ведь выделение какого-либо элемента (***x***) предполагает наличие некоторого количества элементов, из которого этот элемент выделяется, причём информация об этих элементах может быть выражена эксплицитно или же только подразумеваться. Поэтому ограничительные частицы вводятся не только с целью выразить содержание

этого высказывания. Высказывание с частицей обычно соотносится с определённым контекстом, который может быть весьма обширным (но может и не присутствовать в тексте). И. Богуславский считает, что “*только* производит выделение объекта из некоторого множества объектов, релевантных в данной ситуации. Как правило <...> слушающему приходится самостоятельно, привлекая свои знания о ситуации, конструировать это множество релевантных объектов” [14, с. 231]. Эта процедура названа им “прагматической доинтерпретацией множества выбора”, причём он считает, что такая доинтерпретация имеет место во всех случаях употребления *только*.

(26) И отъ нужи померло твоихъ, государевыхъ, казаковъ съ пятьсотъ, а осталось **только** съ четыредесять человѣкъ (АЧел, с. 747).

(27) В прошлом во 134-м году по указу <...> великого государя царя и великого князя <...> положили де Устюжну посад по недружбе в двести чети, болши семи городов <...> во 151-м году били челом они <...> о складке, и по государеву де указу збавлено || с них **толко** пятьдесят чети (АПД 1644 – 1661, с. 83).

(28) И в тех во шти городах, против коих мы платили <...> дворов тысяча восьмисот шестьдесят девять дворов, а у нас, государь, **тольки** двесте девяносто четыре дворишка тяглых и бобыльских, а платили мы, сироты твои, против тех шти городов и с лишка, со шти четвертей (АПД 1644 – 1661, с. 85).

(29) И по столопотворении минуло 800 лѣтъ. От Еверова колѣна родися Фара, Фара же роди Авраама, Авраамъ же роди Исаака, Исаакъ же роди Иякова, Ияковъ же роди 12 патриарховъ – Рувима з братьею. И прииде во Египетъ к с(ы)ну своему Иосифу прекрасному. А с нимъ ис Хананѣи дому ево пришло **тол(ь)ко** 75 д(у)шъ (АСоб, с. 111).

(30) <...> да по твоему ж гсдрь указу Карпъ Шербачов / дал истада дворовым твоимъ людем **толка** тро/их лошедеи в пашню <...> (НРЯ XVII, с. 121).

(31) Писал ты гсдрь ко мнѣ о рыбе чтоб мнѣ / к тебѣ гсдрю рыбы прислать <...> і здес / гсдрь белугъ николи не живет а осетров / і севрюх і чалбушъков намале осетров / во все лѣто сем **толко** поимали <...> (НРЯ XVII, с. 98).

(32) І осудилъ Богъ Адама дѣлати землю <...> женѣ же в печалѣхъ родити чада; а зміи на креслѣхъ ползать і ясти землю; а дьявола проклять. Надежа – Свѣтъ, Господь – Богъ нашъ! праведенъ судъ Твой, Владыко, **толко** законопреступнымъ не будетъ уйму і смирения (АСоч, с. 673).

Эти предложения представляют собой примеры эксплицитного и имплицитного выражения заданного множества. Примеры (26), (27), (28) не требуют никакой доинтерпретации: понятно, что *четыредесять человѣкъ* по сравнению с пятьюстами, *пятьдесят чети* по сравнению с пятьюстами и *двесте девяносто четыре дворишка* по сравнению с тысячей восьмьюстами шестьюдесятью девятью дворами – это немного. Анализируя примеры (29), (30), (31), (32), мы лишь благодаря частице *только* узнаём о том, что *75 д(у)шъ, трое лошедеи* и *сем осетров* – это очень мало, а *законопреступные* – лишь часть большого количества людей. В предшествующих контекстах не содержится никакой информации о том, сколько человек находилось в *Хананѣи дому*, сколько могло прийти *с Ияковом*, сколько *лошедеи* нужно в пашню, сколько осетров нужно поймать для государя, сколько человек могло подвергнуться наказанию. Слушатель сам восстанавливает контекст, исходя из содержания компонента с частицей *только*. Ср.:

(33) Чти ev(ан)г(е)листа Матьфея, онъ пространно повѣствуетъ сице: К н (и) г а р о д с т в а И (с у) с Х (р и с т о) в а , с (ы) н а Д (а) в (ы) д (о) в а , с (ы) н а А в р а а м л я , отъ нихъ же по

плоти и ап(о)ст(о)ли быша. От Авраама до Моисѣя 500 лѣтъ, от Моисѣя до Дав(ы)да 500 лѣтъ, от Дав(ы)да да Х(рист)а, Б(о)га нашего, 1000 лѣтъ, а от Х(рист)а до сѣхъ мѣстъ 1680 лѣтъ (АСоб, с. 111–112).

В высказывании отсутствуют частицы, и оно приобретает характер бесстрастного, “протокольного” перечисления количества лет, прошедших между событиями: мы не знаем, много ли это – *1000 лѣтъ и 1680 лѣтъ*, и мало ли – *500 лѣтъ*. Имеет место простая констатация факта, а личность говорящего, его отношение к сообщаемому никак не проявляются.

2. Как уже говорилось, высказывания с частицами не могут просто описывать ситуацию, никак не обсуждая, не комментируя её. Частицы непременно “добавляют некоторое смысловое содержание, дополнительные смысловые строки” [57, 29]. Это же относится и к выделительно-ограничительным частицам.

Наиболее отчётливо эта экспликация скрытой семантики проявляется в высказываниях, представляющих собой особую оценку времени, напр.:

(34) <…> и б(о)жиею волею г(о)с(у)д(а)рь меня велѣлъ поставит(ь) въ Юрьевецъ Повол(ь)ской в протопопы. И тут пожил немного – **тол(ь)ко** осмъ н(е)д(ѣ)ль (АЖит, с. 21). После элиминирования частицы и наречия с количественным значением *немного* предложение приобретает более нейтральный характер: <…> и б(о)жиею волею г(о)с(у)д(а)рь меня велѣлъ поставит(ь) въ Юрьевецъ Повол(ь)ской в протопопы. И тут пожил осмъ н(е)д(ѣ)ль. Введение в текст частицы (даже без наречия *немного*) определяет смысл высказывания: для протопопа находиться *осмъ н(е)д(ѣ)ль* в месте, в которое его *г(о)с(у)д(а)рь <…> велѣлъ поставит(ь)*, – очень мало.

Предложение или часть предложения с частицей (в ограничительном значении) может находиться в различных отношениях с остальными фрагментами высказывания, а выделяемый элемент – с классом аналогичных элементов в зависимости от того, какой компонент преобладает: выделение ***x***

или отрицание “большего и/или меньшего”, чем ***x.*** Но в любом случае понятие ограничения связано с противопоставлением множества и выделенного элемента, причём это противопоставление разрешается в пользу элемента. Случаи употребления выделительно-ограничительных частиц для выражения временных, причинно-следственных, условно-следственных и уступительных отношений будут рассмотрены отдельно.

В данном типе отношений в целом преобладает выделение элемента ***x***.

а) из некоего упорядоченного множества ***y*** выделяется элемент или элементы ***x***, однако это выделение не отрицает остальные элементы класса (большие или меньшие), а наоборот, указывает на то, что свойства, присущие элементу, присущи также всему классу:

Только ***x*** означает, что в связи с положением вещей ***p***, которое присутствует в контексте как имеющее место для некоторой сущности ***y***, выделяется ***x*** как такая часть y, для которой положение вещей ***p*** также имеет место. Тот факт, что положение вещей ***p*** имеет место для части, хотя оно было введено в связи с целым, интерпретируется как иллюстрация релевантности этого положения вещей для целого: “больше, чем ***x***” (т. е. ***y***) ни в коей мере не отрицается посредством введения *только* ***x***.

Очевидно, что в центре внимания находится соотношение между ***x*** и “больше, чем ***x***” (***y***):

(35) <...> языком возг(лаго)лю Дио||нисия Ареопагита «О б(о)ж(е)ственных именех», что есть тебѣ, б(о)гу, пр(и)носущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сирѣчь похвал(ь)ные. Сия сут(ь) сущие: сыи, свѣтъ, истинна, животъ. **Тол(ь)ко** свойственных четырѣ, а виновных много, сия сут(ь): г(о)с(по)дь, вседержител(ь), непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, ц(а)рь славы, непостоянен, огнь, д(у)хъ, б(о)гъ, и прочая (АЖит, с. 12).

Из всего множества *б(о)ж(е)ственных именъ* выделен один элемент, а именно *свойственных четырѣ*, но это не отрицает другие элементы множества – *виновные имена* [*г(о)с(по)дь, вседержител(ь), непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, ц(а)рь славы, непостоянен, огнь, д(у)хъ, б(о)гъ, и прочая*]; из всех нищих сёл – *скудные крстьяня только села Гляткова*, но это только акцентирует внимание на том факте, что в других сёлах *скудных крстьянъ*, возможно, еще больше.

б) единственный или незначительный факт не соответствует общему утверждению (значение исключения).

(36) И знаменита ты была в Москвѣ предъ человѣки, яко древняя во Израили Девора, или Есфирь, жена царя Артаксеркса. <…> слезы отъ очей твоихъ яко бисеріе драгое исхождаху <…> Персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны <…> Очи же твои молніеносны, держастася отъ суеты міра, **токмо** на нищія и убогія призираютъ (АКнБес, с. 409).

Нищія и убогія являются компонентом понятия *суета міра* (понятие *суета міра,* несомненно, включает в себя компонент *нищія и убогія*). В данном случае свойством, на основании которого происходит выделение элемента ***х***, является действие*: держастася* и *призираютъ*.

(37) І осудилъ Богъ Адама дѣлати землю <...> женѣ же в печалѣхъ родити чада; а зміи на креслѣхъ ползать і ясти землю; а дьявола проклять. Надежа – Свѣтъ, Господь – Богъ нашъ! праведенъ судъ Твой, Владыко, **толко** законопреступнымъ не будетъ уйму і смирения *(*АСоч, с. 673);

(38) <…> по вся днi карабли при[хо]дят **толко** из Галанские земли не бывали <…> (В-К, с. 135).

Законопреступные, Галанские земли [примеры (112), (113)] являются частью множества, хотя это множество не выражено эксплицитно.

3.1.1.2 Синонимическая парадигма

Все проанализированные частицы объединены общим значением – ограничительность. В большинстве случаев они синонимичны и, следовательно, взаимозаменяемы, особенно *только* и *лишь*, например:

(39) И в тех во шти городах, против коих мы платили <...> дворов тысяча восьмисот шестьдесят девять дворов, а у нас, государь, **тольки** двесте девяносто четыре дворишка тяглых и бобыльских, а платили мы, сироты твои, против тех шти городов и с лишка, со шти четвертей (АПД 1644 – 1661, с. 85).

(40) <...> да по твоему ж гсдрь указу Карпъ Шербачов / дал истада дворовым твоимъ людем **толка** тро/их лошедеи в пашню <...> (НРЯ XVII, с. 121).

(41) <…> с острова Малта сказывают что там великои турскои карабль шол из Алгиера и пристал было к острову и люди было с того карабля турские всѣ сошли на тот остров погулят для свѣжево вѣтру а осталис **толко** неволник[и крестья]ня полонене <...> (В-К II, с. 48).

Замена частицы *только* на *лишь* оправдана с точки зрения и семантики, и стилистики. Ср.:

(42) И в тех во шти городах, против коих мы платили <...> дворов тысяча восьмисот шестьдесят девять дворов, а у нас, государь, **лишь** двесте девяносто четыре дворишка тяглых и бобыльских, а платили мы, сироты твои, против тех шти городов и с лишка, со шти четвертей (АПД 1644 – 1661, с. 85).

(43) <...> да по твоему ж гсдрь указу Карпъ Шербачов / дал истада дворовым твоимъ людем **лишь** тро/их лошедеи в пашню <...> (НРЯ XVII, с. 121).

(44) <…> с острова Малта сказывают что там великои турскои карабль шол из Алгиера и пристал было к острову и люди было с того карабля

турские всѣ сошли на тот остров погулят для свѣжево вѣтру а осталис **лишь** неволник[и крестья]ня полонене <...> (В-К II, с. 48).

Но очевидное сходство и даже тождественность функций частиц *лишь* и *только* всё же не позволяет сделать однозначный вывод об их синонимичности, а следовательно, и о дублетности. Так, взаимозаменяемость частиц невозможна в следующих случаях:

1) в составе расчленяемой частицы *только и (всего),* указывающей на полное или почти полное отрицание, отсутствие чего-либо: (45) Я <…> ничего не говорю. Ц(а)рь <…> ничего жъ не говорит <…> с тѣхъ мѣстъ **и** дружбы **тол(ь)ко**: онъ на меня за пис(ь)мо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начал послалъ (АЖит, с. 45); (46) **Только** у меня, у грешницы, на земле **и** радости, что вы, двѣ любезные мои! (Урус, с. 590); (47) <...> у нас, государь, **только и** платежников, что те три человека <...> (АПД 1644 – 1661, с. 195); (48) Млсти у тебя гсдря прошу слезна помилуи оболгали тебѣ гсдрю на меня а у меня **толко и всего** что ты гсдрь заступник (НРЯ XVII, с. 48);

2) в составе частицы *не только что*: (49) <...> мне <...> от нево Ивашки проходу нет **не токмя ч[то]** вечарам и в день гсдрь не смею выбресть <...> (НРЯ XVII, с. 58); (50) Никакъ непостижимо уму человеческому в нашем возрасте того было услышати, **не токмо что** такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети (АзПов, с. 141);

3) частица *только* вносит значение уступки, употребляется в значении *всё же*, несмотря на это, *тем не менее*: (52) И м(о)л(и)твами с(вя)тых от(е)цъ сила б(о)жия отгнала бѣса от него; но **токмо** умъ еще былъ не совершенъ (АЖит, с. 64);

4) в составе союза *не только (что) …, но и …*: (53) <...> **не токмо** звѣря, или бѣса, или ч(е)л(овѣ)ка, **но и** худаго, и ничтоже мнимаго всякаго дѣла без помощи б(о)жии невозможно исправити (ЕЖит, с. 91); (54) Потщимся будить

друг друга нелицемерно, любя **не токмо** любовных, **но и** досадителей нам подобает любити аще нас в душу не вредят (АЧел, с. 210); (55) <...> доброи друг ко мнѣ в вѣрности из Риги писалъ что **не толко что** в городе Риге **но и** во всеи Лиѳлянскои земли люди воружены и держат крѣпкую сторожу (В-К II, с. 127);

5) в составе союза *если только (аще только)***:** (56) А **естли толко** вы служить похочете, казачество свирѣпое, государю царю волному, рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные свои головы разбойничьи в повиновение на службу вѣчную (АзПов, с. 143); (57) <...> какъ бы самому в напасть не впасть; **аще только** не он [виноват], так горе мне будет тогда: мученика казни предам (АЧел, с. 161);

6) в сочетании с частицей *разве* – в функции условного союза. В этом случае ограничительное значение осложняется значением неуверенного допущения: (58) <...> такому дѣлу тяжко сстатися **толко развее** ме[чом] осилную хто кого одолѣет <...> (В-К II, с. 33); (59) <...> он пишет что он не мыслит идти из Мерские земли **толко разве** ему болшая неволя будет <...> (В-К II, с. 33).

7) с отрицательной частицей *не*: (60) <...> аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хощу припасти ко всех владыцея, **не токмо** зде, в темнице (АЧел, с. 138); (61) Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова – **не только** то тово божия присещения (АЧел, с. 144).

3.1.1.3. Смешанные функции (частица+союз)

При исследовании текстов со словом *только* выявлены случаи употребления частицы в функции союза.

(62) Никто ко мнѣ не приходил, **токмо** мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довол(ь)но (АЖит, с. 24).

(63) Все померло в водахъ: люди, и скоты, и звѣри, и птицы н(е)б(е)сныя; **токмо** Ной-праведник со своими спасеся (АСоб, с. 99).

(64) Дѣтей своихъ учите, Бога для, неослабно страху Божію, играть не велите. Охъ, свѣты мои, вся мимо идетъ, **токмо** душа вещь непремѣнна (АЧел, с. 811).

(65) <...> в м(о)л(и)твѣ дошла рѣчь: “Аз ти о имени г(о(с(по)дни повелеваю, душе нѣмый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣже ч(е)л(о)вѣкъ не живетъ, но **токмо** б(о)гъ призираетъ” <...> (АЖит, с. 61).

(66) <...> ты <...> никоніянъ <...> Силенъ ты в погибающихъ: тіи трепещутъ и трясутся страха вашего и мукъ. Мы же, раби Бога Вышняго, не брежимъ о земныхъ, ни о мукахъ вашихъ, но **токмо** единаго трепещемъ Бога, иже сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ человѣчь и уставилъ жити по всему лицу земному (АКнБес, с. 352).

(67) 40 дней хлѣба і ничтожъ не ядохомъ, **токмо** воду теплую хлѣбали, рты парили і горла (АЗап, с. 720).

Соединяя части сложного предложения, т. е. выполняя союзную функцию, лексема, тем не менее, не утрачивает значения выделения, ограничения, исключения, присущего частицам. В приведённых примерах *только* вносит в высказывание значение исключения: незначительный или единственный факт входит в отрицаемое или утверждаемое. *Только* также участвовала в оформлении текстовых фрагментов, подтверждающих отрицание или связанных отношениями противопоставления.

В примере (63) из множества ***y*** [*скоты, и звѣри, и птицы н(е)б(е)сныя*] выделяется элемент ***x*** (*Ной-праведник со своими*). Глобальный характер множества подчёркивается местоимением *всё*.

В примере (64) нет такого детального перечисления элементов множества, но дефиниция *вся* включает в себя все качества, явления, кроме души.

3.1.1.4. Союзные функции

Функциональные, семантические и стилистические особенности союзов *лишь* и *только* настолько сходны, что эти союзы можно считать практически эквивалентными.

Союз *только* и его модификации употреблялся как в сложносочинённых, так и в сложноподчинённых предложениях (но только в сложных).

Так, в сложносочинённых предложениях союз выполнял следующие функции:

1) соединял предложения, из которых одно противопоставлялось другому, ограничивая или частично отрицая его:

(68) Ч(е)л(о)вѣче, убойся б(о)га <...> его же трепещутъ н(е)бо и земля со ч(е)л(о)вѣки и вся тварь, **токмо** ты, ты един презираеш(ь) и неудобство к нему показуеш(ь) <...> (АЖит, с. 29).

(69) <...> полскои корол велѣл при себѣ и при королеве своеи наемным людем смотръ уч[инить] **толко** де ихъ учене королю показалос не[любо] и для того мало им похвалы и платежу <...> (В-К II, с. 81).

2) соединял предложения, из которых одно противоречило другому, представляя собой объяснение того, почему не может осуществиться действие, событие, о котором говорится в другом предложении:

(70) Из Свѣиские зе[мли] пишут что карабли у них гот[овы] **толко** де еще в море много льду (В-К II, с. 159).

(71) <...> королевичь рад бы чтоб ему отселе ѣхать **толко** они не хотят его отпусти[ть] <...> (В-К II, с. 210).

(72) <...> здѣс в Ригу приѣхали трое сенаторских детеи <...> и хотѣли нвестит гсдна воеводы Денова своего родного дядю **толк[о]** он sa две ндли до их приѣзду рознемогся и при них в десятои день переставился <...> (В-К II, с. 76).

2) вводил побудительные предложения, причём эти предложения могли выражать крайнюю степень желательности (примеры 73, 74), а также вносить значение единственности, исключительности (примеры 75, 76). Если побудительное предложение присоединялось с помощью союза *только,* обязательно было употребление глагола повелительного наклонения (примеры 73, 74, 75) или инфинитива (пример 76).

(73) Молитеся **толко** вы о насъ крѣпко и неослабно, Господа ради, отцы святіи (АЧел, с. 949).

(74) <…> бѣги отъ еретика и не говори ему ничево о правовѣріи: **токмо** плюнь на него (АКнТолк, с. 494).

(75) Мертвыхъ безъ крестовъ погребать, **токмо** масломъ крестообразно полить, да на вѣнцѣ 3 креста нашить и рукопись, молитва, в руку вложит (АЧел, с. 944).

В сочетании с частицей *бы* лексема вносила значение желательности и присоединяла предложение или часть предложения, выражающие желание. Сама частица приобретала оттенок усилительного и модального значения:

(76) И я ево понаказалъ и не велѣлъ ему келарства покидат(ь), **токмо бы** хотя втайнѣ старое благочестие держалъ (АЖит, с. 49).

(77) <...> млсти | гсдрь у тебя прошу Андрѣи Ильич пожалуи | вели в Розряде члвку своему провѣдат подлинно хто | на мое мѣсто в Мосалескъ будет кому наказ | и росписная грамота дана слух было про|шол про Микиѳора Тинкова а ннѣ про инова | говорят и сыском мнѣ грозятъ я у тебя гсдря | млсти прошу хотя и сыску быт **толко бы** в Розряде | указалі очные ставки <...> (НРЯ XVII, с. 38).

(78) Ну, прости-ж! Мнѣ ничто не надобе, **токмо** молитесь о мнѣ, а яз, елико могу, о вас должен молитися. Надобно лише потерпѣть за имя Ево святое (АЧел, с. 958).

Вводятся высказывания, в которых говорится о некоем положении вещей, единственно приемлемом для субъекта высказывания: ***токмо бы*** *хотя втайнѣ старое благочестие держалъ* (пример 76); ***толко бы*** *в Розряде | uказалі очные ставки* (пример 77); ***токмо*** *молитесь о мнѣ* (пример 78). Побудительное значение усиливалось благодаря первой части высказывания, содержащей подчёркнутое отрицание (пример 78). Таким образом, отрицались все остальные возможные элементы множества, не обозначенные вербально и входящие в понятие *ничто.* Выделенный элемент противопоставлялся классу как единственно значимый – другим элементам, незначительным и несущественным, а компонент с ограничительной частицей приобретал значение единственной просьбы, единственного желания.

В сложноподчинённых предложениях союз ***только (бы)*** использовался для присоединения

1) придаточных условных предложений (в современном языке это значение отсутствует):

(79) <...> какъ б(о)гъ хощетъ, так и строит. А ты су какой с(вя)той? Из моря напился, а крошкою подавился! **Тол(ь)коб** божиим повелѣнием не робенок от смерти избавил, и ты бы что червь: был, да и нѣтъ! А величаесся, грязь худая: я су бѣсов изгонял, то-се дѣлал, а себѣ не могъ помощи, **тол(ь)ко бы** не робенок (АЖит, с. 76).

(80) <...> сказываютъ что [французские люди] хотятъ идти на Триер і вперед дале **толко** будет не поздно и пот Коболен(ц) идти (В-К II, с. 34).

(81) Цесарев генералнои сторожес[та]вецъ еще по своему умышл[ению] промышляет а **толко б** у него [боль]ши пехоты было і ему б по [е]в[о]

умышленью удалос крѣпку[ю] шанцу взят а над тѣми крѣпостми три годы дѣлал[и а ныне] чаят что совершат і будет [он] счаслив и тое крѣпость возмет і мочно ему проѣздъ к Стетин[у] очистит а **толко** ему помо[щи] не будет и он ничево не учинит а дожидаетца указу <…> (В-К II, с. 20).

(82) Ияковъ Красноярской молвил: **толко бы-**де воевода по государеву указу ехалъ прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпѣли (АЗап, с. 702).

2) придаточных предложений времени:

(83) <…> а в Голстенскои семлѣ городы осадными людми не запасены опричнно толко гор[ода] Крстьянприса <…> и под тѣ мѣста нарывчивои свѣискои воевода Врангел которого прозвали бѣшеным пошел а **толко** он заневѣды изгоном возмет и у нево будет крѣпость болшая и может тѣми мѣст[ами] всю Голстенскую семлю поневолит <…> (В-К II, с. 95).

Союзы в придаточных предложениях времени (как и в современном русском языке) употреблялись в значении ‘как только, едва только’ и указывали на то, что действие, о котором говорилось в главном предложении, наступало сразу после действия, о котором говорилось в придаточном предложении.

3) предложений, которые представляли собой пояснение, изложение причин того, о чём говорилось в предыдущем предложении (сближается по значению с союзом *потому что*). Усиливался, актуализировался первый компонент высказывания:

(84) Тако Ісусъ моляшеся Отцу Своему, якоже древле пророкъ Давыдъ, понеже и онъ – Христосъ бысть, си‖рѣчь помазанецъ: и призри на лице помазанного Твоего, глаголя. Но не истинный Христосъ. **Токмо** надъ человѣки царствова. Царь же истинный Христосъ Богъ нашъ, понеже воцарися надъ грѣхомъ (АКнТолк, с. 439).

Частица по значению сближалась со словом ‘наоборот’:

(85) <...> воина меж обѣими королевствами не скоро утишитца **толко** ото дни до дни болши становитца <...> (В-К II, с. 165).

(86) <...> а про нше воиско что в Цесарскои области пишутъ что они еще ноября по ГІ де стоят под городом Бярнъборгом а чинят цесареву воеводе Галасу и ево воиску великое утеснене что он не вѣдает гдѣ дѣтся потому что пит и ѣсти им нѣчево и привозу им ниоткуды нѣт и мы ежечас ожидаем что нши их выморили и одолѣли і они росславили будто Раготцкиі с цесаремъ помирился чево і по ся мѣста не бывало. **толко** он дожидаетца тово что меж свѣиским воеводою Торстенсономъ и цесаревым воеводою Галасом учинитца совершенье. **толко** Раготцкиі меж того времени у цесаря немало полковъ побил и разорил (В-К II, с. 208).

(87) Ради тебе, государю, платить, чтобы в силу; во всякие, государь, чины в Вязьму в слободы отовсюды люди прибывают, а к нам, государь, в посат в тягло отнють не идут, **только** убывают: после писцов Семена Воейкова до Романа Бабарыкина розбрелися розно по твоим государевым городом безвесно <...> (АПД 1644 – 1661, с. 188).

Союз *только* обычно находился в начале одной из частей сложносочинённого предложения или в начале придаточного предложения. В отличие от условного и временного союзов, перемещение которых в середину или конец предложения невозможно, перестановка союза в сложносочинённых предложениях в принципе допустима – предложение не теряло смысла. Но действие союза становилось более ограниченным – распространялось на 1–2 слова, а не на всё предложение, т. е. союз приобретал значение частицы. Ср.:

(88) Фара <…> изыдоша изъ земли своея Халдейскія со всѣмъ домомъ своимъ, **токмо** остася Нахоръ, большей сынъ Фаринъ (АКнБес, с. 332) и

(89) Фара <…> изыдоша изъ земли своея Халдейскія со всѣмъ домомъ своимъ, остася **токмо** Нахоръ, большей сынъ Фаринъ;

(90) <...> и нынѣ на Москвѣ жгутъ, и по городомъ жгутъ митрополиты и воеводы. Вездѣ ихъ воля и сила. Дѣло-то ево и нынѣ уже дѣютъ; **толко** послѣдне-етъ чортъ не бывалъ еще, явитися во свое ему время (АКнТолк, с. 462) и (91) <...> и нынѣ на Москвѣ жгутъ, и по городомъ жгутъ митрополиты и воеводы. Вездѣ ихъ воля и сила. Дѣло-то ево и нынѣ уже дѣютъ; послѣдне-етъ **толко** чортъ не бывалъ еще, явитися во свое ему время.

Следует отметить, что не всегда выделительно-ограничительные слова, употребляющиеся в предложении или части предложения с императивом, можно рассматривать как выразители побудительного значения, долженствования. Частицы, присоединяющие побудительные предложения, относились ко всему высказыванию, ограничительное значение либо существенно ослаблено, либо вообще не выражено, напр.: (69) А нынѣшнюю зиму потерпите **толко** маленко: силенъ Богъ, – уже собакъ-тѣхъ, перепутавъ огненнымъ ужемъ, отдастъ намъ въ руки (АЧел, с. 922). Обоснование побуждения, просьбы – во второй части предложения.

Лексема, наряду с союзной функцией, могла вносить значение выделения, ограничения. В предложении можно выделить компонент или компоненты, на которые распространялось действие лексемы и, следовательно, ограничительное значение:

(92) А в вѣнчанiи кое новик не исправилъ, ино ты доверши, молитвы старыя говори. Такоже и младенцовъ, отъ новиковъ крещоных, аще отрицалъ и погружалъ, не перекрещивай; **токмо** молитвы старыя проговори и масломъ помажь, и что новикъ не дѣйствовал, ты доверши (АЧел, с. 943).

Из всех возможных действий, совершаемых при крещении, автор рекомендует ограничиться только двумя: *молитвы старые проговори* и *масломъ помажь*. Видимо, основной функцией лексемы *только* в данном высказывании была именно ограничительная, которая становится ещё более очевидной при наличии в предложении сложного условного союза. Ср.:

(93) Которые младенцы-те отъ еретиковъ-тѣхъ крещены, и ты розыскивай: буде отрицаніе было отъ сатаны и в три погруженія крещонъ, и ты **токмо** молитвы и недокончанная над ними соверши: а буде же не было отрицанія, и ты совершенно крести (АЧел, с. 850).

В побудительном предложении мог также употребляться глагол в форме повелительного наклонения, образованной частицей *пускай* и глаголом в форме 3-го лица множественного числа, что нетипично для современного русского языка:

(94) Я безпрестанно б(о)га о томъ молю: “Г(о)с(под)и, аще хотимъ, аще и не хотим, спаси нас!” И г(о)с(по)дь и промышляетъ о нашемъ спасении помаленку; **пускай** потерпимъ **токо**, а то пригодится нѣ въ кую пору; тогда слюбится, какъ время будетъ (АЖит, с. 56).

В этом случае утрата союзной функции и проявление ограничительного значения выражены более отчётливо.

В сочетании с отрицательной частицей *не* и императивом *только* могло вносить значение исключения:

(95) По писанію, какъ говорю рѣчь, такъ ея и пою. А знамени на которой рѣчи прилучится много и неизворотно все выпѣть: и ево отложить небранно, **токмо** рѣчи не отлагай (АЧел, с. 827).

Частица *только* могла также употребляться в сочетании с императивом в устойчивых сочетаниях типа *дай только срок*. В таком контексте частица не выражала ни ограничительного, ни побудительного значений, ни значения желательности:

(96) Горе вамъ смѣющимся, яко восплачете и возрыдаете! **Дайте толко срокъ**, собаки, не уйдете у меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня в рукахъ! (АТолк, с. 488).

(97) <…> Христос-отъ <…> глядитъ и караулитъ воровство ваше, а намъ, бѣднымъ, открываетъ по силѣ нашей. **Дай–токо срокъ**, о Христѣ

будутъ у меня и никоніяня, твои возлюбленные, въ рукахъ, такіе же, что и ты, прелагатаи <…> всѣхъ васъ развѣшаю по дубю (АКнОбл, с. 633).

(98) Жить намъ со своимъ надежею-Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и умремъ с Нимъ, и паки оживемъ с Нимъ; а васъ, собакъ, всѣхъ подъ началъ отдастъ. **Дайте-токо срокъ,** – я вамъ и лутчему-тому ступлю на горло о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ <…> (АКнБес, с. 304).

Значения частицы как бы “растворяются” в словосочетании, и в зависимости от контекста всё словосочетание приобретает значение угрозы, предостережения (примеры 96, 97, 98).

Таким образом, слово *только,* как и другие слова с ограничительным значением, выполняло самые разнообразные функции, внося в высказывание различные значения (ограничения, исключения, выделения), а также выполняло союзную функцию.

3.1.2. Лексема *лишь*

Лексема *лишь* употреблялась значительно реже, чем синонимичная ей *только*.

3.1.2.1. Узуальные функции

Как и частица *только*, *лишь* употреблялась со всеми самостоятельными частями речи и вносила в высказывание такие значения:

1) указание на выделение какого-то одного элемента из некоего множества – значение единственности, исключительности:

(1) <...> я <...> Богу помогающу, по печати пою, да и крюковъ-тѣхъ не изгублю, ненайки **лише** не пою (АЧел, с. 856).

(2) <...> а при королевском дворѣ рече ма[ло] не всѣ гсда в своих дѣлех іздов[олены] опроче **лише** дому Ѳендесмоско[ого] <...> (В-К II, с. 18).

При этом части высказывания связывали отношения противопоставления, “конфликтности”.

2) оценка выделяемого компонента как незначительного, несущественного, ограничение его

а) в качестве:

(3) Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали вес(ь) же, осталъся кусочик в горлѣ маленекъ, накос(ь) рѣзанъ <...> Тогда на той мѣре и зажил, а опослѣ и паки с прежней вырос, **лише** маленко тупенек (АЖит, с. 59).

(4) <...> дорога была уска да и мостъ разломался что **лише** в двѣ лошеди было мочно итти <...> (В-К II, с. 24). Может показаться, что пример (4) представляет собой иллюстрацию значения 2 (а), однако в действительности количественное ограничение введено лишь для того, чтобы подчеркнуть качественную характеристику предмета (дорога была настолько узка, что идти по ней и по разломанному мосту можно было *лише в двѣ лошеди*).

б) ограничение действия: действие ограничено в своём проявлении и оценивается как недостаточное для данной ситуации, не соответствующее ей:

(5) И воевода от нихъ, мятежниковъ, боялся, **лишо** плачетъ, на меня глядя (АЖит, с. 26).

3.1.2.2. Синонимическая парадигма

В отличие от частицы *только*, возможности *лишь* были не столь широки, а значение *лишь* объяснялось через *только*, поэтому практически во всех случаях замена *лишь* на *только* была возможна. Ср.:

(6) <...> я <...> Богу помогающу, по печати пою, да и крюковъ-тѣхъ не изгублю, ненайки **лише** не пою (АЧел, с. 856); (7) <...> я <...> Богу помогающу, по печати пою, да и крюковъ-тѣхъ не изгублю, ненайки **только** не пою.

(8) <...> а при королевском дворѣ рече ма[ло] не всѣ гсда в своих дѣлех іздов[олены] опроче **лише** дому Ѳендесмоско[ого] <...> (В-К II, с. 18);

(9) <...> а при королевском дворѣ рече ма[ло] не всѣ гсда в своих дѣлех іздов[олены] опроче **только** дому Ѳендесмоско[ого] <...> (В-К II, с. 18).

(10) Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали вес(ь) же, осталъся кусочик в горлѣ маленекъ, накос(ь) рѣзанъ <...> Тогда на той мѣре и зажил, а опослѣ и паки с прежней вырос, **лише** маленко тупенек (АЖит, с. 59); (11) Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали вес(ь) же, осталъся кусочик в горлѣ маленекъ, накос(ь) рѣзанъ <...> Тогда на той мѣре и зажил, а опослѣ и паки с прежней вырос, **только** маленко тупенек (АЖит, с. 59).

(12) <...> дорога была уска да и мостъ разломался что **лише** в двѣ лошеди было мочно итти <...> (В-К II, с. 24); (13) <...> дорога была уска да и мостъ разломался что **только** в двѣ лошеди было мочно итти <...> (В-К II, с. 24).

(14) И воевода от нихъ, мятежниковъ, боялся, **лишо** плачетъ, на меня глядя (АЖит, с. 26); (15) И воевода от нихъ, мятежниковъ, боялся, **только** плачетъ, на меня глядя (АЖит, с. 26).

3.1.2.3. Смешанные функции (частица+союз)

В обследованном материале не выявлены примеры употребления лексемы *лишь* в смешанной функции.

3.1.2.4. Союзные функции

Союз *лишь* употреблялся только в сложных предложениях, как в сложносочинённых, так и в сложноподчинённых.

В сложносочинённых предложениях союз *лишь*

1) соединял предложения, из которых одно противопоставлялось другому, ограничивая или частично отрицая его:

(15) <...> Албертъ писалъ с вестовыми листами <...> а после того переменения не бывало **лише** лехкие и неподлинные вѣсти <...> (В-К II, с. 148).

2) присоединял побудительные предложения:

(16) <…> хотя медвѣдя дай намъ въ олтар-етъ, и мы рады тебя, государя, тѣшить, **лише** намъ погребы давай, да кормы з дворца (АТолк, с. 479).

Присоединяя предложение или часть предложения, выражающие желание, лексема приобретала оттенок усилительного и модального значения:

(17) <...> с ним царемъ туръским переговорим рѣчь всякую, **лишъ бы** ему царю наша казачья рѣчь полюбилас(ь) (АзПов., с. 146).

Союз *лишь* оформлял высказывания, в которых говорится о некоем положении вещей, единственно приемлемом для субъекта высказывания: ***лишъ бы*** *ему царю наша казачья рѣчь полюбилас(ь)* (пример 17). Побудительное значение усиливалось благодаря первой части высказывания, содержащей определение *всякую*, т. е. *любую*.

В сложноподчинённых предложениях союз ***лишь*** использовался для присоединения

1) придаточных предложений времени:

(18) Люди голодные: **лишо** станутъ бит(ь), ано и умрет <...> (АЖит, с. 33).

(19) **Лишо** о братьяхъ родных д(у)х(о)внику поговорилъ, и онъ их в Верху <…> жит(ь) устроил <…> (АЖит, с. 23).

Союзы в придаточных предложениях времени (как и в современном русском языке) употреблялись в значении ‘как только, едва только’ и указывали на то, что действие, о котором говорилось в главном предложении,

наступало сразу после действия, о котором говорилось в придаточном предложении.

Как и *только*, союз *лишь* обычно находился в начале одной из частей сложносочинённого предложения или в начале придаточного предложения. Перестановка союза в сложносочинённых предложениях вполне допустима. Но действие союза становилось более ограниченным, а сам союз приобретал значение частицы. Ср.:

(20) <...> пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, иако же и у ногъ бедры толстыя, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, **лишо** сабли той при бедрѣ не писано (АКнБес, с. 283) и (21) <...> пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, иако же и у ногъ бедры толстыя, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, сабли **лишо** той при бедрѣ не писано.

Следует отметить, что не всегда выделительно-ограничительные слова, употребляющиеся в предложении или части предложения с императивом, можно рассматривать только как выразители побудительного значения, долженствования. Союз *лишь бы* не только присоединял предложения, выражающие пожелание, но также выражал ограничительное значение и отношения противопоставления:

(22) Тако Златоустый пишетъ на посланіе Апостольское в Бесѣдахъ, во Нравоученіи, обличая схизматизники, еже есть раздирающія церковь, якоже нынѣ, видимъ, творятъ никоніяна, вся Богомъ преданная и святыми отмѣщутъ, да и говорятъ сами, діяволомъ научени: какъ бы нибудь, **лишь бы** не по старому! <…> что вамъ старина помѣшала? Развѣ то тяжко, что блудить-тово не велятъ старыя святыя книги? (АКнБес, с. 412).

(23) <…> и восколіятелному образу кланятися повелѣвають Христову, и Богородичну, и святых всѣх, **лише бы** подобно вылит (АЧел, с. 898).

(24) <…> нынѣ и мы страждемъ, и всѣхъ васъ, слышащихъ, утверъжаемъ о прелести отступленія оберегатися и враговъ креста Христова, никоніянъ, не устрашатися, и мужески за благочестіе предаватися на различныя мукъ терзанія, или какъ кому Богъ благоволитъ. **Толко лишь бы** неповреждену по совѣсти от настоящей, нынѣ дѣйствуемой, прелести всякому правовѣрующему душу свою свободить. А врагомъ, и губителемъ, отступникомъ не покорить себе и вовсе с ними душею и тѣломъ не погибнуть (АКнБес, с. 326).

В данных предложениях фрагменты с *лишь бы* свидетельствуют об определенной иерархии ценностей. “*Лишь бы* ***x*** означает, что положение вещей ***x*** противопоставляется некоторому классу положений вещей как критерий оценки класса, определяющий приемлемость, релевантность и т. д. элементов класса” [57, с. 59].

Приемлемость или неприемлемость других положений вещей оценивается с точки зрения того, способствуют или препятствуют эти положения вещей достижению определённого результата (***x***): в компоненте с *лишь бы* заключается информация о крайнем элементе в иерархии ценностей, об определённых приоритетах для говорящего или для того, о ком говорится. Так, в примере (24) приоритетом является *неповреждену по совѣсти отъ настоящей, нынѣ дѣйствуемой прелести <…> душу свою свободить,* и для этого необходимо *мужески за благочестіе предаватися на различныя мукъ терзанія*”, что само по себе не является желательным; в примере (23) – главное, чтобы образ, которому *подобает кланятися, был подобно вылит,* даже если он *восколіятелный* (противопоставляется *всякой иконѣ написанной, неподобной*, которой *кланятися не подобает*).

Высказывание с *лишь бы* может приобретать характер осуждения, если субъект высказывания не идентичен личности говорящего. Это обусловлено «несовпадением “системы приоритетов“ у говорящего и того субъекта, о

котором идет речь» [57, с. 59]. Примером такой отрицательной оценки может служить пример (21): объективно плохо поступать *как бы нибудь*, но для тех, о ком говорится в предложении, это оправданно, т. к. их приоритет – *лишь бы не по старому*. Аввакум явно осуждает тех, кто живёт не *по старине*, обосновывая свое негативное отношение в последующем контексте: поступать *как бы нибудь* – то же самое, что блудить.

Выполняя функцию выражения смысловых отношений, *лишь* соединяет предложения, в которых наблюдается несоответствие информаций:

1. Утверждение единственного, незначительного факта на фоне полного отрицания:

(25) Вошолъ бѣсъ в келію мою и ходилъ около меня, – ничево мнѣ не здѣлалъ, **лишо** из рукъ четки вышибъ (АЖит, с. 24).

2. Несоответствие единственного, незначительного факта общему утверждению. Частица по значению сближается с предлогом *кроме.*

(26) У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было, **одинова лишо** двухъ с(ы)нов, мален(ь)ки еще были, Иванъ и Прокопей, тащили со мною, что кобел(ь)ки, за волок нарту (АЖит, с. 33).

Но в примере (26) выделяемые элементы (*два сына*) не входят в класс (*собаки*), следовательно, исключение является мнимым, компонент с *лишь* подтверждает отрицание, и между ним и классом возникают отношения противопоставления.

Иногда встречаются особые случаи, когда кажется, что отношения противопоставления “маскируются” под отношения исключения, но и противопоставление оказывается мнимым. Ср.:

(27) Таже с(вя)щенника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ из горла <...>. А по дву годах и опять иной языкъ выросъ, чюдно, с первой же величиною, **лишо** мален(ь)ко тупенек (АЖит, с. 58).

Казалось бы, в примере (27) мы видим типичное противопоставление, однако, как уже говорилось, выделяться из класса и противопоставляться элементам класса могут только однородные элементы. В данном же примере частица *лишо* связывает фрагменты, содержащие различные характеристики одного и того же предмета: размер (*с первой жо величиною*) и форму (*мален(ь)ко тупенек*).

3. Несоответствие единственного факта другому или другим фактам (в этом случае имеет место не исключение, а противопоставление):

(28) <...> і отринув вся, послѣднюю недѣлю не хлебалъ ни воды, ни квасу до Лазаревы субботы, **лишь** ротъ полоскалъ для правила (АЗап, с. 722).

3.1.3. Лексема *разве*

3.1.3.1. Узуальные функции

В центре внимания исследователей находится прежде всего вопросительная функция частицы. Ограничительному значению уделяется значительно меньше внимания, хотя в XVII веке именно оно было доминирующим для *разве* так же, как для *только* и *лишь*.

Условия употребления *разве* и других ограничительных частиц сходны: в высказывании противопоставляются выделенный элемент и множество, причём это противопоставление разрешается в пользу элемента. В контексте, “порождающем” ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов (примеры 1, 2, 3), но может и не входить в него (примеры 4, 5, 6).

(1) Помыслите кождо о себѣ правду, ибо сатана заслѣпляетъ очи наши <…> Мнимся, яко Бога любимъ, а словеса и святыя заповѣди Его презираемъ во всемъ, и пребываемъ во всѣхъ кознѣхъ діяволскихъ въ житіи семъ суетнѣмъ, кромѣ **развѣ** малыхъ избранныхъ Божіихъ (АЧел, с. 802).

(2) <…> паки реку: еже сынъ имя есть убо и человѣкомъ, есть же и Христови; но намъ, обычнѣ бываетъ, яко да убо отъ именованія, иже ни единому же сущаго, **развѣ** тому, и ино, еже мнозѣмъ не сущее, Тому сущее быти вмѣниши (АКнОбл, с. 596).

(3) Поклоны: <…> На Святую Пасху и во всю Пятдесятницу и нощію въ поясъ. И промежъ Рожества и Крещенія въ поясъ. И во всякую субботу, и недѣлю, и въ праздники въ поясъ; **развѣ** въ Великую субботу, противъ Великаго дня, то метаніе по колѣну (АЧел, с. 920).

(4) И аще отъ православнаго попа получишъ истиннаго таиньства, самъ ся причасти. <…> Причащаетжеся и жена, и отроча, само своими рукама, а не друг друга, – **развѣ** младенца отецъ да причаститъ (АЧел, с. 866).

(5) Вси во лжи человѣчестѣй и въ козняхъ льщенія лежимъ, кромѣ избранныхъ малыхъ **развѣ** въ житіи семъ суетнѣмъ (АЧел, с. 778).

(6) Мы <…> яко псы і яко котки другъ на друга ворчимъ і прыщемъ яко козлы. Увы, погибе благоговѣйный от земля, і нѣсть в человѣцехъ ісправляющаго, **развѣ** въ ізбранныхъ і святыхъ (АСотв, с. 676).

Эти предложения представляют собой примеры эксплицитного выражения заданного множества (*мы*, т. е. все верующие; *всякая суббота, и недѣля, и праздники, самъ (отец), жена и отроча, человѣцы*). Но множество может быть выражено и имплицитно, т. е. не присутствовать в контексте. Ср.:

(7) Имѣюще пищу и одежду, симъ доволни будемъ, а о прочихъ возложимъ на Бога. Али Богъ забылъ насъ? Ни, ни. Аще и забудет мати не помиловати роженія своего, но Азъ не забуду, рече Господь. <…> Имеши ли реченію сему вѣры? Повѣрь, – неложно. Рече Господь: небо и земля мимо идутъ, а словеса Моя не имутъ прейти. **Развѣ** невѣренъ и невѣжда не имѣтъ сему вѣры. Азъ вѣрую Богу моему, Емуже и служю всею совѣстію отъ чиста сердца, яко будетъ такъ и есть, еже речи Господь (АЧел, с. 921).

(8) А егда бы съелъ просвиру-ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго их никониянъскаго с(вя)щ(е)ния таковая бѣда, а от бол(ь)шаго агнца причастяся, что получиш(ь)? **Развѣ** вѣчную муку. Лутче умереть не причастяся, нежели причастяся осуждену быти (АЖит, с. 71).

Элементы – *невѣренъ* и *невѣжда, вѣчная мука* – противопоставляются классу. Понятие класса не нуждается в конкретизации, т. к. совершенно очевидно, что в примере (7) речь идет об истинно верующих – только они имеют *реченію сему вѣры* в противовес *неверным и невеждам*, в примере (8) – всё, кроме *вѣчной муки*.

Так же, как частицы *только* и *лишь*, связывая текстовые фрагменты, *разве* маркирует следующие виды отношений элемента и класса:

I. Отношения исключения, которые могут иметь различные конкретные проявления.

1. Единственный элемент исключается из класса однородных элементов на основании того, что он не обладает свойствами, присущими остальным элементам этого класса, причем могут сопоставляться

а) предикативные группы: (9) Таже послали меня в Сибир(ь) в ссылку з женою и дѣтми. И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, **развѣ** малое помянут(ь) (АЖит, с. 26).

б) именные группы: (10) Помыслите кождо о себѣ правду, ибо сатана заслѣпляетъ очи наши <…> Мнимся, яко Бога любимъ, а словеса и святыя заповѣди Его презираемъ во всем, и пребываемъ во всѣхъ кознѣхъ діяволскихъ въ житіи семъ суетнѣмъ, кромѣ **развѣ** малыхъ избранныхъ Божіихъ (АЧел, с. 802).

(11) Вси во лжи человѣчестѣй и въ козняхъ льщенія лежимъ, кромѣ избранныхъ малыхъ **развѣ** въ житіи семъ суетнѣмъ (АЧел, с. 778).

(12) И аще отъ православного попа получишъ истиннаго таиньства, самъ ся причасти. <…> Причащаетжеся и жена, и отроча, само своими

рукама, а не друг друга, – **развѣ** младенца отецъ да причаститъ (АЧел, с. 866).

в) группы, выражающие атрибутивные отношения (качественное противопоставление): (13) И я говорил: смерть мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опона, не грози мнѣ смертию; не боюсь тѣлесныя смерти, но **развѣ** грѣховныя (АЗап, с. 705).

г) обстоятельственные группы (“временное противопоставление”): (14) А которыя люди иконамъ старописаннымъ въ подобіи не поклоняются, кромѣ еретическаго никоніянскаго собранія; и то творятъ нєхорошо; подобаетъ поклонятися святымъ иконамъ; **развѣ** въ службу никоніянскую, то не подобаетъ покланятися (АЧел, с. 823).

2. Единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания. В этом случае сопоставляются

а) именные группы (субъекты): (15) А во Отечникахъ писано: егда-де человѣка в лице похвалишь, тогда сатанѣ его словомъ предаешь. Отъ вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ в лице святымъ звать, **развѣ** Навходоносоръ Вавилонскій (АКнТолк, с. 466).

б) актанты действия (объекты): (16) Дніе наши не радости, но плача суть. Воспомяни, – егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, отъ утробы изшедъ матерни. И всякой младенецъ тако творитъ, познаменуя плачевное сіе житіе: яко дніе плача суть, а не праздника, якоже мнѣ, грѣшнику, на земли и праздника нѣсть, **развѣе** святымъ и праведнымъ, кои веселятся законы Божіими и заповѣдми Его, соблюдающе (АЧел, с. 918).

(17) И тамо и здѣ схожденіе, но обаче и сія силы покрываютъ себе крилы, – ни за что же ино, **развѣ** за сіе (АКнОбл, с. 606).

(18) <…> паки реку еже сынъ имя есть убо и человѣкомъ, есть же и Христови; но намъ, обычнѣ бываетъ, яко да убо отъ именованія, иже ни

единому же сущаго, **развѣ** тому, и ино, еже мнозѣмъ не сущее, Тому сущее быти вмѣниши (АКнОбл, с. 596).

(19) Чесого убо ради, рцы ми, крилѣ предлагаютъ сераѳими? Ничтоже ради иного, **развѣ** оноя ради Апостолскія рѣчи, еже во свѣтѣ живый неприступнѣ, самѣми дѣлы являюща (АКнОбл, с. 603).

в) предикативные группы: (20) Мы <…> яко псы і яко котки другъ на друга ворчимъ і прыщемъ яко козлы. Увы, погибе благоговѣйный от земля, і нѣсть в человѣцехъ ісправляющаго, **развѣ** въ ізбранныхъ і святыхъ (АСотв, с. 676.)

(21) По гласу Господню, тать всякъ именуется невходяй дверми Евангельскаго ученія, но прелазя инудѣ, чрезъ преданія, положенныя благодатію Святаго Духа. Итако, тать не приходитъ **развѣ** да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ и съ собою повлечетъ послѣдующаго ему в ложныхъ ученіяхъ (АКнБес, с. 306);

г) обстоятельственные группы (характеристика действия): (22) Есть бо правила сице: да не молится со еретики вкупѣ во церкви, или в домѣ их, но **развѣ** без них (АЧел, с. 891).

д) обстоятельственные группы (“пространственное противопоставление”): (23) Всегда отъ нихъ [от антихристов] подобаетъ стрещися и бдѣти, по писанному: блаженъ бдяй и стрегій ризы своя, да не нагъ ходитъ. Хотя маленко оплошися: тотчасъ ограбятъ до нага и сволокутъ ризу святаго крещѣнія, такъ сталъ игралище бѣсомъ и не попалъ ни куды, **толко развѣ** в пеклъ огненный, с ними поримски вѣруя (АКнТолк, с. 463).

(24) Пропала, чадо, правда, негдѣ соискать стало, **развѣ** в огонь совѣстью собрався, или въ тюрму по нашему (АЧел, с. 899).

“Отрицаемое” может не иметь вербального выражения, особенно в предложениях, представляющих собой ответ на вопрос (как правило, риторический). Одно и то же лицо задаёт вопрос и отвечает на него. *Разве*

одновременно указывает на единственность, исключительность (примеры 26-2, 28-1,2), несущественность, незначительность (примеры 27, 28) и даже нежелательность (примеры 25, 26-1) выделяемого элемента.

(25) А егда бы съелъ просвиру-ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго их никониянъскаго с(вя)щ(е)ния таковая бѣда, а от бол(ь)шаго агнца причастяся, что получиш(ь)? **Развѣ** вѣчную муку. Лутче умереть не причастяся, нежели причастяся осуждену быти (АЖит, с. 71).

(26) А ты, никоніянъ, чѣмъ похвалишься? – скажи-тко! Антихристомъ своимъ нагимъ **развѣ-1** да огнемъ, да топоромъ, да висѣлецею? Богаты вы тѣмъ! – знаю я. Да кто от святыхъ такъ дѣлалъ? **Развѣ-2** Саул царь, сынъ Киссовъ (АКнБес, с. 366).

(27) А ты, душе, много ли имѣешь ли при нихъ? **Развѣ** мѣшокъ, да горшокъ, а третье лапти на ногахъ (АКнБес, с. 252).

(28) Отъ вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ в лице святымъ звать**, развѣ-1** Навходоносоръ Вавилонскій уже есть! Да досталось ему безумному! Седмь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядше, плачучи. <…> Какъ простилъ Богъ слезъ тѣхъ ради, такъ потомъ годѣ усу тому воля давать; не сталъ ужъ раздувать, но и до смерти сѣменьми питашеся. А то приступу не было: Богъ есмь азъ! Кто мнѣ равенъ? **Развѣ-2** Небесной! Онъ владѣетъ на небеси, а я на земли, равенъ ему! (АКнТолк, с. 466).

(29) <…> положи Господь во святомъ Евангеліи притчу о блудномъ сынѣ <…> Что бо принесе блудный, **развѣ** наготу свою, и пріятъ первую одежду и наслажденіе въ дому милостиваго Отца небеснаго <…> (АЧел, с. 886).

Таким образом, в зависимости от того контекста, в котором употребляется ограничительная частица, она либо ограничивает множество релевантных объектов “сверху” и осмысляется в значении ‘не более, чем’

(примеры 25, 26, 27, 29), либо ограничивает соответствующее множество “снизу” и осмысляется в значении ‘не менее, чем’ (пример 28).

3.1.3.2. Синонимическая парадигма

Частицы *только, разве* и *лишь* объединяет общее определение (ограничительные) и в словарях *лишь* обычно толкуется через *только*, а *разве* ограничительное – через *только* и *лишь*, однако было бы ошибкой говорить о семантической тождественности частиц и рассматривать только их стилистичесчкие различия. Замена одной частицы другой невозможна в следующих случаях.

1. *Разве* не употребляется для обозначения точного количества, в высказываниях, содержащих информацию не о предполагаемом, гипотетическом событии, а об уже свершившемся. Очевидно, это связано со своеобразием семантики лексемы: независимо от того, какую функцию она выполняет – ограничительную или вопросительную, её значение осложняется субъективно-модальным значением неуверенного допущения, предположения, тогда как *только* и *лишь* в этом отношении более “категоричны”. Употребление их в конструкциях, обозначающих приблизительное количество, предполагает изменение порядка слов и использование дополнительных лексических средств (предлога *с*), а иногда и то и другое вместе. Ср.:

(30) И по столпотворении минуло 800 лѣтъ. От Еверова колѣна родися Фара, Фара же роди Авраама, Авраам же роди Исаака, Исаак же роди Иякова, Ияков же роди 12 патриархов – Рувима з братьею. И прииде во Египетъ к с(ы)ну своему Иосифу прекрасному. А с нимъ ис Хананѣи дому ево пришло **тол(ь)ко** 75 душъ (АСоб, с. 111).

(31) И отъ нужи померло твоихъ, государевыхъ, казаковъ съ пятьсотъ, а осталось **только съ** четыредесятъ человѣкъ (АЧел, с. 747).

Но предлога *с* самого по себе (как и изменения порядка слов) вполне достаточно, чтобы внести значение приблизительности. Ср.: (32) И отъ нужи померло твоихъ, государевыхъ, казаковъ съ пятьсотъ, а осталось человѣкъ съ четыредесятъ. *Только* указывает скорее на незначительность, несущественность выделяемого компонента (*четыредесятъ человѣкъ* по сравнению с пятьюстами – очень мало). Поэтому мы можем говорить лишь об участии частицы в конструкции, выражающей приблизительность, недостоверность предлагаемой информации.

2. Если событие, о котором говорится в предложении, уже произошло и его достоверность не вызывает сомнения:

(33) <…> на том бою датченя не устояли а королевича самого четыре дни не было **толко** после того сыскали <…> (В-К, с. 151).

(34) Все померло в водах: люди, и скоты, и звѣри, и птицы н(е)б(е)сныя; **токмо** Ной-праведник со своими спасеся (АСоб, с. 99).

(35) 179-го году, в Великій постъ, протопопъ Аввакумъ, да попъ Лазарь піщи не пріимали до Лазарева Воскресенія, да в Цвѣтную недѣлю. Діяконъ Феодоръ да Епіфаній старецъ до суботы пятыя недѣли піщи не пріимали-жъ; да в Лазарево Воскресенье і Цвѣтную, прочія же в постѣ і молитвѣ, **токмо** укропомъ языкъ прохлаждаша (АЗап, с. 719).

3. *Разве* (как и *лишь*) не может употребляться в контексте иллюстрации, подтверждения введенного ранее тезиса, например: (36) И н(ы)нѣ, вл(а)д(ы)ко, бл(а)гослови, да воздохнувъ от сердца, и языком возг(лаго)лю Дио‖нисия Ареопагита «О б(о)ж(е)ственных именех», еже есть близостные, и что виновные, сирѣчь похвал(ь)ные. Сия сут(ь) сущие: сыи, свѣтъ, истинна, животъ. **Тол(ь)ко** свойственных четырѣ, а виновных много, сия сут(ь): г(о)с(по)дь, вседержител(ь), непостижим, неприступен, трисиянен, трипостасен, ц(а)рь славы, непостоянен, огнь, д(у)хъ, б(о)гъ, и прочая (АЖит, с. 12).

(37) Да **развѣ** ѳевраля въ EI де против властелинско|го указу и против памети те ж вышеписан|ные крстьяня села Слободки и Шипова | и села Дубенки кои на досмотре были | и написаны выше сего в начале в сеи кнге | сказали по свтеи непорочнои евангилскои | заповеди гсдии еже еи еи влны де гсдри | нши власти игуменя и келар с сестра|ми кому де они гсдри нши в денежных | мирских податех полготит ни ізволят | а всему де селу Гляткову в мирских денеж|ных податех лготы дат нелзе потому | что де в наших селах хже их крстьяня есть | **толко** де в селе Глятково скудных крстьянъ | Аноѳреи Петров Михаило Левонтьев Максим Про|коѳевъ Василеи Илинъ Данило Гаври|лов Ѳрол Іванов Дмитрѣи Андрѣев Ананя | Якимов Осип Михаилов Денис Миха|илов Гаврило Лукоянов Агѣи Давыдовъ | тех де крстьянъ в селе Гляткове | скуднее нет <...> (Пам. Влад. XVII, с. 104).

(38) Тако Ісусъ моляшеся Отцу Своему, якоже древле пророкъ Давыдъ, понеже и онъ – Христосъ бысть, си||рѣчь помазанецъ: и призри на лице помазанного Твоего, глаголя. Но не истинный Христосъ. **Токмо** над человѣки царствова. Царь же истинный Христосъ Богъ нашъ, понеже воцарися надъ грѣхомъ (АКнТолк, с. 439).

3.1.3.3. Смешанные функции (частица+союз)

В обследованном материале не выявлены примеры употребления лексемы *разве* в смешанной функции.

3.1.3.4.Союзные функции

Союз *разве (только разве)* употреблялся значительно реже и соединял высказывания, связанные условно-противительными отношениями, в то же время сохраняя своеобразие семантики, присущее ограничительным частицам:

1. Единственный элемент исключается из класса однородных элементов: (39) А в понедѣлники міряномъ мяса ясти правила повелѣвают.

Развѣ кто самъ изволит не ясти мяса и рыбы в понедѣлники, и яко среду и пяток соблюдати изволит; или по заповѣди отца духовнаго епитемію понесет за своя согрѣшения (АЧел, с. 896).

(40) Троицею бо, кромѣ воплощенія Сына Божія и страстей Христовыхъ, знаменати крестъ хульно есть и нечестиво: **развѣ** аще кто продастъ вѣру за тридесятъ сребренниковъ, емуже судитъ Богъ (АЧел, с. 883).

2. Единственный факт (в данном случае единственное условие, при котором могут произойти определенные события) утверждается на фоне полного отрицания:

(41) <…> а сего чину людѣі на службу не ходят **разве** будет нужа великая іли король тут самъ будет (В-К II, с. 17).

(42) Писмо что было послано от начaлн[ого] полевово моршалка Тортенсона вsяли в котором он пишет что он не мыслитъ идти из Мерские земли **толко разве** ему болшая неволя будет <…> (В-К II, с. 33).

(43) <…> в мой грѣховной органъ непристойно внити благодатному огненному уму. **Развѣ** по созданію данному ми розуму отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ (АЧел, с. 848).

3. Текстовые фрагменты связывают отношения противопоставления и даже взаимоисключения: (44) [Государю моему] [Ан]др[е]ю Іль[и]чю старо[с]тишка | твои Ѳедка Григоревъ челом бьет послали лесъ | двести сорок деревъ да семнацат дасокъ | тринацат касѣков пят жалобовъ члвку | ево Івану Михаиловичю да велел ты побит челом | о подводах лесу повозит и онъ члвкъ ево сказ[а]л по Андрѣю Ильичю писму нѣ смѣю дат подводъ | **разве** Іванъ Михаилович Андрѣю Ільичю за свое[ю] рукою писмо дастъ туд де стар от нужи дать | с Любишкою Семеновым да с Кандрашкою с Улянов|ым гсдрь смилуися (НРЯ XVII, с. 54). Сопоставляются два на первый взгляд равноценных элемента (письмо Андрея Ильича и письмо Ивана

Михайловича). ***Разве*** оформляет текстовый фрагмент, содержащий сообщение о факте, в пользу которого разрешается противоречие.

3.2. ДРУГИЕ “МАНИФЕСТАЦИИ” ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА

В функции предлога лексема *лишь* употребляется в двух значениях:

1) ‘сверх, свыше всего’: (1) Яко егда сърячеши ближьняго своего, почьсти и **лише** мѣры [7, с. 259];

2) ‘кроме’: (2) Кто <…> **лише** мужа [7, с. 259].

Только и *развѣ* употребляются в значении ‘кроме’:

(3) А что ты, Меланья, сама не отпишешь ко мнѣ? Али боишься? Небойся никово, **токмо** Христа! (АКнБес, с. 406).

(4) <…...> не человѣкообразно божественное! Не глаголите на Бога неправду. Не имать бо сличія человѣкъ к Богу, ни по души, ни по чему иному, **развѣ** гласа, святый рече (АКнОбл, с. 612).

Наречие *лишь* имеет только одно значение – ‘больше, сверх нормы’: (5) Трепаревъ же не молвити чашамъ в пиру, лише три <…> и **лише** не велим [7, с. 259]. Разграничить предлог *лишь* и наречие сравнительно просто, т. к. после предлога обязательно употребление существительного в родительном падеже.

Наречие *только* употребляется в двух значениях:

1) ‘больше, сверх этого’: (6) <…> нехотя все побрел один, тащилъся с версту, да и повалился, **только** не смогу (АЖит, с. 74);

2) ‘наоборот’ (в функции вводного слова): (7) <…> война меж обеими королевствами не скоро утишитца, **толко** ото дни до дни болши становитца (В-К II, с. 165).

1) ‘кажется, видится, думается’ (в функции вводного слова): (8) И вскочилъ ко мнѣ въ кѣлию бѣсъ <...> и сжалъ мя крѣпко и туго зѣло; невозможно ми ни дышат(ь), ни пищать, **тол(ь)ко** смерть (ЕЖит, с. 87).

В функции предлога лексема ***только*** семантически сближается с предлогом *кроме*: (9) Я инова оружия на бесов не имею, **токмо** крестъ Христовъ, и священное масло, и вода святая <…> (АЖит, с. 36).

Значения лексем *только* и *лишь* в функции наречия и предлога, с одной стороны, и частицы и союза, с другой, не пересекаются. Видимо, их следует рассматривать как проявление грамматической омонимии, т. е. чисто внешнее совпадение никак по существу не связанных слов.

Предлог *разве* (в современном русском языке отсутствует) употреблялся с родительным падежом для выражения следующих отношений:

1. Полному отрицанию противопоставляется факт, который не включается в отрицаемое. В контексте, с одной стороны, сохраняется идея уникальности, единичности, с другой – подчеркивается семантика исключения:

(10) Господь же ему рече: добрѣ разсудилъ еси, яко нѣсть инъ Богъ **развѣ** Мене; Азъ Богъ живыхъ и мертвыхъ въ нихъ (АКнБес, с. 331).

(11) Богъ есть един, сотворивый небо, и землю, и вся, яже суть в них; таж сотворивый отъ единоя крови весь языкъ человѣчь областію своею, и нѣсть инъ Богъ, **развѣ** Его (АЧел, с. 889).

(12) Зрите, Ефремъ Потемкинъ съ Ѳедоромъ: не человѣкообразно божественное! Не глаголите на Бога неправду. Не имать бо сличія человѣкъ къ Богу, ни по души, ни по чему иному, **развѣ** гласа, святый рече (АКнОбл, с. 612).

В то же время элемент ***х*** (*гласъ*) является малым, незначительным, ничтожным по сравнению с другими элементами, которые могли бы

присутствовать в ситуации; его присутствия оказывается недостаточно для преодоления контекстно заданной “пустоты”. «Введение ***x***-а не только не противоречит первоначальному представлению о ситуации, но и в определенном смысле подчеркивает “пустоту” класса» [57, с. 58].

2. В контексте задан класс элементов, по отношению к которому элемент ***x*** вводится как часть класса, но в то же время как бы находящийся “вне класса”: (13) || Въ суботы поститися не подобаетъ, **развѣ** Великія суботы (АЧел, с. 825). Класс (*суботы*) преобладает, но элемент (*Великая суббота*) является более значительным, чем класс.

Семантика исключения, присущая предлогу ***разве*,** прослеживается в значении и употреблении ***разве*** вопросительного. Впрочем, границы между вопросительным и ограничительным значениями частицы ***разве*** размыты, неопределённы. В некоторых случаях довольно трудно определить, какое именно значение выражает частица – ограничительное или вопросительное.

(14) Безуміе, в сію нощь ангелъ душу твою истяжетъ отъ тебе, а яже уготова, кому будетъ? **Развѣ** турскому царю? Охъ, охъ, затмѣніе ума! А все-то блюдолизы римскіе устроили с Никономъ врагомъ гоненіе сіе на христіанъ (АКнБес, с. 278).

С одной стороны, частица выполняет вопросительную функцию, с другой – в ней отчётливо прослеживается значение исключения, единичности (никому, кроме турского царя).

(15) Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своим природнымъ языкомъ <…>. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кириломъ святымъ и братомъ его. Чево же намъ еще хощется лутче тово? **Развѣ** языка ангельска? (АКнТолк, с. 475). Вопросительное значение сочетается со значением ограничения “снизу” (‘не менее, чем’) и со значением единственности [лучше природного (русского) языка может быть только ангельский язык].

(16) Прости, Михайловичъ свѣтъ, либо потомъ умру, да же бы тебѣ вѣдомо было, да никакъ не лгу, нижъ притворяяся, говорю: В темнице мнѣ, яко во гробу, сидящу, что надобна? **Развѣ** смерть? Ей, тако (АЧел, с. 761). Частица употребляется в значении ‘ничего, кроме’.

Основные случаи употребления ***развe*** вопросительного таковы:

1. ***Развe*** вопросительное употребляется в риторических вопросах для выражения уверенности в противоположном ответе. Предложение с частицей ***развe*** используется в качестве отрицания возможности “обсуждаемой ситуации” [22, с. 272]: (17) И в Великий постъ метанія на колѣну класть окаянные не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что: сему конецъ будетъ! **Развѣ** умерши, станутъ кланяться прилежно? Да мертвые уже на ногахъ не стоятъ, и не кланяются, лежатъ все и ожидаютъ общаго возстанія и противо дѣлъ воздаянія (АСоч, с. 698).

(18) А ты, никоніянъ, чѣмъ похвалишься? – скажи-тко! Антихристомъ своимъ нагимъ **развѣ-1** да огнемъ, да топоромъ, да висѣлецею? (АКнБес, с. 366).

(19) <…> ни что же ино являютъ крилѣ, развѣ естества легкое, якоже убо крилѣ естества высокое являютъ. <…> Такоже и имена: онѣхъ убо премудрость, овѣхъ же чистоту являютъ. Что бо есть херувимъ, **развѣ** умноженіе разума? Что же есть сераѳимъ, **развѣ** огненна уста? (АКнОбл, с. 607).

2. Частица употребляется в значении, скорее соответствующем современному *неужели.* Описываемая ситуация представляется автору невероятной, невозможной. Частица служит для выражения недоверия, сомнения: (20) <…> якоже нынѣ, видимъ, творятъ никоніяна, вся Богомъ преданная и святыми отмѣщутъ, да и говорятъ сами, діяволомъ научени: какъ бы нибудь, лишь бы не по старому! Охъ, собаки! что вамъ старина

помѣшала? **развѣ** то тяжко, что блудить-тово не велятъ старыя святыя книги? (АКнБес, с. 413).

(21) На что лутче сего? с мученики в чинъ, со Апостолы в полкъ, со святителя в ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу, Святѣй Троицѣ престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми безплотными, с предивными роды вчиненъ! А во огнѣ томъ здѣсь неболшее время потерпѣть, – аки окомъ мгнуть, так душа и выступитъ! **Развѣ** тебѣ не разумно? Боишися пещи-той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи-той страх-отъ; а егда в нея вошелъ, тогда и забылъ вся (АКнТолк, с. 571).

3. Говорящий выражает удивление по поводу сложившейся ситуации, так как он считал, что эта ситуация не должна была иметь место:

(22) На что лутче сего? с мученики в чинъ, со Апостолы в полкъ, со святителя в ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу, Святѣй Троице престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми безплотными, с предивными роды вчиненъ! А во огнѣ-томъ здѣсь неболшее время потерпѣть, – аки окомъ мгнуть, так душа и выступитъ! **Развѣ** тебѣ не разумно? Боишися пещи-той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи-той страх-отъ; а егда в нея вошелъ, тогда и забылъ вся (АКнТолк, с. 571).

ВЫВОДЫ

В языке XVII века для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения” [112] в основном употреблялись усилительные и выделительно-ограничительные частицы, которые использовались в различных позициях и выполняли разные функции. Анализ лексико-семантических свойств частиц позволил выявить следующие закономерности:

1. Для выражения усилительного значения использовались частицы *и, же, да, даже, ведь, бо, вот*. Усилительные частицы находились, как правило, в препозиции к слову, значение которого усиливалось или выделялось, но могли располагаться и после выделяемого слова (*бо, ведь*, *и* в значении *именно*), употреблялись как контактно, так и дистантно. Исключение составляла частица *же*, которая всегда находилась в постпозиции к выделяемому слову.

2. Термин “усилительная частица” не отражает всего многообразия выполняемых ею функций. В исследуемом материале зафиксированы различные оттенки значений усилительных частиц (аргументативность, побудительность и т. д.), а также случаи совмещения значений.

3. Функции частиц тесно связаны с союзными. Частица *же* выполняла сопоставительную функцию, Частицы *же, ведь, бо* осуществляли так называемую аргументативную функцию. В древнерусском языке, как и в современном, выявлены два варианта аргументации – “за” и “против”.

4. Употребление выделительно-ограничительных частиц предполагает наличие какой-то ситуации, информации, которая имела место раньше. В контексте, порождающем ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов, но может и не входить в него. Отношения исключения, которые маркируют выделительно-ограничительные частицы, имеют следующие конкретные проявления: а) единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания; б) единственный (или незначительный) факт не соответствует общему утверждению; в) единственный факт не соответствует другому или другим фактам.

5. Союзы *только* и *лишь* и их модификации употребляются только в сложных предложениях (как сложносочинённых, так и сложноподчинённых).

В сложносочинённых предложениях союзы 1) соединяют предложения, из которых одно противопоставляется другому, ограничивая или частично отрицая его; 2) вводят высказывание, объясняющее невозможность осуществления какого-либо действия); 3) присоединяют побудительные предложения. В сложноподчинённых предложениях союзы *только* и *лишь* используются для присоединения 1) придаточных условных предложений (в современном языке это значение отсутствует); 2) придаточных предложений времени; 3) предложений, которые представляют собой пояснение, изложение причин того, о чём говорится в предыдущем предложении (сближается по значению с союзом *потому что*). Очевидное сходство функций, выполняемых частицами *только* и *лишь*, всё же не позволяет сделать однозначный вывод об их дублетности. Взаимозаменяемость частиц невозможна а) в составе частиц *только и (всего), не только что*; б) в составе союзов *не только (что) …, но и …; если только (аще только)*; д) в сочетании с частицей *разве* – в функции условного союза; е) с отрицательной частицей *не*. Значения лексем *только* и *лишь* в функции наречия и предлога, с одной стороны, и частицы и союза, с другой, не пересекаются. Видимо, их следует рассматривать как проявление грамматической омонимии.

6. Анализ семантики и функций усилительных и выделительно-ограничительных частиц позволяет сделать вывод об их многофункциональности. Наряду с основным, частицы вносят множество дополнительных значений, выполняют различные синтаксические функции, а также придают высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Для исследования семантического и функционального многообразия частиц необходимо привлечение не только микро-, но и макроконтекста.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЖит	Житие Аввакума [Текст] // Пустозерский сборник Н. И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л. : Наука, 1975, С. 9–80.
АЖит*	Житие протопопа Аввакума [Текст] // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979, С. 17–78.
АКнБес	Книга бесѣдъ [Текст] // Сб. «Памятники истории старообрядчества XVII в.». – Книга первая, вып. I. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927.
АКнОбл	Книга обличений или Евангеліе Вѣчное [Текст] // Сб. «Памятники истории старообрядчества XVII в.». – Книга первая, вып. I. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927.
АКнТолк	Книга толкований и нравоучений [Текст] // Сб. «Памятники истории старообрядчества XVII в.». – Книга первая, вып. I. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927.
АСоб	Аввакум. Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека [Текст] // Пустозерский сборник Н. И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л. : Наука, 1975, С. 92–102.
АЧел1	Челобитные, послания, поучения и письма [Текст] // Сб. «Памятники истории старообрядчества XVII в.». – Книга первая, вып. I. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927.
АЧел2	Аввакум. Челобитные, письма, послания // Житие

протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения [Текст] – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – С. 131–228.

АТолк — Аввакум. Из «Книги толкований» // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения [Текст] – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – С. 101–122.

АзПов — Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков [Текст] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. – М. : Художественная литература, 1988 – С. 499–513.

АлСоч — Сочинения царя Алексея Михайловича [Текст] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Книга первая. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 499–513.

АОбращ — Поучение аввы Дорофея о любви и обращение Аввакума к “питомникам церковным” [Текст] // Пустозерский сборник Н. И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л. : Наука, 1975. – С. 9–80.

АПД 1644-61 — Акты писцового дела (1644–1661 гг.) [Текст] – М. : Наука, 1977.

В-К II — Вести-куранты 1642 – 1644 гг. [Текст] – М. : Наука, 1976.

ЕЖит — Житие Епифания [Текст] // Пустозерский сборник Н. И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л. : Наука, 1975. – С. 80–91, 112–138.

МПереп — Переписка Ф. П. Морозовой с Аввакумом и его семьей

	[Текст] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Книга первая. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 580–586.
ПамВлад XVII	Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край [Текст] – М. : Наука, 1984.
НРЯ XVII	Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия [Текст] – М. : Наука, 1965.
СлИсп	Аввакум. “О трех исповедницах слово плачевное” [Текст] // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – С. 101–122.
Урус	Письма Е. П. Урусовой [Текст] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Книга первая. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 587–593.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов, Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология [Текст] / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Учпедгиз, 1945 г. – 234 с.
2. Ададуров, Василій. «Основанія Русской грамматики [Текст] / В. Ададуров. – С-Петербургъ, 1731. – На Нѣмецкомъ языкѣ, въ приложеніи къ Нѣмецко-Латинско-Росіискому Лексикону Вейсманна. – Электронный адрес доступа к информации – http://russian_xviii_centure.academic.ru // Адодуров Василий Евдокимович.
3. Адрианова-Перетц, В. П. Протопоп Аввакум [Текст] / В. П. Адрианова-Перетц // В кн.: История русской литературы, т. 1, ч. 1. – М. : Учпедгиз, 1941. – С. 298–304.
4. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики. Имя [Текст] / К. С. Аксаков // Серия “Лингвистическое наследие XIX века”. – М. : Либроком", 2011. – 232 с.
5. Андреева, И. П. Роль частиц, оформляющих синтаксические связи и отношения между предложениями в тексте [Текст] / И. П. Андреева // Неполнозначные слова как средство оформления в синтаксисе: Межвуз. сб-к научн. трудов. – Ставрополь, 1988. – С. 123–128.
6. Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие [Текст] / Н. Д. Арутюнова. Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1990. – стр. 24 –25 .
7. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи “де, дескать, мол”. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 437 – 448.

8. Баранов А. Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы «да»: Материалы к изучению семантики и прагматики диалога [Текст] / А. Н. Баранов // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. – Тарту, 1987. – С. 15 –22.
9. Баранов, А. Н., Кобозева, И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос [Текст] / А. Н. Баранов, И. М. Кобозева // Прагматика и проблема интенсиональности: Сб-к научн. трудов. – М., 1988. – С. 25–47.
10. Барсов А. А. Российская грамматика [Текст] / А. А. Барсов. – М. : Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.
11. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / В. А. Белошапкова. – М. : Высшая школа, 1977. – 248 с.
12. Богданов, С. И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. Учебное пособие [Текст] / С. И. Богданов. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – 140 с.
13. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений) [Текст] / В. А. Богородицкий. – Казань, 1913. – 553 с.
14. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц [Текст] / И. М. Богуславский. – Москва : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 464 с.
15. Богданова-Бегларян, Н. В. Конструкция *(...) скажем (...)* в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) [Текст] / Н. В. Богданова-Бегларян // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. –2012, № 2. – С. 153–157.
16. Бороздин, А. Аввакум Петрович [Текст] / А. Бороздин // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», [1911]. – Т. 1. – Стб. 117–120.

17. Брехт, Ричард Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы ***бы*** в русском языке [Текст] / Ричард Д. Брехт // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 101-117.
18. Булатникова, А. Е. Семантика и функции частиц *даже*, *же*, *то*, *таки* в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / М., 1973. – 23 с.
19. Булаховский, Л. А. До поняття речення [Текст] / Л. А. Булаховский // Наук. зб. Харк. наук.-досл. кафедри історії української культури.– Харьків, 1926. – №№ 2–3. – С. 126–133.
20. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка: для студентов филол. фак. ун-тов и фак. яз. и лит. пединститутов УССР [Текст] / Л. А. Булаховский. – Киев : Радяньска школа, 1953. – 436 с. – Т. II.
21. Булыгин, И. А. Аввакум Петрович [Текст] // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 1. – С. 49–50.
22. Булыгина, Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
23. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
24. Вайс, Даниэль. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов [Текст] / Даниэль Вайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 434–463.
25. Валова, В. А. Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же* [Текст] / В. А. Валова // Вестник ПСТГУ III: Филология. – 2014. – Вып. 4 (39). – С. 16–33.
26. Васильева, А. Н. Частицы разговорной речи [Текст] / А. Н. Васильева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 282 с.

27. Венгеров, С. А. Аввакум Петрович [Текст] // Критико-биографический словарь русских писателей: (От начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1889. – Т. 1, вып. 1. – С. 24–38.

28. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова) [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 400 с.

29. Виноградов, В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления [Текст] / В. В. Виноградов // Труды Отдела древнерусской литературы. М, 1958. – Вып. XIV. – С. 371–379.

30. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума [Текст] / В. В. Виноградов // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы; (Труды фонетич. ин-та практич. изучения языков [Под ред. И. Э. Гиллельсона)]. – Пг. : Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. – [Ч.] I. – С. 195–293.

31. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. – [2-е изд.]. – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.

32. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.

33. Виноградов, В. В. / Лексикология и лексикография. Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.

34. Виноградов, В. В. История русского литературного языка. Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.

35. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XIV-XIX веков [Текст] / М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.

36. Вовчок, П. А. О некоторых типах слов-конкретизаторов в русском языке (по материалам „Жития протопопа Аввакума“). АКД [Текст] / П. А. Вовчок. – Свердловск, 1942. – 24 с.

37. Володин, А. П., Храковский, В. С. Опыт анализа семантико-синтаксических свойств усилительной частицы *же* в императивных контекстах [Текст] / А. П. Володин, В. С. Храковский // Семантика служебных слов: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Пермский ун-т, 1982. – С. 23–33.

38. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А. Х. Востоков. – СПб., 1831. – 408 с.

39. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский язык: Лексикология. Фонетика. Морфология : учебное пособие для фак. рус. яз. и лит. пед. Институтов [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1957. – 408 с.

40. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология [Текст] / А.Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1967. – 432 с.

41. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. – Ч. II. Синтаксис [Текст] / А.Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1973. – 350 с.

42. Гирке, В. К вопросу о функциях слов *и*, *тоже* и *также* [Текст] / В. Гирке // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 81–100.

43. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1990. – 639 с.

44. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. – Санктпетербургъ, 1827 въ Типографии императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома [Текст] – факсимильное электронное воспроизведение книги, файл в формате pdf.

45. Гудзий, Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление [Текст] / Н. К. Гудзий // Житие протопопа

Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – [М.] : Academia, 1934. – С. 7–59.

46. Гудзий, Н. К. Протопоп Аввакум и его сочинения [Текст] / Н. К. Гудзий // История древней русской литературы. Изд. 5-е, переработанное. – М. : Учпедгиз, 1953. – С. 440–457.

47. Гудзий, Н. К. Аввакум Петрович [Текст] / Н. К. Гудзий // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – Т. 1. – Стб 52–54.

48. Гусев, В. Е. „Житие протопопа Аввакума“ как художественное произведение“[Текст] / В. Е. Гусев // В кн.: 2-я конференция научных работников Челябинской области. Доклады. – Челябинск : Изд. Челябинского Дома ученых, 1948. – С. 29–33.

49. Гусев, В.Е. Заметки о стиле "Жития" протопопа Аввакума [Текст] / В. Е. Гусев // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) /Отв. ред. Д. С. Лихачев. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. –Т. 13. – С. 273–282.

50. Гусев В. Е. «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в.: (Постановка вопроса) [Текст] / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / Ответственный ред. Малышев В. И. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – [Т.] XIV. – С. 380–384.

51. Гусев, В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума [Текст] / В. Е. Гусев // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XV. – С. 192–202.

52. Гусев, В. Е. Аввакум Петров – выдающийся русский писатель XVII века [Текст] / В. Е. Гусев // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Гослитиздат, 1960. – С. 5–51.

53. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / Владимир Иванович Даль. – М. : Русский язык, 1980.

54. Демкова, Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретация, источники [Текст] / Н. С. Демкова // Сб. статей. – СПб : Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1997. – 219 с.

55. Демкова, Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения) [Текст] / Н. С. Демкова / Ленингр. гос. ун-т им. Жданова / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. –168 с.

56. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания [Текст] / [А. Н. Баранов, К. Бонно, Н. Б. Василевская и др.] / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 447 с.

57. Добиаш, А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка [Текст] / А. В. Добиаш. – Прага : Изд-во Др. Эд. Грегра, 1897. – 544 с.

58. Дорошенко М. Н. Функциональное значение и дистрибуция усилительных частиц. Автореф. дисс. к.ф.н. [Текст] / М. Н. Дорошенко. – Минск, 1975. – 24 с.

59. Еремин И. П. Житие Епифания. Легенды о Никоне [Текст] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941—1956. – Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. – 1948. – С. 322 – 329.

60. Зельдович Г. М. Система номинальных значений частицы *хоть* и их взаимодействие с контекстом. АКД [Текст] / Г. М. Зельдович. – Харьков, 1990. – 23 с.

61. Зизаний, Лаврентий. Грамматика словенска об искусстве совершенного осми частей слова (1596 г.). Факсимильное издание [Текст] / Зизаний Лаврентий. – К. : Наукова думка, 1980. – 55 с.

62. Знаменская, А. В. Частица “и” в современном русском языке [Текст] / А. В. Знаменская // УЗ Смоленского ГПИ, 1964. – Вып. XIII, ч. 1 "Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания". – С. 46–54.

63. Знаменская, О. Е. Семантико-функциональная характеристика частицы “ведь” в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. к.ф.н. [Текст] / О. Е. Знаменская. – М., 1985. – 23 с.

64. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.

65. Иванова, Т. К. Функции частиц *вот* и *только* в современном русском языке. АКД. [Текст] / Т. К. Иванова. – Благовешенск, 1970. – 24 с.

66. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). [Текст] – М. : Учпедгиз, 1952. – 272 с.

67. История русской литературы: В 10 т. [Текст] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Гл. ред.: П. И. Лебедев-Полянский (пред.), А. С. Орлов, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, Н. К. Пиксанов, Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Л. А. Плоткин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941—1956. – Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. / Редкол. тома: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. – 1948. – 441 с.

68. Копыленко, И. М. О коммуникативных функциях частиц. Автореф. дисс.к.ф.н. [Текст] / И. М. Копыленко. – Алма-Ата, 1981. – 25 с.

69. Копыленко, И. М. О своеобразии семантики частиц [Текст] / И. М. Копыленко // Семантика языковых единиц. Ч.3. – М., 1993. –С. 137–140.

70. Копыленко, И. М. Явление пресуппозиции и частицы [Текст] / И. М. Копыленко // Семантика служебных слов и уровни ее реализации: Сборник научных трудов. – Краснодар, 1994. – С. 43–46.

71. Крейдлин, Г. Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). Автореф. дисс.к.ф.н. [Текст] / Г. Е. Крейдлин. – М., 1970. – 23 с.

72. Крейдлин, Г. Е. Лексема ДАЖЕ [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Семиотика и информатика. Вып. 6. – М. : ВИНИТИ, 1975. – С. 102–113.

73. Кривоносов, А. Т Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов [Текст] / А. Т. Кривоносов // Филол. науки, 1975. № 5. – С. 93–103.

74. Кульбакин, С. М. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений [Текст] / С. М. Кульбакин. – Харьков, 1913. – 96 с.

75. Курганов, Н. Г. Российская универсальная грамматика или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей [Текст] / Н. Г. Курганов. – Спб., 1769.

76. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Курилович. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.

77. Левонтина, И.Б. Словарная статья частицы -ка [Текст] / И. Б. Левонтина // Семиотика и информатика. – Вып. 32. – М., 1991. – С. 136–140.

78. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия [Текст] // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.; Л., 1950 – 1983. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 19–79.

79. Ломоносов, М. В. Российская грамматика [Текст] // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений [Текст] / АН СССР. – М.; Л., 1950 – 1983. –

Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.

80. Ляпон, М. В. К вопросу о языковой специфике модальности [Текст] / М. В. Ляпон // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Вып. 3. – С. 230–239.

81. Малышев, В. И. Заметка о рукописных списках жития протопопа Аввакума: (Материалы для библиографии) [Текст] / В. И. Малышев // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. VIII. – С. 379–391.

82. Малышев, В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме [Текст] / В. И. Малышев // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. IX. – С. 387–404.

83. Малышев, В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» [Текст] / В. И. Малышев // Древнерусская книжность: По материалам Пушкин. Дома: Сб. науч. тр. / Академия наук СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв. ред. А. М. Панченко. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 277–322.

84. Малышев, В. И. [Предисловие к публикации двух неизвестных писем протопопа Аввакума] [Текст] / В. И. Малышев // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / Ответственный ред. Малышев В. И. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – [Т.] XIV. – С. 413–416.

85. Малышев, В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме [Текст] / В. И. Малышев // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Отв.

ред. В. И. Малышев. – М.; Л. : Наука. Изд-во АН СССР, 1965. – Т. XXI: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. – С. 327–345.

86. Маркелова Т. В. Оценочное высказывание и оценочная ситуация [Текст] / Т. В. Маркелова // Вопросы лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. – М. : МПУ, 1998. – С. 6–15.
87. Материалы из архива пустозерских узников. [Текст] // [По изданию: Памятники Старообрядческой письменности] / [Предисловие Н. Ю. Бубнова]. – СПб, 1998 г
88. Мельниченко, Н. П. Частицы-союзы *разве что* и *разве только* [Текст] / Н. П. Мельниченко // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2013. – № 5 – С. 11–16.
89. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи [Текст] / Н. И. Мещанинов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 387 с.
90. Мирович, А. Основные функции частиц в современном русском языке [Текст] / А. Мирович // Лексикографический сб. – М., 1962. – Вып. V. – С. 104–111.
91. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Состояние и перспективы [Текст] / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М. : Прогресс, 1978. – С. 5–39.
92. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1985. – 168 с.
93. Овсянико-Куликовский, Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка [Текст] / Д. Н. Овсянико-Куликовский. – С.-Петербургъ : Изданіе Д. Н. Жуковскаго, 1912. – 312 с.
94. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1978. – 921 с.

95. Отин, Е. С. Из истории частиц [Текст] / Е. С. Отин // Ученые записки Сталинского государственного педагогического института. – Сталино (Донецк), 1960. – Вып. 8. Филологическая серия. – С. 226–246.

96. Отин, Е. С. Из истории средств модальной оценки чужих высказываний [Текст] / Е. С. Отин // Ученые записки Донецкого государственного педагогического института. – Донецк, 1962. – Вып. 11. – С. 44–52.

97. Отин, Е. С. Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII–XVII вв.: АКД [Текст] /Е. С. Отин. – М., 1962. – 24 с.

98. Отин, Е. С. О субъектных формах передачи чужой речи [Текст] / Е. С. Отин // Рус. яз. в шк. – 1966. – №1. – С. 51–58.

99. Отин, Е. С. К истории развития косвенной речи в древнерусском языке [Текст] / Е. С. Отин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1969. – № 5. – С. 54–64.

100. Отин, Е. С. Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке [Текст] / Е. С. Отин // Проблемы развития языка: Межвуз. сб. – Саратов, 1977. – Вып. 1. – С. 106–116.

101. Памво Беринда. Лексикон словенороський (1627) [Текст] – [Лексикон словенороський Памви Беринди / підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. – К., 1961. – 271 с.].

102. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – 6-е изд. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. – 450 с.

103. Пиккио, Рикардо. История древнерусской литературы [Текст] / Рикардо Пиккио. – Изд-во “Кругъ”, 2002. – 352 с.

104. Попова-Боттина, Т. Л. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа [Текст] / Т. Л. Попова-Боттина // ж. «Вопросы языкознания». – 2009. № 4. – С. 72–86.

105. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. [Текст] Александр Афанасьевич Потебня. – М. : Учпедгиз. – 1958 – 1985.

106. Прияткина, А.Ф., Стародумова, Е.А. и др. Словарь служебных слов русского языка [Текст] / Отв. ред. Е. А. Стародумова / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова и др. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – 363 с.

107. Прияткина, А.Ф. Присоединительная конструкция с союзом «да еще» [Текст] / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избр. труды. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 269–279.

108. Прияткина, А. Ф., Стародумова Е. А. Союзы и частицы в синтагматичесмком и парадигматическом аспектах [Текст] / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 2. – Владивосток, 2012. – С. 20–24.

109. Робинсон, А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты [Текст] / А. Н. Робинсон / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького /Отв. ред. Н. К. Гудзий. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 316 с.

110. Робинсон, А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века [Текст] / А. Н. Робинсон // Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 3–135.

111. Русская грамматика: в 2 т. [Текст] / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980.

112. Сарафанова, Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума [Текст] / Н. С. Сарафанова // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) / Ответственный ред. Малышев В. И. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – [Т.] XIV. – С. 385–390.

113. Синько, Л. А. Конструкции со словом *ведь* в союзной функции в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: [Текст] / Л. А. Синько. – Ставрополь, 1997. – 23 с.

114. Скиба, Ю. Г. Семантика и функции частицы как служебного слова: Курс лекций для студентов филологов [Текст] / Ю. Г. Скиба. – Черновцы : Черновиц. гос. ун-т. – 56 с.

115. Словарь русского языка XI – XVII вв. [Текст] – М. : Наука, 1975. – 1995. – Вып. 1 – 21.

116. Словарь русского языка в 4-х томах [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981 – 1984.

117. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1 – 17. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1951 – 1963.

118. Смотрицкий, Мелетий. Грамматики словенския правилное синтагма (1619 г.) [Текст] / Мелетий Смотрицкий. – К. : Наукова думка, 1979. – 111 с. – (Пам’ятки української мови XVII ст.) / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні.

119. Соболевский А. И. История русского литературного языка [Текст] [Издание подготовил А. А. Алексеев] / Отв. ред. акад. В. И. Борковский; Академия наук СССР, Отделение литературы и языка, Комиссия по истории филологических наук. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 196 с.

120. Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов. Часть II (Морфология. Синтаксис) [Текст] / В. А. Белошапкова, Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова [и др.] / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 640 с.
121. Современный русский язык: Учебник [Текст] / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич / под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2002. – 528 с.
122. Стародумова, Е. А. Частицы-союзы в современном русском языке [Текст] / Е. А. Стародумова // Тезисы докладов XI научной конференции Дальневосточного университета. Ч. 1 : Соц.-экон. и гуманитар. науки. – Владивосток, 1966. – С. 174–175.
123. Стародумова, Е. А. О “союзности” частиц [Текст] / Е. А. Стародумова // Доклады XIV научной конференции Дальневосточного университета. – Т. 12: Современный русский язык (секция филологии). – Владивосток, 1969. – С. 120–124.
124. Стародумова, Е. А. Значение и функции слова «тоже» [Текст] / Е. А. Стародумова // Ученые записки Дальневосточного гос. Университета. – Владивосток, 1971. – С. 53–60.
125. Стародумова, Е. А. Синтаксические функции частицы “даже” [Текст] / Е. А. Стародумова // Учен. зап. Дальневост. ун-та. – 1972. – Т. 62 : Сер. филол. (языкознание). Исследования по современному русскому языку. – С. 32–47.
126. Стародумова, Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке [Текст] / Е. А. Стародумова // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. – С. 32–51.

127. Стародумова, Е. А. Характер синтаксичности частиц [Текст] / Е. А. Стародумова // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня : сб. науч. тр. – Иркутск, 1980. – С. 41–55.

128. Стародумова, Е. А. Текстовые функции ограничительных частиц [Текст] / Е. А. Стародумова // Служебные слова и синтаксические связи : межвуз. темат. сб. – Владивосток : Изд.-во Дальневост. ун-та, 1985. – С. 64-73.

129. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке [Текст] / Е. А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1988. – 96 с.

130. Стародумова, Е. А. Роль частиц в актуальном членении высказывания : (ограничительные частицы) [Текст] / Е. А. Стародумова // Структура и функция элементов языка : сб. науч. тр. – Владивосток : Изд-во ДВО АН СССР, 1990. – С. 168–176.

131. Стародумова, Е. А. Соотношение функций союзов и частиц в контактном и неконтактном расположении [Текст] / Е. А. Стародумова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе : межвуз. сб. науч. тр. / [отв. ред. Лукьянова Н. А.]. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. – С. 159–169.

132. Стародумова, Е. А. Русские частицы: учебное пособие [Текст] / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1997. – 68 с.

133. Стародумова, Е. А. Параметризация описания частиц и опыт их словарного представления [Текст] / Е. А. Стародумова // Форма и содержание единиц языка и речи. – Владивосток : Дальнаука, 1998. – С. 157–167.

134. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка: разноаспектное описание [Текст] / Е. А. Стародумова – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2002. – 291 с.

135. Стародумова, Е.А. Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы [Текст] / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Мор. гос. ун-та, 2011. – С. 101–111.

136. Стародумова, Е. А., Прияткина, А. Ф. Союзы и частицы в парадигматическом и синтагматическом аспектах [Текст] / Е. А. Стародумова, А. Ф. Прияткина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – Т. 18, № 2. – С. 20−24.

137. Темиргазина, З. К. Оценочные высказывания в русском языке: Монография. [Текст] / З. К. Темиргазина. – Павлодар : ЭКО, 1999. – 272 с.

138. Толковый словарь русского языка в 4 томах [Текст] / [Под ред. Д. Н. Ушакова]. М. : Советская энциклопедия, 1935 – 1940.

139. Храпко-Магала, М. В. Частица *де* в истории русского делового языка конца XVII–XVIII вв. [Текст] / М. В. Храпко-Магала // Вестник ПСТГУ III: Филология. – 2015. – Вып. 4 (44). – С. 50–65.

140. Черемисина, М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения [Текст] / Новосибирск : Наука, 1976. – 270 с.

141. Черных, П. Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. – Иркутск : Изд. Иркутской секции научных работников, 1927. – Вып. I. –75 с.

142. Черных, П. Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник северно-

великорусской речи XVII столетия. – Иркутск : Изд. Иркутской секции научных работников, 1927. – Вып. II. –25 с.

143. Черных, П. Я. Говор села Григорова Лысковского района Горьковской области (к вопросу о севернорусской основе языка протопопа Аввакума) [Текст] / П. Я. Черных // Ученые записки Ярославского Государственного педагогического института, вып. IV, Русское языкознание. – Ярославль, 1944. – С. 77–92.
144. Чернышев, В. И. Избранные труды. В 2-х томах. [Текст] / В. И. Чернышев. – Т 1. – М, 1970. – 655 с.
145. Чернышева, А. Ю. Частицы в сложном предложении [Текст] / А. Ю. Чернышева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1997. – 156 с.
146. Чудинов, А. Н. О преподавании отечественнаго языка. Очеркъ исторіі языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, съ приложеніемъ библіографическаго указателя [Текст] / А. Н. Чудинов. – Воронежъ, 1872. – 260 с.
147. Шапиро, А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения [Текст] / А. Б. Шапиро. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 318 с.
148. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. – 620 с.
149. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / М. : Наука. – 1960. – 377 с.
150. Шкляр, Р. М. Логико-смысловые частицы в древнерусском и старорусском языках. АКД. [Текст] / Р. М. Шкляр. – Киев, 1977.
151. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

152. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Языки славянской культуры [Текст] / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

153. Шорохова, В. Н. Наблюдения в области словарного состава „Жития“ Аввакума. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Текст] / В. Н. Шорохова. –1953. – 16 с.

154. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Русская речь. Новая серия. – 1928. II. – Вып. 2. – С. 5–27.

155. Щербань, Г. Е. Частица “даже” как средство организации экспрессивного повтора [Текст] / Г. Е. Щербань // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 306–309.

156. Яо Ли Функции частиц в современной русской устной научной речи. Автореф. дисс. к.ф.н. [Текст] / Яо Ли. – М., 1994. – 22 с.